

ФИЛОСОФСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ
МГУ ИМЕНИ
М.В. ЛОМОНОСОВА

teach-in
ЛЕКЦИИ УЧЕНЫХ МГУ

АРИСТОТЕЛЬ И ФИЛОСОФИЯ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

БУГАЙ
ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

ФИЛСФАК МГУ

КОНСПЕКТ ПОДГОТОВЛЕН
СТУДЕНТАМИ, НЕ ПРОХОДИЛ
ПРОФ. РЕДАКТУРУ И МОЖЕТ
СОДЕРЖАТЬ ОШИБКИ.
СЛЕДИТЕ ЗА ОБНОВЛЕНИЯМИ
НА [VK.COM/TEACHINMSU](https://vk.com/teachinmsu).

ЕСЛИ ВЫ ОБНАРУЖИЛИ
ОШИБКИ ИЛИ ОПЕЧАТКИ,
ТО СООБЩИТЕ ОБ ЭТОМ,
НАПИСАВ СООБЩЕСТВУ
[VK.COM/TEACHINMSU](https://vk.com/teachinmsu).

БЛАГОДАРИМ ЗА ПОДГОТОВКУ КОНСПЕКТА
СТУДЕНТКУ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
МЕДНИКОВУ АННУ АЛЕКСАНДРОВНУ

Содержание

Лекция 1.	6
Предпосылки появления философии Платона.	7
Появление греческой математики.....	7
Философия Платона: парадоксы.....	8
Древняя Академия.....	11
Ученики Академии.....	12
 Лекция 2.	 15
Жизнь Аристотеля.	15
Сочинения Аристотеля.....	19
 Лекция 3.	 24
Подразделение наук.....	24
Логические сочинения Аристотеля.....	24
«Категории».....	25
«Об истолковании».....	28
«Первая аналитика» и «Вторая аналитика», «Топика».....	29
 Лекция 4.	 32
Теория знания.....	32
«Метафизика».....	37
 Лекция 5. Философское содержание «Метафизики».	 39
Первая философия – как наука о первых причинах и началах.....	39
Предмет и аксиома первой философии.....	41
Что такое «бытие как таковое».....	42
Бог или Ум как чистая форма.....	44
 Лекция 6.	 47
Физическое мировоззрение Аристотеля.....	47
Аристотелевское определение природы.....	49
Ключевая проблема «Физики».....	50
Космология Аристотеля.....	53
Учение о душе.....	54
 Лекция 7. Этика Аристотеля	 57
Методологический и гносеологический статус этики.....	57
Предмет этики.....	58

Четыре цели жизни.....	59
Критика идеи блага Платона.....	60
Категория «счастье» в этике.....	61
Три способности души.....	62
Добродетель мысли и добродетель характера.....	63
Этические добродетели.....	63
Свобода воли.....	64
Дианозетические добродетели.....	65
 Лекция 8. Эпоха эллинизма	 67
Эллинистическая	67
культура.....	69
Философия эпохи эллинизма.....	72
Школы.....	72
Эпикур.....	73
Как Эпикур понимал философию?.....	75
Критерии истины.....	77
Физика Эпикура.....	79
Этика Эпикура.....	79
 Лекция 9	 81
Четвероякое лекарство.....	81
Этика Эпикура.....	81
Социальная философия Эпикура.....	82
Стойческая школа.....	83
Философия Стои.....	86
Логика.....	87
Физика.....	88
 Лекция 10	 90
Физика (продолжение).....	90
Всё, что действует, есть тело.....	90
Семенные логосы.....	91
Учение о причинности.....	91
Причина зла.....	93
Этика стоиков.....	94
Учение о первоначальном импульсе.....	94
Добродетель есть разум.....	95
Три объекта стремления.....	95
Определение счастливой жизни.....	96

Понятие «свободы» у стоиков.....	96
Учение о страстях.....	97
Лекция 11. Философия скептиков	98
Этапы развития греческого скептицизма.....	98
Основные понятия греческого скептицизма.....	99
Ранний скептицизм.....	100
Академический скептицизм.....	102
Диалектический скептицизм	103
Скептицизм врачей-эмпириков.....	106
Лекция 12. Поздняя античная философия	108
Культурный контекст.....	108
Формы религиозности периода поздней античности в Риме.....	109
Философия поздней античности.....	112
Неопифагореизм.....	113
Средний платонизм.....	114
Лекция 13. Неоплатонизм	116
Общая характеристика неоплатонизма.....	116
Неоплатонизм как историко-культурный феномен.....	117
Жизнь Плотина.....	118
Сочинения Плотина.....	121
Философия Плотина.....	122
Единое.....	122
Лекция 14. Неоплатонизм	126
Философия Плотина (продолжение).....	126
Ум.....	126
Душа.....	127
Чувственно воспринимаемый космос.....	128
Материя.....	129
Антропология Плотина.	130
Этика Плотина.....	131
Поздний неоплатонизм.....	132
Порфирий.....	132
Ямвлих.....	133
Афинская и александрийская школы.....	134

Лекция 1.

Предпосылки появления философии Платона. Появление греческой математики. Философия Платона: парадоксы. Древняя Академия. Ученики Академии.

В семестре будут три больших темы. Первая тема – завершение анализа греческой философии классического времени или афинской философии. Это часть лекций будет посвящена одной из самых важных фигур в истории мировой философии - Аристотелю.

Затем будет философия эпохи эллинизма (IV в. до н. э. – I в. до н. э.). Этот период любопытен тем, что в нём греческая философия, а потом и римская философия оформляют те этические учения, которые будут очень влиятельны на протяжении всей истории европейской культуры вплоть до нашего времени. Мы будем говорить о таких школах как эпикурейская школа, стоическая школа, скептическая школа. Именно в этот период греческая философия становится мировым феноменом, поскольку она переходит в Рим и начинается влияние не только на Востоке, как бы до этого, но и на Западе.

Последняя часть курса будет посвящена довольно большому по времени периоду с I в. до н. э. до VI-VII вв. н.э.. Это время, которое очень трудно назвать каким-то одним термином. Обычно это время называется философией эпохи Империи. В 30 г. до н. э. исчезает в Средиземноморье последнее независимое государство, эллинистический Египет. В результате этого на территории, которую можно называть Европа, возникает такое образование как Римская империя, и философия развивается соответственно в эпоху Римской империи на всём этом огромном культурном пространстве. Кроме того, эта эпоха очень важна тем, что философия во многом меняет свой статус, функцию и содержание. Она становится философией во многом религиозной. В качестве таковой она вполне плавно переходит к Средневековой философии.

Начиная с позднего Платона, древней Академии и Аристотеля, философия становится изошённой технически. Появляется особая терминология, технические темы, проблемы. Многие темы, которые были сформулированы в этом периоде, обсуждаются вплоть до наших дней: проблемы формы и материи, проблемы единства определения, проблемы соотношения сущности и её акциденций. Всё это важно и возможно применять сейчас к большому кругу проблем от социально-политических до проблем обоснования математики, логики, физических проблем, проблемы души и тела и так далее.

Предпосылки появления философии Платона.

Мы будем рассматривать Платона как фигуру, от которой идут нити к философии древней Академии и к Аристотелю.

Существуют причины, которые обусловили появление Платоновской философии. До конца V в. - начала IV в. греческая мысль уже была богата самыми разнообразными концепциями, прежде всего относящимися к объяснению физического мира. Она была очень богата различными рода гипотезами, которые содержались в сочинении досократиков, где были предложены разные модели объяснения физического мира.

К концу V в. греки оказались перед необходимостью каким-то образом справиться, выбрать из этой огромной массы гипотез и теорий одну. Произвести этот выбор было затруднительно, потому что каждая из этих теорий была убедительна, но легко опровергалась любой другой теорией.

Анаксагор рассуждает о том, что мир происходит в результате того, что ум раскручивает густую, телесную массу семян, и из этого раскручивания образуется некий упорядоченный мир. Это безусловно красиво, эстетично звучит, но не менее красиво и эстетично звучит рассуждение Эмпедокла о том, что всё порождается в результате воздействия на четыре основных корня вещей любви и вражды. Можно добавить и прекрасные рассуждения Анаксимандра о том, что всё выделяется из беспредельного в результате его вечного, непрестанного движения.

Было сформулировано несколько самых разнообразных гипотез, выбрать между которыми было нельзя. Поэтому досократическая мысль, при том, что формулируются такого рода общие положения, содержит элемент скепсиса. Есть знаменитые слова Ксенофана Колофонского о том, что всем правит мнение. Один из самых гениальных учёных и философов всех времён Демокрит, строя физический мир на очень надёжной атомистической гипотезе, в своих методологических, гносеологических сочинениях говорит о том, что знание почти невозможно. У Демокрита есть очень сильный скептический заряд. Существовали и профессиональные скептики, как Протагор, который говорил, что нет смысла искать одного истинного объяснение природных вещей, потому что мерой всех вещей является человек. Человек есть мера всех вещей существующих, что они существуют и несуществующих, что они не существуют.

Появление греческой математики.

Таким образом, к концу V в. был накоплен огромный теоретический багаж натурфилософских гипотез, каждая из которых была ни лучше, ни хуже другой. В этом смысле распространение скептицизма, релятивизма вполне нормальное явление. Но в эту эпоху произошло одно очень важное изменение в научном контексте греческой

мысли, а именно в результате долгого процесса, о содержании которого мы очень плохо знаем, потому что нет источников, к концу V в. оформляется и завоёвывает в узких кругах признание греческая математика. Математика конституируется как отдельная дисциплина, в результатах которой нельзя сомневаться. То есть наряду с этим странным гипотетическим знанием досократиков появляются математические разработки, которые дают знание, которые безошибочно в принципе. Можно сомневаться во всем: каковы причины физического мира, что мы на самом деле видим, но сомнение в том, что сумма углов треугольника равна двум прямым, невозможно. Это знание абсолютно достоверное. Невозможно сомневаться в том, что диагональ квадрата несоразмерна с его сторонами. В результате работ греческих математиков, особенно школы Архита появляется знание безошибочное, абсолютно достоверное знание.

Если рассуждение досократиков было ненадёжно, но они, как правило, исходили из привычного и обычного для нас мира, где есть тёплое и холодное, светлое и тёмное, то в случае с математическим знанием, в котором нельзя сомневаться, появились проблемы и парадоксы. Это знание оперирует вещами, которых мы не видим, не слышим, не обоняем, не вкушаем, не осязаем. То есть появились странные объекты. Самая знаменитая книга по греческой математике, «Элементы» Евклида, начинается с определений. Определение точки из «Элементов»: точка – это то, у чего нет частей. Ни одно из наших чувств не знакомит нас с предметом, в котором нет частей. Второе определение – это определение линии: линия — это длина без ширины. На этих определениях строится безошибочное знание, которое предполагает существование неких странных объектов. Возникает вопрос о том, что же на самом деле существует.

Философия Платона: парадоксы.

Первый, кто начал заниматься проблемой «что существует на самом деле», был Платон. Он был уверен в том, что абсолютно достоверное знание не просто возможно, а оно существует потому, что иначе математика не была бы такой абсолютно достоверной наукой. Второе: это знание не зависит от чувств. Оно приобретается разумом. Это рациональное знание, разумное знание, логическое знание. Третье, что важно для Платона, раз такое знание существует и оно разумно, то у каждого знания должен быть предмет. Эти предметы Платон называет идеями.

Поскольку идеи — это предметы умопостигаемого знания, то у них особые характеристики. Если наши чувства говорят нам, когда мы слышим или видим, мы никогда не имеем дело с чем-то одним. Мы имеем дело для Платона с множественным комплексом. Идеи, напротив, не множественны, а едины. Они существуют не в пространстве и не во времени. Они неделимы и представляют собой денотаты (-значение; то, что обозначается общими именами) наших общих имён.

Постулирование предположения идей дало возможность Платону отказаться от физического объяснения окружающего нас мира и вместо этого заняться логическим объяснением мира.

Существовала идея причины у Платона, но причина не физическая, так как последняя связана с толчком, ударом. Платон считает, что такого рода объяснения, как они были сформулированы натурфилософией, не являются объяснениями, потому что слишком много различных и противоречащих друг другу гипотез. Вместо этого лучше логически разложить или объединить понятие. Платон сформулировал теорию идей, и все идеологии опираются на неё.

Со временем оказалось, что эта теория содержит парадоксы. Платон прекрасно знал о них. Это **парадокс выбора идеи**. Общих имён, денотатом которых является идея, очень много, и они разные. Всё ли, что мы называем общим именем, является идеей? В диалоге «Парменид» старый Парменид спрашивает юного Сократа: «Ты предполагаешь идеи блага, красоты?». Сократ отвечает: «Да, конечно». «А предполагаешь ли ты, что существует идея человека?», - спрашивает Парменид. «В этом я сомневаюсь», - говорит Сократ. Парменид говорит: «А идея мусора, идея грязи? Есть же слово «грязь», общее слово. У него должен быть денотат, а денотатом общего имени является идея грязи». Юный Сократ говорит, что как только сталкивается с этими вопросами, он скорее от них убегает, чтобы не впасть в бездну пустословия, поскольку очень сложно выбрать, какие же существуют идеи, то есть каким классам носителей общих имен может быть приписана идея.

Для решения этой проблемы Аристотель создаст сочинение «Категории», где он будет раскладывать общие имена по группам и будет утверждать, что идея может быть приписана только одной единственной группе, группе сущностей и будет исключать количество, качество, отношения.

Между какими идеями надо было выбирать? Если мы посмотрим на платоновские диалоги, мы увидим, что в диалогах Платон приписывает идеи и наделяет идейностью разные области. Идеи приписываются естественным вещам: человеку, собаке, кошке. Мы находим и идеи искусственных вещей. Читатель десятой книги «Государства» видит, что бог создал идею кровати и идею стола. Возникает вопрос: неужели в самой природе вещей существуют кровать и стол? Третий вид идеи — это идея отношения: больше, меньше, равно. Четвёртый вид — это идея действий и претерпеваний. Оказывается, например в диалоге «Кратил», что резать или давать имя — это тоже идея. Ходить, гулять, бегать — идеи. Следующий класс идей, который тоже вызывал парадоксы, это идея отрицания. То есть должна быть не только идея красоты, но и идея не красоты. Тогда мы сталкиваемся с фундаментальным противоречием главной греческой научной установки: небытия не существует. Этот парадокс выбора идеи довольно сложен.

Вторая группа проблемы относительно платоновских идей — это **проблема причастности вещей идеям**. Теория идей была нужна, чтобы заменить физическое

объяснение логическим. Эта замена возможна, если вещи причастны идеям. Основная функция теории идей — это объясняющая функция. Второй парадокс заключается в том, что если вещь причастна идее, то она может быть причастна только двумя способами. Идея, если она едина и неделима, может войти в одну вещь целиком и не может войти в другую. Тогда давайте откажемся от единства идей. Предположим, что она делима. В таком случае получается, что идея меньшего, например, получается меньше самого меньшего, то есть меньше меньшего самого по себе. Получается новый парадокс и в случае предложения единства идеи, и в случае предположения делимости идеи. Это важный момент в понимании Аристотелевских замечаний по отношению к идеям.

Третий парадокс — это знаменитый **парадокс «третий человек»**. Мы приходим к идеям по Платону путём сведения. Так появляется, например, идея красоты. Но сама идея прекрасна или не прекрасна? Если она не прекрасна, то как она может быть причиной прекрасного? Если она прекрасна, то я её должен включить в другую идею прекрасного. Так я уйду в бесконечность. Идеи нужны были, чтобы прекратить бесконечный поиск физических причин, а они сами порождают логический прогресс в бесконечность.

Четвёртое затруднение: **идеи и вещи существуют отдельно**. То есть: идеи не зависят от вещей, вещи зависят от идей. Для того чтобы это было так, вещи должны быть отдельно от идей. Но если идея отдельно от вещей, а вещи отдельно от идей, то мы, поскольку пребываем в мире чувственного опыта, отделены от идей, и наше знание отделено от идей. Мы не можем познать идеи, и боги, если они познаю идеи, не могут познать нас. Получается два совершенно разных уровня, и возникает проблема дуализма онтологического и эпистемологического.

Следующий момент, который породил самые большие трудности, привёл двух самых значительных философов Древней Академии, Спевсиппа и Аристотеля, к жёсткой критике и отказу от теории идей. Дело в том, что у Платона процесс познания двойственный: отправляясь от чувственных тел, феноменальных, множественных чувственных комплексов, мы восходим к идеям, совершая процесс обобщения. Когда я дохожу до этих общих понятий, до идей прекрасного, блага, единого, числа я должен уметь их подразделять, заниматься делением. Платон пишет несколько диалогов «Софист», «Политик», «Филеб», где по-разному говорит о процедуре деления.

В диалоге «Софист» Платон делит искусства на два вида. Первый вид искусства — производящие: земледелие, гончарное искусства, которые производят новое бытие, которого не было. Второй вид искусств — это приобретающие или овладевающие искусства. Овладевать можно двумя способами: путём договора и соглашения или насильно. Насильное овладение или охота может распространяться либо на неживые предметы, либо на живые предметы. Живые существа обитают на твердой поверхности, либо в текучей среде. Текучая среда может быть воздушной и

водной. Такими делениями, дойдя до конца, можно получать определения. В данном случае рыболова.

Для Платона это деление было умственной гимнастикой, для того чтобы человек, пользуясь такого рода делениями отвлекался от случайного познания путём чувств и приучался к логическому познанию. Как говорит Платон в «Государстве», человек приучался пребывать среди идей. То есть первое значение разделения – педагогическое. Второе значение: разделение позволяет нам определить отношение между идеями. То есть в результате деления нам становится понятно, какие идеи более общие, какие менее общие.

Если отнестись к делению не как к упражнению, не как к педагогическому инструменту, а как к попытке построить онтологию, то получится парадоксальный результат. Платон, когда производит это деление, каждый из членов деления называет видами, эйдосами. Платон считал, что альтернативы этому нет. Как только мы отказываемся от идей, от логического способа познания идей, мы впадаем в не менее жесткие и страшные парадоксы, связанные с описанием феноменального мира. Если нет идей, если мы имеем дело с плывущими, множественными комплексами, которые распадаются в субъекте и объекте, наше положение не менее парадоксально, не менее безнадежно с точки зрения логики и принципа противоречия. Как считал Платон, теория идей даёт возможность развития логики, теории классификаций, чтобы говорить, вести осмысленную жизнь.

Древняя Академия.

Об историческом феномене Древней Академии известно очень мало, ибо мало релевантной информации. Биографии философов не надежны. Для греков биография – это отдых. Она должна быть либо развлекательная, как сборник анекдотов и мало чем отличается от бульварных романов, либо поучительная.

Поэтому историки не могут сказать, чем была Древняя Академия. Были предложены самые разные версии. Например, что это был религиозный союз, так как Платон поставил в Академии алтарь, посвящённый музам. Поэтому предполагали, что юридически платоновская Академия была оформлена как религиозное учреждение.

Другой учёный написал работу, в которой Академия стала прообразом Берлинской Академии Наук XIX в. Это было научное, профессиональное объединение, где Платон был руководителем исследований по конкретным научным дисциплинам, то есть был президиумом Академии Наук и направлял научные исследования. Перед авторитетом Платона склонили свои знамёна самые выдающиеся математики и астрономы.

Можно в Академии видеть и политическую, заговорщицкую организацию. С не меньшим основанием можно видеть в этом политический клуб. Дело в том, что платоновская Академия имело прямое участие в важных, политических событиях того

времени. Сицилия тогда была стратегически важным районом. Академия в лице Спевсиппа, Ксенократа и многих других участников Академии имела отношение к свержению Дионисия Младшего, и с оружием в руках ученики Платона воевали на Сицилии. Аристотель становится личным наставником самого могущественного монарха того времени. То есть политические интересы Академии безусловно присутствовали, поэтому её можно также объявить и политическим клубом.

Четвёртый вариант – это была философская школа в том смысле, каком она станет в эпоху эллинизма. Платон читал лекции, ученики сидели и делали конспекты. После лекций Платон вёл семинары и объяснял назойливым ученикам, что именно он имел в виду. Эта гипотеза наиболее распространена. Но парадокс в том, что очень много в самих диалогах Платона говорится о том, что никаких лекций Платон не читал, ничего никому не объяснял. Например, самые близкие его ученики: Спевсипп, Ксенократ и Аристотель расходились во мнениях, как надо понимать миф Платоновского «Тимея»: в буквальном смысле, что был Демиург, который сотворил мир или как геометрическую конструкцию. Платон им этого не объяснил.

Скорее всего, всё, что говорил Платон, он говорил в диалогах. А людям, которые его окружали, он ничего не говорил, потому что для Платона знание должно родиться само, в душе человека. Нельзя поставить печать и штамп с готовым знанием. Знание либо родится в вашей душе, либо не родится. Тот, кто учит, может лишь помочь вам совершить акт припоминания. Совершите вы его или нет, зависит от качества вашей души. Это был просто частный кружок вокруг Платона, где не было учителей и учеников. Платон пользовался безусловным авторитетом как мыслитель, писатель, один из самых мощных личностей в истории человечества. Люди вокруг него не считали себя хуже или слабее Платона.

Ученики Академии.

Мы будем говорить о трёх именах. Непосредственный приемник Платона Спевсипп. Это племянник Платона, сын его родной сестры. Вторая важная фигура – Ксенократ. Третий – Аристотель, который тоже принадлежал в начале к Древней Академии перед тем, как основал свою школу. Академия располагалась в пригороде Афин. Она не была непосредственно в городской черте. Она располагалась на северо-западе за городской стеной. Там Платоном был куплен небольшой участок, который был посвящён герою Академу. В честь этого героя школа стала называться Академией.

Среди многочисленных людей, которые входили в Академию, можно назвать редактора последнего платоновского сочинения «Законы». Его звали Филипп Опунтский. Он, возможно, был автором «Послезакония», где говорится о вращении Земли вокруг собственной оси. Ещё один ученик – Гераклид Понтийский, автор многочисленных диалогов, которые в античности очень ценились. Он оказал значительное влияние, кажется, на формулировку гелиоцентрической гипотезы.

В 348 г. Платон умирает и, скорее всего, назначает Спевсиппа своим преемником. Он остаётся во главе Академии около восьми лет и умирает примерно в 339 г. Год рождения Спевсиппа с точностью не известен, обычно считается, что в 410 году родился Спевсипп. В 339 г. члены Академии выбрали следующим главой Академии Ксенократа.

Спевсипп очень важная и интересная фигура как философ. Он очень многое позволяет понять в структуре и развитии мысли Аристотеля. Главная проблема, с которой столкнулись Платон и его ученики, — это проблема существования идей, статуса математических объектов, статус чувственно воспринимаемых вещей. Спевсипп, который стал следующим после Платона руководителем Академии, полностью отверг существование идей. Вместо предположения существования идей он утвердил математические числа.

У Платона были идеи чисел. Они не делимы и существуют отдельно. Платон считал, что нет промежуточного уровня между идеей числа и феноменальными числами. Идея трёх не состоит из трёх единиц по Платону. Это единая и неделимая идея трёх. Идеи нельзя складывать, вычитать. Это не идея чисел, с которыми можно производить действия. Это просто числа, расположенные в натуральном ряду чисел.

Ни Спевсипп, ни Аристотель этой платоновской идеи либо не поняли, либо не приняли. Они считали, что математическое число — это то число, которое можно получить путем прибавления, то есть прибавление равных единиц. У Спевсиппа получается, что существуют не платоновские идеи числа, а математические числа, образованные сложением единиц. Поэтому у чисел началом будет единица. Спевсипп — единственный античный философ, который признавал единицу числом. Для Платона, Аристотеля и всей греческой математической традиции первое число — два. Итак, Спевсипп отверг полностью теорию идей и заменил её числами.

Спевсипп — создатель плюралистической онтологии. В неё входят четыре независимых сущностных уровня или четыре ряда сущностей. Первый ряд сущностей — это числа. Началами этого уровня являются единое и множество. Второй ряд — это величины: точка, линия, плоскость, тело. Третий уровень онтологический — душа и души. Четвёртый уровень сущностей — чувственно воспринимаемые вещи. У Спевсиппа нет порождения. Второй уровень не следует из первого как логическое или онтологическое следствие и т.д. Это независимые уровни, между которыми есть только отношение аналогии, и нет порождения.

Спевсипп отверг идеи, но не отверг из базовой платоновской теории самую важную вещь: умопостигаемое знание, предметом которого теперь являются числа. Числа ум познаёт непосредственно. Это очень важный пункт, так как он смог заменить логические единицы, идеи Платона на математические единицы. Тем самым оставить в платоновском наследии самое ценное, как ему казалось, а именно веру в абсолютную точность и достоверность математического познания. Ум непосредственно знает числа, ничего больше нам для достоверного познания не нужно.

Откуда тогда берутся понятия, которыми мы привыкли оперировать в нашей жизни, и откуда берутся две главных операции нашего ума, которые мы совершаем: отождествление и различение? Числа по Спевсиппу учат нас этому: отождествление, когда мы суммируем, различение, когда мы вычитаем.

Ещё один важный момент системы Спевсиппа. Есть четыре уровня, которые связаны отношением аналогии, но что тогда представляют собой чувственные вещи? У него очень интересный ответ: это фокус отношений с другими вещами. Вещь не есть сама по себе, вещь есть то, в какие отношения она вступает со всеми остальными вещами. Нет сущностного определение вещи. Сущностное определение может быть только у числа. Поэтому Спевсипп самым важным делом философа считал составление классификационных таблиц, в которых указываются сходства и различия между вещами. Он написал 10 книг, которые назывались «Сходства» или «О сходных вещах». Занимаясь такого рода установлением сходства, он занимался классификацией животных и растений.

Спевсипп занимал очень жёсткую позицию в области этики. Он был радикальным антигедонистом. Возможно, платоновский диалог «Филеб» в некоторых местах полемизирует с этим радикальным антигедонизмом Спевсиппа. Мы ничего не знаем о его космологии.

Второй академический философ – Ксенократ. Он, как и Аристотель, не афинянин. Это менее интересный мыслитель, чем Спевсипп и Аристотель, но оказал на позднейшую платоническую традицию очень большое влияние, потому что искал компромисс между платоновской онтологией и онтологией Спевсиппа. Ксенократ, решая проблему, как соотносятся идеи, математические объекты и чувственные предметы, попытался найти компромисс между Спевсипповской математизацией и платоновской логизацией. Он постулировал очень странный вид объекта, который одновременно и идея, и счётное число.

Также Ксенократ защищал против Аристотеля метафорическую и аллегорическую интерпретацию платоновского «Тимея». Он занимался исследованиями в области иммунологии.

Лекция 2.

Жизнь Аристотеля. Сочинения Аристотеля.

Аристотель – это одна из самых великих фигур в истории философии. Можно сказать, что наряду с Платоном и Кантом, он образует триумvirат, от которого очень многое зависит, и овладение содержанием мысли Аристотеля очень важно.

Жизнь Аристотеля.

Источников крайне мало. Основным - является книга Диогена Лаэртского и неоплатонические источники. Аристотель родился в 384 г. до н. э. в городе Стагиры на полуострове Халкидика в семье, которая издавна принадлежала к роду врачей и вела свое происхождение от Асклепия, знаменитого целителя, сына Зевса.

Город, несмотря на то что находился далеко от главной культурной столицы того времени, от Афин, был вполне греческим. Там говорили на ионийском диалекте греческого языка. Семья Аристотеля была связана прочными связями с македонским двором. Его отец был придворным врачом царя Македонии Аминта II. Аристотель на всю жизнь сохраняет эти отношения с македонским двором. Родители Аристотеля умерли рано, и он воспитывался у своего опекуна, которого звали Проксен. Аристотель после смерти опекуна усыновил его сына.

О детстве Аристотеля мы ничего не знаем. Можно предположить, что именно благодаря происхождению из семьи врачей, взгляд Аристотеля на мир принципиально отличался от взглядов Платона, потому что греческая традиция приписывает Аристотелю изучение в ранней юности анатомии. Он совсем по-другому смотрел на мир: для него мир живых тел — это был мир реальный. Тогда как для Платона это был мир бесконечного становления, в котором нет четких граней. Реализм Аристотеля, возможно, начал формироваться именно в детстве и ранней юности.

Приблизительно в восемнадцать лет Аристотель приезжает в Афины и входит в объединение людей вокруг Платона, которое по традиции называется Академией. Он проводит в Академии двадцать лет до самой смерти Платона.

Достоверной информации об этом периоде нет, но есть несколько анекдотов, связанные с отношением Аристотеля к Платону и некоторым другим выдающимся деятелям того времени в Афинах. О Платоне традиция говорит, что когда он гулял вместе со своими друзьями и хотел навестить Аристотеля, говорил такую фразу: «Пойдём в дом читателя». Возможно, это говорило о большой эрудированности Аристотеля, или это иронические слова относительно человека, который, прежде всего, занимался начиткой.

Ещё один анекдот: когда Аристотеля не было на лекциях, Платон говорил: «Ум отсутствует, глуха аудитория». Это тоже можно отнести на счёт превознесения

Аристотеля в греческой традиции, но можно тут увидеть след раннего формирования аристотелевского учения об уме. Главным предметом аристотелевской философии является ум, который всё движет и всё оформляет.

Также античная традиция говорит, что Аристотель очень рано в это время стал профессионально заниматься риторикой и вёл занятия по риторике. Будучи членом Платоновской Академии, он очень резко и полемически выступал против другой знаменитой школы того времени, которую возглавлял ритор Исократ. Это одна из великих фигур античной литературной истории. Он был оратором, который преобразовал всю греческую письменную речь, сделав из неё очень богатое, сложное периодически организованное целое. Как мыслитель Исократ был беден. Школа пользовалась огромной популярностью во всей Греции, к Исократу съезжались ученики. Естественно, в Афинах была конкуренция между школой Платона и школой Исократа, который брал большие деньги за обучение, что тоже раздражало тех, кто не хотел эти деньги платить. Об Аристотеле говорят, что он тогда написал ряд сочинений против Исократа, вёл курсы риторики антиисократовской направленности и произнёс фразу, которую потом вся античность цитировала: «Не могу молчать, пока болтают Исократы».

Академия, прежде всего, в это время занималась логико-математическими и математико-астрономическими исследованиями. Аристотель, не смотря на то, что не обладал хорошими математическими способностями, довольно рано погрузился в этот контекст тогдашней академической философии. Оттуда у него основной багаж знаний, хотя, когда он начинает говорить о математике, видно некоторое раздражение. В первой книге «Метафизики» он ворчит на тех, кто подменяет философию математикой. В других сочинениях его отношения к математике и к астрономии остаются довольно скептическим, тем не менее, он этим занимается, и в этой области знает всё, что знали тогда выдающиеся греческие математики и астрономы.

Иногда предполагают, что к этому времени относится начало его литературной деятельности: создание нескольких диалогов. Участники Академии, подражая Платону, писали диалоги. Вёл ли он тогда биологические исследования, занимался ли проблемами исследования метафизики, теории познания, политики? Об этом есть масса разных гипотез и предположений, но ничего твёрдого и общепризнанного в этой области нет.

Платон умирает в 348г. – 347г. Руководителем Академии, видимо, по воле Платона становится Спевсипп. Аристотель вместе с другим знаменитым академиком Ксенократом уезжает из Афин в город Асос на Малоазиатском берегу Эгейского моря, приблизительно там, где была Троя. В Асосе Аристотель остаётся около трёх лет. Он уезжает к человеку, который играл важную роль в международной политике того мира, к ученику Платона, к Гермия. Гермий был тираном города Атарнея и города Асоса. Аристотель был близким другом Гермия, женился на его дочери.

В эти три года в Асосе у Аристотеля начинает оформляться собственная концепция философии. К этому времени многие относят написание им сочинения, которое называется «О философии», которое до нас не дошло. В это время Аристотель становится уже самостоятельным мыслителем, и его сочинение превращается в манифест, в котором он отходит от основных положений платонизма.

В Асосе Аристотель был не только с Гермием и Ксенократом, но и с несколькими платониками, товарищами по Академии. Видимо, там же к Аристотелю приблизился Теофраст. Этот небольшой кружок существует три года, после чего Аристотель уезжает в 345 г. на соседний о. Лесбос, потому что один из городов острова был родиной Теофраста. На Лесбосе он проводит около двух лет до 343 г. – 342 г. Именно на Лесбосе Аристотель очень серьёзно занялся проблемами биологии. Во многих сочинениях Аристотеля места, упомянутые при описании различных видов рыб, имеют отношение к Лесбосу. Можно считать, что там начинаются или продолжаются его биологические занятия.

В 343 г. приходит приглашение от Филиппа Македонского. Возможно, Филипп и Аристотель знали друг друга ещё детьми. Филипп приглашает Аристотеля, о котором он знал от Гермия, ко двору, чтобы воспитывать принца Александра. Начинается недолгое, но интересное сочетание Аристотеля и Александра. Аристотель в течение какого-то времени является учителем Александра, приблизительно в 343 г. – 340 г. В 340 г. воспитание заканчивается, потому что Филипп назначает Александра регентом, то есть младшим соправителем Македонской державы. Видимо, Аристотель смог с юным монархом общаться не долго.

Чему учил Аристотель Александра также неизвестно. Современные филологи считают, что Аристотель с Александром читал Гомера, может быть рассказывал ему об основных формах государственной власти, давал ему классификацию форм правления, может быть, в это время для Александра написано не дошедшее до нас сочинение «О монархии». История о том, что Аристотель сделал из Александра царя-философа, который мог в тонкостях рассуждать о метафизике - это поздняя легенда и преувеличение. Вряд ли Александр, который думал о покорении мира, очень сильно увлекался метафизикой. В это время Аристотель возобновляет связи с македонским двором и становится близким другом очень важного человека, Антипатра, который будет правителем Греции, когда Александр уйдёт на Восток. Аристотель - ближайший друг Антипатра и тем самым человек, очень близкий к верховному повелителю всех греков.

Вероятно, после 340 г. Аристотель живёт какое-то время в своём родном городе Стагиры. В 336 г. убивают Филиппа, Александр становится царём, и после этого Аристотель вновь отправляется в Афины, но уже не как ученик Платона и член Академии, а как учитель и человек, который может и хочет организовать собственную школу. Он её организует в 335 г. Школа «Лицей» находилась на северо-востоке, в пригороде Афин. Там был знаменитый гимназий, где юноши занимались борьбой,

бегом, а потом беседовали с софистами. В этом месте Аристотель организует Ликей, и вокруг него собираются его собственные ученики, прежде всего знаменитый впоследствии Теофраст и многие другие.

Аристотель начинает вести жизнь главы школы, которая заключалась в чтении лекций. Античная традиция говорит о том, что Аристотель читал два вида лекций. Утром наиболее продвинутым ученикам читались курсы по логике, метафизике и физике. Вечером читались более популярные курсы по риторике, политике и этике. В это время Аристотель начинает очень активно заниматься эмпирическими научными исследованиями. Это, прежде всего, исторические исследования, исследования, которые увенчались созданием 158 сочинений о государственном устройстве большого количества греческих полисов. Это подробные исторические сочинения с описанием того, как складывалось это государственное устройство, какие были изменения в политическом устройстве того или иного полиса, какие были изменения в финансовом законодательстве. Эти сочинения не сохранились, кроме одного. Кроме этого, очень активно идут исследования Аристотеля в области, которая обессмертила его имя в научном мире, — это исследование в области биологии. Пишется огромный корпус биологических сочинений.

Ликей славился тем, что Аристотель многому учил, гуляя. Поэтому ученики школы назывались перипатетиками, что с греческого значит «прогуливаться», «ходить вокруг». Современные филологи со скепсисом относятся к этому и доказывают, что Аристотель не мог гулять, потому что в его сочинениях постоянно есть указание на лекционную комнату, на висящие там карты, схемы, анатомические таблицы, картины, где были изображены Сократ и Каллий.

Этим Аристотель занимается во время периода, который длился около 13 лет, с 335 г. по 323 г. В 323 г. далеко на Востоке случается событие, очень важное для греческого мира. Умирает Александр. В Афинах поднимает голову антимакедонская партия. Демосфен ещё был жив. Греческая свобода ещё не была забыта. И тут в самих Афинах враги, вражеская школа человека, который близок к государству-захватчику.

Против Аристотеля выдвигается обвинение в афинском суде в 323 г. Когда умер тиран Гермий, Аристотель написал в честь своего друга торжественный пеан. Пеан — это очень торжественный гимн, который греки писали только богам, а Аристотель написал этот пеан в честь Гермия. За этот пеан он был вызван в суд по тому же обвинению, по которому был вызван Сократ. То есть по обвинению в нарушении благочестия. Традиция передаёт знаменитые Аристотелевские слова: «Я не хочу, чтобы афиняне дважды согрешили против философии». Произнеся эти слова, Аристотель уехал на остров Эвбею.

Аристотель уезжает на родину своей матери, которая была родом с острова Эвбея. Он уезжает в город Халкиду, и через год в 322 г. умирает от желудочной болезни, которой он страдал всю свою жизнь. Он прожил всего 62 года.

Античная традиция говорит нам о таких физических чертах облика Аристотеля: был лыс или плешив, у него были худые ноги, но зато он очень любил хорошо одеваться, носил дорогие плащи, перстни, кольца, серьги, был небольшого роста и имел маленькие глазки. О его нравственном характере судить можно разное. Сам Аристотель в «Никомаховой этике» нарисовал потрясающую картину человека, жизнь которого посвящена следованию добродетелей. Аристотелевское определение счастья — это деятельность согласно добродетели. Насколько он сам этому идеалу соответствовал, идеалу умеренности, идеалу жизни, которая подчинена мере и научному исследованию, сказать трудно.

В античности были разные традиции по поводу нравственного характера Аристотеля. Были рассказы про то, что Аристотель рано начинает критиковать Платона. Платон его сравнивает с жеребёнком, который лягает свою кормилицу. Но в «Никомаховой этике» и в некоторых стихах звучат очень тёплые нотки по отношению к Платону и платоникам.

Сочинения Аристотеля.

Сочинения Аристотеля условно можно разделить на три больших разряда. Первый разряд — это популярные сочинения обычно в диалогической форме, написанные прекрасным языком. Второй большой раздел — это материалы к научным сочинениям, сборники различного рода материалов, заметок к научным сочинениям. Третий вид — это дошедшие до нас научные сочинения Аристотеля. С наследием Аристотеля существует парадоксальная ситуация: с теми сочинениями, которыми античность наслаждалась в течение четырёх веков, мы не знакомы. Не дошли его диалоги и популярные сочинения, то есть они дошли в жалких и скудных фрагментах.

Перечислим самые важные диалоги. «Евдем», который считается очень ранним. В нём Аристотель рассуждает о бессмертии души. В каком-то смысле это аристотелевская версия «Федона». Он строит его по схожей парадигме. Евдем — это близкий друг, который погиб во время экспедиции платоновской Академии против тирана Дионисия. Диалог построен на следующей сюжетной линии. Евдему однажды приснился сон, когда он тяжело болел: во-первых, он станет здоровым, во-вторых, преследовавший его тиран, а он был родом с острова Кипр, будет убит, в-третьих, Евдем вернётся на родину. Евдем после этого сна выздоровел, убили кипрского тирана, но Евдем погиб, и Аристотель в этом диалоге говорит, что предсказание сбылось на самом деле, он вернулся на свою истинную Родину. Возвращение на истинную Родину — это возвращение бессмертной души, которая оставляет тело.

В этом же диалоге Аристотель рассказывает знаменитую историю о царе Мидасе и Силене. Однажды лидийский царь Мидас поймал в лесу Силена, бородатое, козлоподобное, человекообразное чудовище из свиты Диониса, и стал его спрашивать: «Что такое счастье?». Силен сказал: «Для вас жалкого, смертного рода счастье — это не

родиться, а если родились, поскорее сойти в ворота Аида». Аристотель приводит эту историю в контексте платонических рассуждений о том, что подлинная Родина души - это мир, в котором нет тел. Этот диалог можно было бы считать подражанием Платону, но в одном из фрагментов есть любопытный ход, который говорит о том, что у Аристотеля уже в это время была некая своя канва в рассуждениях. В этом диалоге Аристотель критикует представление о душе как о гармонии тела, как и Платон в «Федоне», но иначе. Он опровергает это следующим рассуждением: у гармонии есть противоположность, дисгармония, а у души противоположности нет, следовательно, душа не может быть гармонией. Это вполне Аристотелевский ход мысли, который предполагает то, что душа понимается как сущность, которая может быть носителем противоположности.

Следующее важное сочинение Аристотеля, которым наслаждалась вся античность. Знаменитый **«Протрептик»**. Протрептика — это очень популярный тогда жанр: увещательная речь к занятиям философией. Протрептики писали все: писали софисты, писали ученики Сократа, писали риторы. «Протрептик» Аристотеля — это развёрнутое обращение к одному из кипрских царей, чтобы убедить его заниматься философией. Аристотель в этом сочинении принимает припоминание, теорию идей, бессмертие души и т.д. «Протрептик» важен, потому что, кажется, что некоторые его части потом были переработаны, когда он писал «Метафизику». «Метафизика» начинается с первых двух глав, которые тоже носят во многом протрептический характер. Возможно, «Протрептик» использован Аристотелем и в других сочинениях.

Следующее сочинение — это сочинение в 3-х книгах **«О философии»**, где впервые Аристотель начинает критику главных пунктов Платоновской теории идей и теории идеальных чисел. Аристотель, когда писал эти диалоги, в которых он во многом подражает Платону, особенно в содержательном отношении, очень сильно изменил диалог по форме. Аристотель в каком-то смысле является автором жанра философского диалога, который строится не как жёсткая беседа одного собеседника с другим путём кратких вопросов и кратких ответов на них, как у Платона. Аристотелевский диалог представляет собой длинные речи: один собеседник произносит речь с неким тезисом, другой ему отвечает новой речью с антитезисом, а руководитель беседы, который вводит нас в начале в круг проблем, о которых идет речь, в конце суммирует это. Эту форму диалога потом освоил Цицерон, за ним Августин. В Европе, в основном, потом писались диалоги, по форме напоминающие такой диалог, а не платоновский.

Перейдём ко второй части корпуса сочинений Аристотеля. Это материалы к научным сочинениям. До нас из этой части ничего не дошло, кроме одного сочинения, которое случайно было обнаружено в Египте в 1890 г. Сочинение **«О государственном устройстве афинян»**, который во многом изменил наше представление об афинской истории.

Теперь приступим к той части корпуса сочинений Аристотеля, которая до нас дошла. Это его научные сочинения, техническая часть наследия. Она дошла до нас

очень забавным образом. Аристотель после своей смерти завещал свои сочинения Теофрасту. После смерти Теофраста по завещанию эти сочинения достались человеку по имени Нелей. Он был уроженцем г. Скепис и забрал с собой все сочинения Аристотеля. Нелей умер, его наследники забросили эти сочинения в подвал или на чердак, где их грызли черви, мыши, крысы, и они там валялись два с половиной века. После чего, в силу счастливой случайности эти сочинения снова вернулись в этом искажённом состоянии в Афины, но попали не вовремя, потому что это были восьмидесятые годы I века до н. э., когда Афины были взяты войсками. Эти сочинения были вывезены в Рим, где были изданы Андроником Родосским. Поэтому в сочинениях Аристотеля так много несостыковок, испорченных мест, потому что эти сочинения имели такую тяжелую судьбу. Это тоже легенда, не стоит ей верить. Чему тогда можно верить?

С сочинениями Аристотеля произошла странная вещь. У нас есть каталог аристотелевских сочинений у Диогена Лаэртского. Обычно он переписывал каталог Александрийской библиотеки на состояние 200-го г. до н. э. Те сочинения, которые мы имеем в средневековых рукописях и в наших изданиях, мало соответствуют названиям сочинений в каталоге Диогена Лаэртского. В каталоге Александрийской библиотеке не было никакой «Метафизики», не было «Физики» и других сочинений. Именно Андроник Родосский создал из этих отдельных книг корпус Аристотеля в тематических блоках, которые названы тем или иным общим словом.

В случае с Аристотелем мы имеем кучу текстов, очень часто разного характера, и неопределённого авторства. То есть, когда мы говорим: «Аристотель», мы имеем в виду некую стилистическую и интеллектуальную общность, которая так или иначе связывает различные части этого собрания книг. Некоторые части корпуса, безусловно, написаны Аристотелем, некоторые являются конспектами или заметками учеников, которые отредактированы Аристотелем, некоторые неподлинны.

Перейдём к обзору корпуса. В античных и средневековых рукописях корпус Аристотеля сохранился в следующем тематическом порядке. Начинается корпус с логических сочинений: **«Категории»**, маленькая работа, посвящённая терминам, скорее всего, не подлинная. **«Об истолковании»** посвящены суждению. **«Первая аналитика»** и **«Вторая аналитика»** абсолютно подлинны и образуют главное достижение Аристотеля в области логики, первая из которых — это трактат о силлогизме, а вторая - трактат о научном силлогизме, научном знании. **«Топика»** и **«О софистических опровержениях»** тоже подлинны, ранние сочинения, посвященные разработке диалектического силлогизма и классификации логических ошибок. Это собрание сочинений в V в. н. э. — VI в. н. э. получило название «Органон».

За логическими сочинениями в корпусе следуют сочинения по физике. Главным физическим сочинением Аристотеля является «Физика» или более точно «Физические лекции», сочинение, которое Андроник Родосский создал из двух тематических блоков. У Аристотеля, судя по каталогу Александрийской библиотеки,

было два сочинения. Одно было «О физических началах», это первые четыре книги «Физики». Второе сочинение было «О движении», и начинается он с пятой книги. «Физика» вводит нас в самые общие понятия, необходимые для описания физического мира. В «Физике» Аристотель говорит о форме, материи как фундаментальных понятиях, которые должны позволить нам описать физический мир. После этого переходит к рассмотрению времени, места, континуума. Пятая, шестая и восьмая книги посвящены самой важной проблеме греческой физики - проблеме движения.

После того, как Аристотель очертил общую концептуальную рамку, в его корпусе следуют сочинения, которые относятся к различным областям физического мира. У Аристотеля две главных области физического мира: это мир надлунный, заполненный эфиром, совершающим правильные круговые движения, и мир подлунный. В соответствии с этим делят остальные физические сочинения, а именно Трактат «**О небе**» посвящен надлунному миру, проблеме кругового движения, проблеме движения планет и звёзд, проблемам, связанным с эфирным миром. Сочинение «О небе» в 4 книгах.

Следующие физические сочинения посвящены уже миру надлунному. Это такие сочинения как «**О возникновении и уничтожении**». В надлунном мире нет возникновения и уничтожения. И «**Метеорологика**» про грозы, про дожди, про снега и прочие явления, которые греки объединяли в метеорологию. Это уже описание нашего мира, в котором мы обитаем. Это основные физические сочинения Аристотеля, которые дают общую концептуальную рамку и подробное описание областей физического мира. К ним примыкает сочинение «**О мире**» не подлинное, но очень важное для развития античной и средневековой мысли. Оно было написано примерно в 200-е – 100-е г.г. до нашей эры. Очень многое там выдаёт уже влияние стоиков. Это популярное сочинение, которое полностью рисует нам картину мира, в котором мы живём без аристотелевских апорий, логики и т.д. Оно довольно важное в последующей истории развития античной мысли.

Следующий блок посвящён новой области, которая является частью физического мира, но у неё своё собственное начало. Это психология, отчасти физиология, поскольку у Аристотеля чистой психологии не может быть по определению. Психологические сочинения Аристотеля образуют следующий физический уровень. До этого мы имели дело с простыми телами: с эфиром, с огнём, с воздухом, с водой и землёй. Теперь мы переходим к телам органическим, то есть к телам, у которых есть органы, а эти тела предполагают новое начало: не только природу как начало движения и покоя в физике, а душу. Самое главное из психологических сочинений — это сочинение «**О душе**» в трёх книгах, важный Аристотелевский трактат, где он различает уровни души, говорит о растительной душе, о животной душе, о рассудительной душе, об уме, который приходит извне. За общим концептуальным сочинением Андроник помещает трактаты, которые называются малыми естественно-научными трактатами. Самые важные из них: «**Об ощущении и**

ощущаемом», «О памяти и припоминании», «О сне», «О сновидениях», «О предсказаниях во сне», «О жизни и смерти».

После психологических следуют биологические сочинения. Биологи до начала XX века ещё читали биологические работы Аристотеля как научные работы. Самое большое биологическое сочинение Аристотеля — это «**История животных**». Это не имеет отношения к теории эволюции, а состоит из наблюдений и подробных описаний животных, сгруппированных по видам и родам. Состоит из 10 книг, в последних, четырёх из которых сомневаются в подлинности. Это замечательное собрание описания различных животных, очень подробное, восхитительное по своей точности, иногда содержащее нелепые ляпы: например, там знаменитое высказывание Аристотеля о том, что у паука шесть ног. Эта книга почти не теоретическая, а описательная. У следующей книги «**О частях животных**» первая часть — это аристотелевское теоретическое обоснование биологии. Философу эта книга интересна потому, что в первой книге Аристотель очень подробно сравнивает две логические процедуры: процедуру родо-видового определения и противопоставляет этому деление платоников. «**О движении животных**» интересно тем, что в районе 700с цитируется впервые «**Метафизика**» как сочинение «О первой философии». Ещё работы этой тематики: «**О шаге животных**», «**О рождении животных**».

Далее Андроник поместил сочинения, может быть, самые известные для философа. Это сочинение «**Метафизика**», то, что после физики, знаменитый корпус из 14 книг. Скорее всего подлинный костяк «**Метафизики**» образован 1-ой, 3-ей, 4-ой, 6-ой, 7-ой, 8-ой, 9-ой, 11-ой, 13-ой и 14-ой книгами. Сам Аристотель не мог назвать своё сочинение таким образом. Для него это сочинение «О первой философии». Это сочинение состоит из разных эссе.

Следом идут сочинения по практической философии, прежде всего аристотелевские этики. До нас дошли три этики: «**Никомахова этика**» в 10 книгах, «**Эвдемова этика**» в 8 книга, но 3 из них дословно совпадают с тремя книгами «**Никомаховой этики**», маленькое сочинение «**Большой трактат по морали**» о нравственном знании и ещё одно неподлинное произведение «**О добродетелях и пороках**».

В практических науках остаётся одна область, которая очень близка по мысли Аристотеля к этике — это политика. Здесь мы имеем дело с большим аристотелевским сочинением «**Политика**» в 8 книгах. К практической философии относится и сочинение по экономике, которое скорее всего совсем не аристотелевское. Последняя, самая маленькая часть посвящена тому, что Аристотель называет созидательными науками — это два сочинения: «**Риторика**» и «**Поэтика**». Античная традиция говорит о том, что «**Поэтика**» должна была быть в двух книгах, но она в одной книге.

Лекция 3.

Подразделение наук. Логические сочинения Аристотеля. «Категории». «Об истолковании». «Первая аналитика» и «Вторая аналитика», «Топика».

Подразделение наук.

По Аристотелю в шестой книге «Метафизики» все науки, всё мышление делятся на три большие отдела: на мышление теоретическое, на мышление практическое и на мышление поэтическое или созидательное, творческое. Цель теоретических наук – истина, цель практических наук – совершение поступка, исходя из выбора, созидательные науки создают полезные или прекрасные вещи, оформляют некую данную материю.

Аристотель делит теоретическое, в которое входят три главных науки, вида знания. Знание физическое, которое имеет дело с предметами подвижными и существующими отдельно. Знание математическое, которое имеет дело с предметами неподвижными и не существующими отдельно. Знание, которое Аристотель называет первой философией или теологией, которое занимается предметами неподвижными, но существующими отдельно.

Логические сочинения Аристотеля.

Логике места нет. Она не теоретическая, не практическая, не поэтическая. У Аристотеля прямого ответа на этот коварный вопрос найти нельзя. Есть косвенный ответ на этот вопрос: логика для Аристотеля — это не наука, а искусство. Она ближе к искусству, нежели к знанию. Это искусство, которое позволяет вести спор, прежде всего.

Аристотель считается отцом логики, но отец логики слово «логика» употреблял совсем в другом значении, чем его употребляют логики. Для него слово «логический» значило неточное, вероятное рассуждение, то, что он относил к тому виду логической дисциплины, которую называл диалектикой. Вместо логики он говорит об аналитике. Аристотель употребляет слово «аналитика» в конкретном значении: это умение свести рассуждение к фигурам, модусам силлогизма. То есть аналитик — это человек, который способен свести любое рассуждение к фигурам и модусам силлогизма. Слово «логика» вошло в философский лексикон очень поздно, только в III в. н. э. у самого великого комментатора Аристотеля Александра Афродисийского слово «логика» получает то значение, к которому мы привыкли. Тем не менее, корпус Аристотеля содержит подлинное рождение логики как системы знания.

К логическим сочинениям Аристотеля после Андроника Родосского относят следующие сочинения, которые составляют «Органон»: «Категории», «Об истолковании», «Первая аналитика», «Вторая аналитика», «Топика», «Софистические опровержения». Эти сочинения, по мысли Аристотеля, являются необходимым предварительным условием для занятия наукой, хотя это не наука сама по себе, но это обязательное предварительное условие. для занятия. Аристотель несколько раз повторяет в своих сочинениях, что не может быть успехов в знании у того, кто не владеет аналитикой.

«Категории».

«Органон» начинается с «Категорий». Это не очень большое сочинение, об авторстве и месте которого в аристотелевском корпусе ведутся очень жаркие споры. «Категории» — это сочинение, отличающееся от многих других сочинений Аристотеля чрезвычайно догматичным тоном, простотой суждения по некоторым сложным вопросам, и некоторые догматические учения в «Категориях» не очень похожи на Аристотеля в других его сочинениях. Скорее всего, это не сочинение самого Аристотеля, а более позднее сочинение аристотелевской школы, но наша традиция помещает именно «Категории» в начало аристотелевских логических сочинений. В Античности, в Средние века и в Новое время это сочинение было очень важно для философской мысли, его комментировали, с ним спорили, по его образцу создавали свои категориальные учения Кант, Гегель. То есть сочинение очень небольшое, но сыгравшее огромную роль в философском знании.

Определить предмет «Категорий» очень трудно, так как ученые до сих пор спорят: имеет ли оно прежде всего логическое и лингвистическое значение или значение онтологическое. Трактует это сочинение о наиболее общих именах или о наиболее общих родах вещей? Это сочинение, как и многие другие сочинения Аристотеля, свободно переходит от логического к онтологическому, от лингвистического к онтологическому и обратно. Название сочинения значит наиболее общие предикаты, которые можно высказывать о вещах.

Содержание сочинения начинается с очень важного для Аристотеля различения трех видов высказываемого. Первый вид — это омонимы, второй вид — это синонимы и третий — паронимы. Омонимы — это слова или высказываемые вещи, здесь двусмысленность, которые одинаковы по словесной форме, но имеют различное определение. Синонимы — это слова или высказываемые вещи, которые имеют одинаковое определение. Паронимы — это отымённые или производные слова. В русских переводах это передано словами одноимённые, соимённые и отымённые.

Ещё одно важное для Аристотеля различие. Мы различаем вещи, которые высказываются в сплетении или в связи, и вещи, которые высказываются вне сплетения или без связи. В сочинении «Категории» мы занимаемся вещами, которые

высказываются без связи, вне сплетения. В сочинении «Об истолковании» мы будем заниматься вещами, которые высказываются в связи.

Вещи без связи делятся на 10 общих разрядов, которые и называются «категории» или «предикаты», наиболее общие разряды того, что мы можем о чём бы то ни было высказать. Во-первых, это сущность, самый важный предмет всей аристотелевской «Категории», затем качество, количество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, претерпевание. Аристотель в «Метафизике» обычно говорит о восьми категориях, не включая туда положение и обладание. Иногда говорит о первых четырёх категориях. Есть одно место, где он вообще сводит это всё к двум категориям: сущность и всё остальное. Обычно Аристотель категориальным учением пользуется как инструментом, а не догматически.

В «Метафизике» будет объясняться, что эти 10 наиболее общих значений имеет сущее. Всё сущее сводится к одному из этих значений. Эти значения сущего в каждой категории отличаются по некоторым важным параметрам, и сущее не омонимично.

Всё это нужно Аристотелю затем, чтобы уйти от платонизма, прежде всего. У каждой из категорий появляется свой собственный онтологический статус. Точнее, подлинным онтологическим статусом наделена сущность, а все остальные категории имеют бытие только по отношению к сущности. Получается другая логика и другая онтология.

В «Категориях» противопоставляется три вещи: подлежащее, то, что сказывается о подлежащем и то, что находится в подлежащем. В «Категориях» говорится, что есть вещи, которые не сказываются о подлежащем и не находятся в подлежащем. Есть вещи, которые сказываются о подлежащем. Есть вещи, которые не сказываются о подлежащем или сказываются второстепенным образом, но которые находятся в подлежащем. Четвёртый разряд — это вещи, которые находятся в подлежащем и сказываются о подлежащем.

Это нужно для определения категорий. Десять категорий распадаются на три группы. У нас есть первая категория, сущность. Она не находится ни в каком подлежащем и не сказывается ни о каком подлежащем. Это о ней сказывается всё остальное.

Есть вторая сущность. Категория «сущность» делится на два разряда. Вторая сущность — это виды и роды, которые сказываются о первой сущности, но в них не находятся. Аристотель постоянно критикует Платона и платоников за то, что их идеи не находятся в вещах. Его вторые сущности, виды и роды, тоже не находятся в вещах, но сказываются о вещах.

Все остальные категории находятся в подлежащем как его свойства. Когда мы говорим о качестве, о количестве, об отношении и обо всём остальном, это всё находится в подлежащем, но не сказывается о подлежащем. Аристотель различает родовидовые определения, дефиницию вещи и её существенные признаки. То есть всё,

кроме сущности и категории, - свойства вещи, но не существенные свойства, которые обозначаются родовидовым определением.

У первой сущности есть важные признаки. Она не допускает больше и меньше, то есть если мы говорим о каком-то конкретном человеке, то он не может сейчас быть больше человеком, чем через час. Относительно него как первой сущности нельзя высказать, что он больше или меньше. Можно сказать, например, в категории количества: Маша потолстела или похудела, у неё изменился вес, изменилась категория количества, но нельзя сказать, что Маша стала больше или меньше человеком.

Второй параметр первой сущности: сущность не допускает противоположности себе. Противоположность может быть и в основном бывает у качеств. Например, можно быть хорошим, есть качество хорошее, а можно быть плохим. У хорошего есть противоположность – плохое, а у плохого есть противоположность – хорошее.

Третий параметр сущности: первая сущность нумерически тождественна. Аристотель различает два вида тождества: видовое и нумерическое тождества. Когда он говорит о первой сущности, он говорит о нумерическом тождестве. Например, у нас есть лошади, по виду все тождественны между собой, но нумерически каждая лошадь является отдельной единицей. Они по виду тождественны, а по числу различны. Первая сущность тождественна по числу. Когда Аристотель говорит о первой сущности, он имеет в виду, что она является неделимым атомом, и мы её можем обобщить в видовом смысле, но мы её не можем обобщить в нумерическом смысле.

Последняя важная характеристика первой сущности: сущность, будучи одним и тем же нумерически, принимает противоположности. Это значит, что только сущность может быть хорошей, а потом плохой. Качество хорошее и качество плохое несовместимы. Они могут быть совмещены только в первой сущности, но не одновременно, не в одном и том же отношении.

Первая сущность или подлежащее, в других сочинениях он будет называть это матерей, может принимать противоположности. Тем самым мы решаем важнейшую проблему греческой мысли: каким образом, если всё состоит из противоположностей, они могут совмещаться. По Аристотелю противоположности могут совмещаться, так как мы предполагаем нейтральный субстрат, который сам по себе лишён качества, и поэтому он может принимать противоположности.

Первые сущности в «Категориях» описываются как фундаментальные носители всего остального. Единичные, индивидуальные вещи являются в «Категориях» необходимым фундаментом, основой, подставкой для всех остальных качеств и свойств. «Категории» изображают такую логическую онтологию: существуют единичные вещи, об этих единичных вещах сказываются виды и роды, в них находятся свойства и самое важное в этой онтологической логической системе— это отдельная, единичная вещь. Если у Платона самое большее существование имели общие роды и виды, то у Аристотеля бытием обладают единичные, отдельные вещи, а

всё остальное обладает бытием в силу того, что оно сказывается о первой сущности, об отдельных вещах или является его свойством: качеством, количеством, местом, временем, положением, обладанием.

«Категории» являются тем, что позднее логика называла терминами. Суждение состоит из терминов, а все термины сводятся к этим десяти категориям, а эти десять категорий в конечном итоге сводятся к именам, обозначающим эту вот отдельную вещь.

Аристотелевская традиция во главу логических сочинений кладёт сочинение «Категории», которое трактует о наиболее общих предикатах, которые в итоге сводятся к проецированию сущности.

«Об истолковании».

Следующее сочинение говорит не об отдельных именах, не об отдельных предикатах, а о сочетании предикатов в предложении. Сочинение «Об истолковании» — это аристотелевская теория высказывания. Скорее всего, это сочинение тоже не подлинное, не принадлежит Аристотелю, но тем не менее оно написано в рамках аристотелевской школы. Оно очень важно, потому что в нём содержится аристотелевская теория истинности, которая стала основой для корреспондентской теории истины.

Аристотель различает четыре уровня вещей и знаков. Первый уровень — это вещи, второй уровень — это состояние души или понятия, третий уровень — звучащая речь, четвёртый уровень — письменная речь. Между этими уровнями существуют отношения подобия. Наши мысли подобны вещам, наши высказывания устные подобны мыслям, наши записанные предложения подобны устным высказываниям. Между этими уровнями существуют отношения подобия или схожести.

Почему Аристотель выстроил такую теорию? Софистическая критика V в. отчётливо показала, что у разных народов, у разных племён совершенно различная письменность и различные языки. Возник вопрос: есть ли нечто общее, что обозначают различные виды письменности и различные языки. Аристотелевский ответ на этот вопрос такой: да, мы признаём, что письменности различны и различны языки, но базовая структура, которая лежит в основе обозначений в устной и письменной речи одна и та же для всех — это базовая структура души, которая в свою очередь является отражением базовой структуры реальности.

Что такое «вещи», о которых говорит Аристотель? Например, возьмём Сократа. У Сократа есть свойство: философ. Это уровень реальности. Когда я мыслю в голове, что Сократ философ, то моё суждение, что вещи, а принадлежит предикат Б является подобием и знаком структуры реальности. То есть я соединил в мыслях то, что соединено в реальности. Когда я затем это высказал, то повторил в устной речи ту структуру, которая была у меня в мыслях. Когда я написал на доске «Сократ -

философ», я повторил опять, и это знак устной речи. Это последний уровень, письменная речь для греков — это самый низший уровень.

Исходя из этой схемы, Аристотель даёт определение истины. Истина — это свойства предложений. В собственном смысле слова истинностью или ложностью обладают только предложения. Истинно предложение, если оно соединяет вещи, которые соединены в реальности или разделяет вещи, которые в реальности разделены.

Итак, аристотелевская теория истинности относится к высказыванию. Всякое высказывание — это речь, но не всякая речь — высказывание. Аристотель выделяет внутри общего родового понятия речи специальный вид высказывания. Есть предложения, которые не являются высказываниями. Например, просьбы или мольба, потому что в них не утверждается, что некий *x* является носителем свойства *Y*. Только если есть структура, состоящая из подлежащего и сказуемого, или из того, о чём высказывается, и что высказывается, то мы имеем дело с высказыванием.

Высказывания делятся на два главных вида: утверждение и отрицание. Аристотель даёт деление суждений: общее, частное и неопределённое. Неопределённое суждения надо определить, и тогда они станут либо общими, либо частными. Также они делятся по модальности: на необходимое, на возможное и на утвердительное.

Высказывания по Аристотелю — это единственный путь к реальности или единственный путь к научному познанию мира. Вне высказывания научного познания мира быть не может.

«Первая аналитика» и «Вторая аналитика», «Топика».

Теперь перейдём к подлинным сочинениям, к жемчужинам в логической мысли античности: «Первая аналитика» и «Вторая аналитика». Аристотель называет их просто «аналитики», не делая различие. «Первая аналитика» посвящена рассуждению или силлогизму вообще. «Вторая аналитика» посвящена силлогизму научному и теории науки. Когда мы говорили о «Категориях», мы говорили о наиболее общих предикатах или о наиболее общих терминах, из которых в конечном итоге состоит любое высказывание. Когда мы говорили с вами «Об истолковании», мы говорили о предложениях, из которых состоит в конечном итоге любое рассуждение. Теперь мы пришли уже к рассуждению, к тому, что строится из терминов и высказываний, о которых мы говорили до этого.

Каков предмет аналитик? Это доказательное знание. И задача этих работ заключается в том, чтобы показать, что такое доказательное знание. Показывает Аристотель, что такое доказательное знание, двумя шагами, которые лежат в основе различения на «Первую аналитику» и «Вторую аналитику». Доказательное знание возможно только на основе силлогизма, а силлогизм делится на два вида. Первый: научный силлогизм — это силлогизм, который делает заключение из необходимых

истинностных посылок. Второй: диалектический силлогизм, который оперирует посылками вероятностными, то есть не необходимо истинностными.

Ещё одно важное сочинение, которое завершает логический корпус Аристотеля, - «Толика». Это сочинение посвящено диалектическому силлогизму. «Вторая аналитика» посвящена научному силлогизму. «Первая аналитика» посвящена силлогизму вообще вне деления на силлогизм с истинностными посылками и на силлогизм с вероятностными посылками. У нас есть формальная логика, учение о силлогизме в «Первой аналитике», учение о силлогизме с необходимо истинностными посылками во «Второй аналитике» и огромное сочинение в восьми книгах, которое посвящено диалектическим рассуждениям, которые исходят из посылок не необходимо истинных, — это «Толика».

Пытались определить, когда и в какой последовательности были написаны сочинения. Обычно считается, что вначале Аристотелем была написана «Толика», где он разработал теорию и практику диалектических рассуждений. Потом он пришёл к необходимости разработать теорию рассуждения вообще и написал «Первую аналитику» и «Вторую аналитику». В XX в. была предложена еще одна модель происхождения логических сочинений Аристотеля: сначала «Толика», разработка диалектического силлогизма, после этого Аристотель разработал теорию научного силлогизма, а после того он подвел итог в общей теории силлогизма.

«Первая аналитика» одно из самых ясных сочинений Аристотеля. Оно имеет первые три вводных главы, в которой содержатся все основные и предварительные понятия для построения силлогистики. Затем идёт четвёртая и седьмая главы, где даются три фигуры чистого утвердительного силлогизма. Затем идут разделы, посвящённые модальному силлогизму. Затем идут разделы, которые обсуждают проблемы: как искать средний термин и как переводить обычные рассуждения в силлогистическую форму.

Аристотелевское определение силлогизма в начале «Первой аналитики»: силлогизм — это речь, в которой если даны посылки, то по необходимости следует нечто другое, чем посылки в силу того, что посылки таковы. Идея силлогизма, несмотря на то что слово «силлогизм» встречалось и у Платона, — это самая мощная идея Аристотеля. Именно в силу этой идеи он стал отцом логики, так как разработал подробно силлогистические формы.

У Аристотеля три фигуры силлогизма, которые отличаются положением среднего термина. По Аристотелю самым совершенным силлогизмом является силлогизм по первой фигуре. Идея очень простая: чтобы доказать, что понятию, а присущ признак Б, нужно найти средний термин, в силу которого станет ясным и очевидным, почему предмету, а принадлежит свойство Б. То есть для того, чтобы построить силлогизм, нам нужны три термина: больший термин, который является предикатом в заключении и который присутствует в большей посылке, средний термин и меньший термин, который является субъектом в заключении и присутствует в

меньшей посылке. Нам нужно до того, как мы строим силлогизм, расположить три понятия так, чтобы первое понятие включало или не включало средний термин, а средний термин с необходимостью включал меньший термин, то есть нам нужна родовидовая лестница. Родовидовые деления — это то, чем занимались очень активно в платоновской Академии. Аристотель в «Первой аналитике» с жаром критикует идею деления и говорит, что деление в отличие от силлогизма не может обеспечить доказательства, но, тем не менее, деление обеспечивает отношение между различными понятиями.

В каком-то смысле идею силлогизма высказал Платон. Точнее идею и даже примеры в диалоге «Федон» в четвёртом аргументе: Платон рассуждает об отношении понятий жизнь и душа, чётное и двойка, нечётное и тройка.

В XX в. аристотелевскую силлогистику критиковали очень активно, например Бертран Рассел, прежде всего за то, что она сводит все возможные логические отношения к отношениям субъекта-предиката. Рассел разработал новую логику, уйдя от необходимости и обязательности субъектно-предикатной формы. То есть для Рассела логика занимается не только отношениями между подлежащим и сказуемым, но еще и отношениями быть равным, быть после чего-то. Аристотель бы с этим, конечно, не согласился, так как для него субъектно-предикатная форма — это сама онтологическая природа мира: сложные вещи, которых большинство в нашем мире, состоят из первой сущности и свойств.

Аристотеля очень часто критиковали за его учение о том, что силлогизм по первой фигуре предполагает предвосхищение основания. Это не совсем верная критика, так как аристотелевский силлогизм не занимается единичными вещами. Аристотель в своей формулировке говорит об отношениях общих понятий, родовых универсалиях.

Лекция 4.

Теория знания. «Метафизика».

Теория знания.

Чтобы понять решение проблемы знания у Аристотеля, понадобится вспомнить Платона, потому что Аристотель создаёт свою теорию познания во многом в противоположность Платону в качестве некой уравнивающей концепции. Для Платона характерно отрицание значения чувственного ощущения, которое не даёт подлинного знания, и утверждение, что общее знание может быть только общим. На этом строится платоновская концепция знания, где главную роль играет диалектика, которая понимается как наука о подлинном бытии. Второе место в платоновской концепции знания играют математические науки, заполняя второй этаж подлинного знания.

Концепция Аристотеля, с одной стороны, близка платоновской, но Аристотель исходит из более реалистических предпосылок: для него ощущение – это не обманчивое чувство, не то, что создаёт иллюзию, а то, что является проводником в мир действительности. Аристотель принимает также и вторую посылку, близкую к Платону: ощущение только начинает процесс познания, дальнейшие шаги делаются в сторону общего, о котором говорил Платон. Для Аристотеля **подлинный путь к знанию – это путь от частного к общему**, от единичных вещей к наиболее общим понятиям. Когда мы достигаем наиболее общих понятий, тогда только мы обретаем знание.

Аристотель считал, что наше **познание идет от понятного нам к понятному по природе**. Когда я вижу единичную чувственную вещь, она мне понятна. Чувства нас не обманывают, они дают первое знакомство с вещью. Она понятна для нас. Но чтобы получить научное познание вещи, нужно узнать её причины, то общее, что есть в этой вещи с другими вещами и постепенно дойти до понятного по природе. А понятным по природе являются далее неразложимые простые понятия и суждения.

Аристотель начинает «Вторую аналитику» с рассуждения о том, что для того, **чтобы приобрести знания, нужно чтобы уже было некое предшествующее знание**, например, знание значения терминов или знание о существовании вещей.

Теория познания у Аристотеля – это теория доказательства, прежде всего, а теория доказательства – это теория доказательного силлогизма. Доказательный силлогизм – это обычный силлогизм, у которого есть две посылки и заключение. Для того, чтобы вы могли доказать заключение, необходимо знание посылок. Аристотель, когда он говорит о предварительном знании, имеет в виду, что наука — это сцепление силлогизмов, но сама форма силлогизма предполагает то, что у него должно быть то, от чего силлогизм отправляется, от посылок. Предварительное знание – это знание

посылок, знание терминов, которые входят в посылки, и знания наиболее простых суждений, которые необходимы для того, чтобы построить силлогизм.

Предварительное знание нужно не только, когда мы строим силлогизм. **Силлогизм — это одна ветвь знания. Другая ветвь знания — это индукция**, когда мы восходим от единичных вещей к общим понятиям, от частных случаев к общим законам. И в этом случае нам нужно предварительное знание, которым будут не посылки силлогизма, а единичные вещи, частные случаи, факты, от которых мы можем перейти к общему закону. Предварительное знание предполагает, что для аристотелевского идеала доказательства важно разделение на то, что можно доказать, и то, что нельзя доказать.

Аристотель уверен в том, что доказательное знание возможно, и в том, что для доказательного знания нужен уровень знания, которое не познается путем доказательства, а принимается. Аристотель опровергает тех, кто говорил, что требует доказательства всё. Он опровергает следующее рассуждение: всякое знание есть доказательство. Если доказательство исходит из определённых посылок, то эти посылки так же в свою очередь должны быть доказаны, но, говорит Аристотель, мы получаем так бесконечный регресс. Аристотель по этому поводу произносит свою любимую фразу: «Необходимо остановиться». Аристотель исходит из того, что уже есть система теоретического знания, полностью законченная, совершенная, и которая полностью истинна, — это знание арифметики и геометрии. Если бы был прогресс в бесконечность, то такого бы знания не было бы. Отсюда он черпает уверенность в том, что необходимо остановиться.

То, где мы останавливаемся, называется у Аристотеля началами доказательного знания. **Начала доказательного знания делятся на два больших вида: это аксиомы и тезисы.** Аксиома — это общее положение, которое необходимо знать, для того чтобы заниматься той или иной наукой. Первая аксиома — это закон противоречия, а вторая аксиома звучит так: если от равных вещей отнять равное, то остаток равен. Первая аксиома аксиоматична в силу того, что она необходима для занятий любой наукой, является наиболее общим положением, без которого нельзя заниматься научной деятельностью. Вторая аксиома обща наукам, которые изучают количество: арифметика и геометрия. Первая аксиома — это не то, из чего мы исходим как из посылки, а то, благодаря чему мы можем рассуждать. Тезисы делятся на две подгруппы: гипотезы и определения. Гипотеза — это предположение существования. Определение — это определение значения употребляемого слова.

Итак, существует три вида необходимого предзнания для занятия наукой: аксиомы, гипотезы, определения. У Аристотеля система построения научного знания следующая: у него нет единой общей науки, у которой были бы общие аксиомы, гипотезы и определения. **У каждой науки есть определенный предмет, и в соответствии с этим есть свои аксиомы, свои гипотезы и свои определения.** Есть общая аксиома, которая работает во всей науке — это закон противоречия.

Теория научного знания у Аристотеля такова, что отдельные большие науки отделены друг от друга, и нельзя переходить от одной науки к другой. Аристотелевская схема лежит в основе главного геометрического труда, в «Элементах» Евклида, в которых мы видим эти три основных момента построения аксиоматики научной теории. У Евклида есть определения, затем идут общие понятия, то есть то, что соответствует аристотелевским аксиомам и постулатам о существовании.

Аристотель дает качественную характеристику: какими качествами должны обладать эти посылки или предпосылки научного знания. Именно качество посылок отличает доказательное знание от бездоказательного знания. Во-первых, **посылки должны быть истинными**. Второе качество: **они должны быть непосредственными**. То есть нужно дойти до таких посылок, у которых не будет далее своих посылок. Третье качество: **посылки должны быть более понятны по природе**. Четвёртое качество: **они должны быть простыми**. Для теории доказательства Аристотеля ещё **они должны быть причинами заключения**, то есть в посылках должны указываться такие логические факты, которые являются причинами для того факта, который утверждается в заключении. Для Аристотеля **заключение силлогизма – это констатация некоего факта, а посылки силлогизма — это объяснение этого факта, исходя из более общих положений**.

Аристотель описывает те условия, которые позволяют нам судить, имеет ли то или иное наше высказывание отношение к причине. Когда я утверждаю, что некой вещи, а присуще свойство Б, то, **чтобы это суждение было научным и объясняло причину, оно должно быть универсальным**. Это первый параметр, по которому мы проверяем научность того или иного утверждения.

Второй момент, который важен для научного утверждения: **суждение должно высказывать свойство само по себе**. Такое приписывание свойств само по себе происходит, во-первых, когда мы высказываем о вещи свойство, которое с необходимостью входит в её определение. Научные высказывания должны связывать не случайную вещь со случайным свойством, а вещь и её сущностное свойство. Сущностное свойство – это свойство, которое с необходимостью входит в определение. То есть свойства должны быть универсальными и сущностными.

Во-вторых, приписывание свойств само по себе происходит в случае обратного только что приведенному примеру отношения. У нас есть такие вещи, например, как четное и нечетное, для которых сущностным свойством будет число, потому что нельзя говорить о сущностном свойстве, если не указывать, что это число. Ничто, кроме чисел, не обладает чётностью и нечётностью. Поэтому такое сущностное свойство, как число, - необходимый предмет для определения чётного и нечётного.

Основная аристотелевская идея в том, что научное высказывание, то есть устанавливаемая связь между а и Б, должно быть, во-первых, универсальным, а во-вторых, оно должно быть сущностным, то есть нельзя высказать научного суждения,

если вы приписываете вещи случайные свойства. Вы должны приписывать сущностные свойства, а они бывают двух видов.

Третье свойство: **мы должны говорить о предмете не вообще, а о предмете как таковом.** Этот пункт не очень ясно прописан у Аристотеля, скорее всего, он имеет в виду, что, когда вы высказываете о вещи а, что она обладает свойством Б, подлинно научным высказыванием будет такое высказывание, в котором вы можете всегда заменить определяемое на определяющее. То есть, когда суждение обратимо полностью.

Как происходит процесс познания согласно Аристотелю? Он содержит в себе пять основных, простых и понятных момента. Первый момент, необходимый нам — это имя вещи. Мы всегда начинаем познание, когда у нас есть те или иные имена. Второй момент, который необходимо определить: существует ли вещь, соответствующая этому имени. Третий момент, необходимый нам, — это важнейший для Аристотеля момент, центральный момент: дать определение. Когда мы знаем имя и знаем, что нечто соответствующее этому имени существует, мы даём определение. Определение по Аристотелю — это определение через род и видовые отличия. Четвёртый шаг научного познания, который может начаться по Аристотелю только тогда, когда мы знаем определение: указание существенных свойств, атрибутов вещи. Четвёртый шаг: доказательство существенных свойств и атрибутов вещи. Это мы должны доказать, исходя из определения вещи. Здесь работает доказательство через научный силлогизм. Пятый момент: мы можем доказать, если укажем причину, которая объяснит, почему вещь А обладает свойством Б. Когда мы укажем причину, мы объяснили эту вещь, и процесс познания закончен. Я могу указать материальную причину, движущую причину, целевую причину. Это содержание первой книги «Второй аналитики».

Во второй книге «Второй аналитики» речь идет об определении. Эта книга одна из наиболее тёмных книг Аристотеля. Аристотель очень жёстко различает определения, которые являются лишь словесной констатацией имеющегося положения дел, то есть определения номинальные, и определения, которые указывают причину. Определение по Аристотелю нельзя доказать, но путём силлогизма можно прийти к определению.

Аристотель различает три вида определения. Первое - причинное определение некоего события. Такие определения можно давать вещам сложным, у которых есть структура А + Б. Но есть вещи простые: монаду, как первый элемент арифметики, например, нельзя определить таким образом, так как нельзя указать причину, почему монада — это монада. В случае простых предметов, у которых нет материи, мы не можем указать на причину, но только дать определение. Второй вид определения — это определения простым вещам. Третий вид определения — это номинальные определения, которые являются описанием положения дел, и к науке отношения не имеют. Они могут быть началом научного познания.

Аристотель описывает индуктивный процесс, с помощью которого мы познаём первоначало научного знания. Начинается этот процесс с ощущения. У некоторых живых существ есть только ощущения, но у некоторых живых существ к ощущению добавляется память. Память – это способность удерживать ощущение в течение длительного времени. Когда множество воспоминаний объединяется в некий один образ, возникает еще одна ступень – это опыт. От опыта происходят искусство и наука. Переход от опыта к искусству и науке — это главный эпистемологический скачок, потому что именно здесь мы переходим от единичного к общему. В искусстве и науке мы начинаем иметь дело с общими понятиями. На уровне опыта – представления, а когда из множества представлений возникает одно понятие, мы переходим от опыта к искусству и науке.

Искусство и наука по Аристотелю приблизительно одно и то же, у них разные предметные области: искусство направлено на становление, на возникновение и уничтожение, а наука направлена на мир бытия. Они имеют дело с общими понятиями, не с представлениями, не с воспоминаниями, не с ощущениями. Когда мы дошли до знания, до искусства и науки, следующий шаг — это непосредственное восприятие начал. Это последняя ступень познавательного восхождения, когда мы непосредственно постигаем начало.

Возникает вопрос: что имеет в виду Аристотель под непосредственным восприятием начал? Имеет ли он в виду, что мы на этом последнем этапе понимаем значение самых общих терминов, или мы понимаем на этом этапе значения наиболее общих суждений? Скорее всего, он имеет в виду и то, и другое. Мы поднялись от множества единичных вещей, которые нам дает ощущение, к самым последним основаниям, к наиболее простым понятиям и суждениям. Когда мы их достигли, можем дальше, отправляясь от них, строить доказательное знание, которое возможно потому, у нас есть способность индукции.

Для Аристотеля эта способность крайне важна, так как она фактически гарантирует полную безошибочность и достоверность точного научного знания. Аристотель говорит, что это способность, которой я познаю значение терминов «сущность», «качество», «количество» или закон противоречия, не человеческая. Ею обладает Бог, и она приходит к нам извне. Одно из наиболее знаменитых и наиболее непонятных утверждений Аристотеля: ум приходит извне. Логика его очень проста: эта способность не может ошибаться, а человек как существо, состоящее из формы и материи, вовлечённый в мир возникновения и уничтожения, по природе своей должен ошибаться.

Аристотель в своей психологии, в базовой её части, не дуалист, так как у него душа – это форма тела. Но когда он доходит до способности непосредственного восприятия начал, он восхищён успехами достижения греческой математики того времени и уверен в том, что это знание не ошибается. Тогда он признаёт, что эта способность не живет в нас, а привходит извне.

«Метафизика».

Перейдём к науке, которая для Аристотеля является самой важной наукой, к метафизике, которую он называл первой философией. Традиционно корпус текстов называется «Метафизика», хотя у Аристотеля такого слова не было, и это название более позднее. Впервые оно встречается у Николая из Дамаска, а скорее всего, было введено редактором аристотелевского корпуса в I в. до н. э. Андроником Родосским, который первым поместил какое-то количество странных аристотелевских сочинений, в которых речь шла о первой философии, после сочинений, которые трактовали о физике. Поэтому эти сочинения стали называться «то что после физики». Позднее традиция им приписала значение: то, что превышает физику. Аристотель слово «метафизика» не знает.

В том виде, в каком до нас этот памятник дошёл в средневековых рукописях, он представляет собой 14 книг. Первая книга или альфа метафизика — это вступительное рассуждение о мудрости как науки о причинах и началах, учение о четырех основных причинах и исторический экскурс, и критика предшественников. Альфа — это числительное, когда мы говорим о сборниках греческих книг. Вторая книга метафизики, так называемая альфа меньшая, была добавлена очень поздно к корпусу метафизики, поэтому у неё нет своего числительного. Речь в ней идёт о том, что причины не могут уходить в бесконечность. Первоначально она была введением в «Физику» Аристотеля, а не в «Метафизику». Третья книга очень важная, в ней Аристотель излагает четырнадцать или пятнадцать главных проблем, которыми должна заниматься мудрость или первая философия. Это апории, затруднения. Четвёртая книга метафизики — это ответ на некоторые из апорий, которые в третьей книге формулируются и самое интересное, что есть в четвёртой книге или в гамма метафизике, — это аристотелевское диалектическое обоснование закона противоречия, доказательство, исходя из противного. Пятая книга, дельта метафизика, — это просто философский словарь, первый в истории европейской мысли философский научный словарь, определения главных терминов. Когда вы читаете Аристотеля, обязательно обращайтесь к пятой книге «Метафизики», потому что там Аристотель определяет около тридцати главных общих слов. Это его любимое занятие, которое связано с необходимостью избегать омонимии, различия значения слов. Шестая книга «Метафизики», эпсилон метафизика, возвращается к тому, о чем шла речь в третьей и четвёртой книгах. Маленькая книжка, но очень важная, потому что в этой книжке первая философия называется «теология». В ней Аристотель даёт классификацию наук и говорит о том, что первая философия — это одна из теоретических наук, которая занимается вещами неподвижными и существующими отдельно. «Метафизика» — это доказательство существования бестелесной субстанции. Седьмая, восьмая и девятая книги метафизики — это одновременно самые важные книги «Метафизики» и самые сложные книги. Вся первая философия Аристотеля — это ответ на вопрос о том, что

такое бытие. Бытие – это, прежде всего, сущность, а сущность – это, прежде всего, форма. В девятой книге «Метафизики», Аристотель различие формы и материи переводит в важнейший для него пласт отношений между понятиями возможности и действительности. В десятой книге речь идёт о так называемых трансценденциях, о более общих характеристиках бытия, таких как единое, тождественное, иное, подобное, неподобное. Эта книга посвящена решению очень важного для Платона и Аристотеля вопроса о соотношении двух главных понятий: сущего, бытия, которое является предметом всей метафизики и единого. Одиннадцатая книга метафизики – помесь из двух частей. Первая часть – это некая другая версия третьей, четвёртой и шестой книги, но с некоторыми важными расхождениями. Она важна для понимания общего замысла «Метафизики». Вторая часть одиннадцатой книги — это некий школьный конспект некоторых глав аристотелевской «Физики». Самая знаменитая двенадцатая книга или лямбда метафизики, в которой излагается учение о сущности в связи с учением о движении и излагается учение о Боге как неподвижном перводвигателе всего, и далее определяется природа Бога, которые есть ничто иное как мышление мышления. Бог как ум, мыслящий сам себя, потому что аристотелевский Бог — это чистая форма, чистая причина, чистая общность. В тринадцатой и четырнадцатой книгах критика платоновской теории идей, критика учений об идеях-числах, то есть это критика платоновской диалектики, платоновской онтологии, платоновской математики.

Лекция 5. Философское содержание «Метафизики».

Первая философия – как наука о первых причинах и началах. Предмет и аксиома первой философии. Что такое «бытие как таковое». Бог или Ум как чистая форма.

Первая философия – как наука о первых причинах и началах.

Мы будем двигаться не по книгам, а по довольно запутанной логике аристотелевской мысли в этом корпусе текстов. Главный вопрос, который Аристотель ставит в «Метафизике» — это вопрос о высшем знании. Есть ли высшее знание, которое принципиально отличается от других знаний, или, говоря на аристотелевском языке, есть ли та мудрость, о которой мечтали все до Аристотеля?

Он начинает с рассуждения о том, что все люди по природе стремятся к знанию. Тема знания и некой искомой науки, мудрости — это центральная тема аристотелевской «Метафизики». Что ищет эта наука? Аристотель, для того чтобы определить предмет первой философии, предлагает посмотреть на то, что понимают обычно люди под мудростью. Он находит список признаков, в котором, по его мнению, согласны все те, кто, когда бы ни было, занимался мудростью или искал мудрость.

1. Это знание наиболее общее. Мудрец должен знать всё.
2. Второй признак этой науки в том, что она наиболее далека от обычного человеческого опыта. Люди называют мудрым того, кто знает какие-то вещи, которые не знают другие. Искомая Аристотелем наука должна заниматься вещами, которые трудны.
3. Люди обычно называют мудростью и знанием то знание, которое не ошибается.
4. Следующий признак – это точность.
5. Аристотель считает, что эта наука должна быть ценной самой по себе. Она не должна быть знанием, нужным для чего-то другого.
6. Это господствующее знание, не служебное знание, которое является служанкой других наук. Это знание должно повелевать.

Далее Аристотель начинается рассуждать про ту науку, которую он сам имеет в виду. Он хочет показать, что та наука, которой он сам будет заниматься в «Метафизике» этими качествами и свойствами обладает. Аристотель изображает ход человеческого знания. Это движение от чувственного восприятия через память к опыту, а затем к искусству и науке. В чувственном восприятии нам даны вещи сложные. В результате этого движения мы постепенно обобщаем множество признаков, с которым мы сталкиваемся в опыте, в более немногочисленные ёмкие классы и группы признаков. Мы ощущаем огромное количество вещей, а помним значительно меньшее количество. Это первый обобщающий шаг. Второй - появление опыта на базе

воспоминаний. На последней ступени искусства и науки мы начинаем сводить общие представления в единые категориальные группы через причину. По Аристотелю первая философия — это знание или наука о причинах, о самом существенном в вещах. В этой науке мы уже далеко отошли от чувственного опыта, так как мы продвинулись от сложных вещей к простым.

Аристотель, определив первую философию как знание о первых причинах и началах, проверяет это представление на общечеловеческих представлениях о мудрости. Он говорит:

1. Знание о первых причинах и началах самое общее. Это первый признак мудрости. Кто знает первые причины и начала, тот знает всё.
2. Это знание наиболее трудно, так как оно дальше всего находится от нашего чувственного опыта.
3. Эта наука самая достоверная. По Аристотелю это наука, в которой возможно совершить минимальное количество ошибок, потому что мы имеем дело с небольшим количеством наиболее простых вещей. Эта наука, поскольку она имеет дело с первыми началами и причинами, наиболее точна
4. Она ценна сама по себе, потому что это знание, которое присуще свободному человеку, интересующемуся знанием ради него самого, не ради практической пользы. Аристотелевское представление о первой философии – это представление о чисто теоретическом знании, которое ценно само по себе и не должно иметь практических применений. Раб должен выполнять полезную работу, а свободный человек должен жить для самого себя.
5. Это знание господствующее. Аристотелевское понятие первых начал и причин включает в качестве одной из главнейших причин целевую причину, то есть знание цели. Тот, кто знает первые начала и причины, знает цель для всего, и поэтому он может господствовать.

Итак, это та наука, которую ищет Аристотель в «Метафизике», начиная свой поиск с общих, распространенных представлений, говорит о знании, которое было изучено в «Первой аналитике» и «Второй аналитике», и формулирует предварительное определение первой философии: это наука о первых началах и причинах.

Аристотель приводит классификацию первых начал и причин, к которым сводятся все причины. Это его знаменитое учение о четырёх первых началах и причинах:

- формальная причина.
это то, что утверждается в определении вещи, это денотат определения вещи; основные примеры для этой причины Аристотель берёт из теории пропорций;
- материальная причина
это то, из чего вещь; но вещественная материальность – это часть общей материальности;

- движущая причина (то, откуда начало движения)
то, откуда идёт движение;
- целевая причина (то, куда идёт движение)
то, куда идёт движение.

Формальная и материальная причины образуют единый общий блок, потому что они относятся друг к другу как подлежащее и сказуемое в предложении или как субъект и предикат в высказывании. Материальная причина, как правило, выступает как некий предмет, который мы определяем с помощью формальной причины. Две другие причины относятся только к тем вещам, в которых есть движение, а две первые обнимают всю совокупность сущего.

Предмет и аксиома первой философии.

Аристотель даёт новое определение первой философии. Он говорит: первая философия – это наука о началах и причинах бытия. Аристотель в «Метафизике» занимается бытием, и поэтому в третьей и четвёртой книгах он определяет предмет первой философии как «бытие как таковое». У Аристотеля нет разницы между бытием и сущим.

Что значит «знание бытия как такового», «бытия как оно есть» или «бытия как бытия»? Аристотель имеет в виду, что предметом первой философии должна быть не какая-то частная, отдельная область бытия, а бытие в его наиболее важных и существенных, сущностных аспектах.

Аристотель ставит ещё один важный вопрос: если первая философия — это наука, то у любой науки должна быть область, которой она занимается, и аксиомы, так как всякое знание начинается с предшествующего знания. Область определена: это бытие как таковое. Аксиома, которая лежит в основе бытия как такового, — это закон противоречия, закон исключенного третьего. Из этого следует очень интересное следствие: первая философия, которая изучает бытие как таковое, своих аксиом доказать не может.

Протагор и другие софисты говорили, что закон противоречия не обязателен, но Аристотель с этим согласиться не может. Он считал, что закон противоречия можно обосновать, опровергая аргументацию противников. Один из самых характерных аргументов, который приводит Аристотель: с тем, кто опровергает закон противоречия, не нужно даже спорить. Достаточно взять слово «человек» и спросить собеседника, употребляя это слово, он имеет в виду человека или отрицание человека? Если он, говоря «человек», имеет в виду отрицание человека, то с ним не о чем говорить. Другой аргумент: если, произнося слово «человек», противник имеет в виду не более человека, нежели корабль, то с ним опять-таки не о чем говорить. Такие скептики, говорит Аристотель, если бы были интеллектуально чисты, то только молчали.

Что такое «бытие как таковое».

В нашей речи мы говорим «есть» относительно огромного числа предметов. Что из этого числа предметов действительно существует? Аристотель начинает группировать значение глагола «быть», начинает группировать те случаи, в которых мы утверждаем бытие относительно разных групп логических и метафизических вещей. В шестой книге «Метафизики» Аристотель говорит, что первая философия не занимается бытием как случайным бытием, так как наука не занимается случайными вещами, а только теми вещами, в которых есть закономерность.

Аристотель говорит, что бытие как истина и ложь не изучается первой философией, потому что истина и ложь — это понятия мышления. Ими должна заниматься наука о мысли, а не первая философия, которая исследует первые начала и причины бытия как такового.

Каким бытием тогда мы занимаемся? Аристотель в шестой книге «Метафизики» говорит, что остаются два наиболее общих блока случаев, когда мы говорим о бытии.

1. Бытие как предмет категориальных высказываний или бытие как предмет категорий.
2. Бытие как возможность и действительность.

Есть список категорий: сущность, качество, количество, отношения, место, время, положение, обладание, действие, страдание. Когда мы употребляем любую из этих категорий, мы можем присоединять к ней глагол «быть». Любая из категорий — это в каком-то смысле бытие. Нет ли в этом списке категорий того, что в большей степени бытие, чем всё остальное? Да, конечно, есть.

Вопрос о бытии как таковом после отсева бытия как случайного, бытия как истинного и ложного, бытия как предмета категорий, сужается до вопроса о сущности. Аристотель говорит, что все согласятся с тем, что в большей степени бытием обладает сущность, а остальные категории — это некие спутники сущего. Они гораздо в меньшей степени существуют, чем сущность. Мы можем мыслить и говорить о сущности, не мысля и не говоря о других категориях, но наоборот невозможно. Сущность является базовым носителем бытия как такового.

Чтобы решить вопрос о бытии, надо решить вопрос «что такое сущность?» и «поддаётся ли сущность анализу?». Вспоминайте учение о категориях, в котором содержится учение о первой сущности. Первая сущность — это конкретно воспринимаемая, чувственная, единичная вещь. В «Категориях» на первые сущности проецируется всё остальное. В «Метафизике», когда Аристотель доходит до сущности, он делает более сложный ход: подвергает понятие первой сущности скрупулезному философскому анализу. Чувственная, единичная сущность, говорит Аристотель, не

представляет собой логического атома, логической единицы, и её можно разложить. Она раскладывается на форму и материю. То есть то, что обычный опыт считает единичной, отдельной вещью, есть вещь сложная.

Аристотель пишет, что на роль сущности претендуют четыре вещи, но они должны удовлетворять критериям: способность к отдельному существованию и познаваемость научная, то есть способность получить всеобщее и необходимое определение. Четыре вещи:

1. материя или подлежащее;

(Когда мы в обычной речи говорим о бытии вещей, то большинство людей скажет, что наиболее существенное в человеке - это кости, жилы, волосы, ткань. Это то, что можно пощупать, увидеть, услышать. Материя не подходит, потому что не удовлетворяет второму критерию познаваемости)

2. форма или суть бытия;

3. всеобщее;

(Под всеобщим и родом Аристотель имеет в виду платоновские идеи. Они не проходят по первому критерию.)

4. род.

Главный предмет на роль сущности – форма или суть бытия. По Аристотелю форма и суть бытия – это то, что делает вещь такой, какая она есть. Аристотель считает, что у каждой вещи есть некое ядро сущностных свойств, которое выражается в родовидовом определении (род и видовые отличия). Это то, что отделяет одну вещь от другой в видовом смысле, а не в индивидуальном. Друг от друга по Аристотелю нас отличает материя. Это только материальные отличия, которые несущественны и плохо познаваемы. Суть бытия как людей - в человечности, а не в материи.

Для Платона, как его понимает Аристотель, сущность вещи задаётся причастностью ко всеобщим формам, причастностью к идеям. Для Аристотеля сущность определяется сочетанием основного, базового ядра с отличительными признаками внутри этого понятия. Аристотель считает, что платоновская идея слишком обща, а его суть бытия более конкретна.

Второй момент: Аристотель постоянно упрекает Платона в том, что его идеи существуют отдельно от вещей, тогда как аристотелевские формы существуют в самих вещах. У Платона идеи вне вещей, у Аристотеля формы внутри вещей. Платоновские идеи трансцендентны, а Аристотелевские формы имманентно пребывают внутри. Для Аристотеля это тема особого пафоса. Он постоянно из книги в книгу это повторяет, но тут есть проблема: если по Аристотелю форма человека как такового — это нематериальная душа, то каким образом нематериальная форма может пребывать внутри тела? Где они внутри вещи?

Аристотель в книгах «Метафизики» выступает не как догматик, систематик, а как исследователь. Он очень затрудняется, не идет напрямую, постоянно меняет свои

позиции, свои взгляды, постоянно пытается поставить вопросы. Иногда он бывает догматичен, а иногда начинает сомневаться в самых простых вещах.

Кажется, задача выполнена. Мы искали причину бытия и нашли её. Это форма, которая является образующим элементом первой сущности. Но здесь не кончается, а начинается самое интересное в аристотелевском движении мысли. Аристотель психологически как мыслитель исходит из того, что подлинным существованием должна обладать индивидуальная вещь. Форма должна быть индивидуализована.

Бог или Ум как чистая форма.

До этого мы имели дело с вещами нашего опыта и разложили их на форму и материю, и убедились в том, что самое существенное в вещи и в практическом отношении - это их форма. Но Аристотель не чувствует почвы под ногами, если эта форма останется в статусе платоновской идеи, то есть в статусе универсалии. У формы должен быть носитель. Наша задача - найти простой элемент, форму саму по себе, форму, которая не будет универсалией в чувственных вещах. Аристотелю хочется, чтобы форма существовала отдельно.

Следующий ход его мыслей, который он осуществляет в двенадцатой книге «Метафизики», — это учение об отдельно существующей форме, которая и будет тем подлинным носителем бытия. От форм, которые даны в материальных вещах, мы дошли до формы самой по себе, чистой формы или Бога. Подлинным носителем бытия является Бог, как чистая форма, в которой нет материи.

Чтобы понять доказательство вышесказанного, нужно ввести два понятия: возможность и действительность. По Аристотелю любой процесс, движение — это переход из возможности в действительность. Всё, что существует в природе, переходит от возможности к действительности. Второй момент: нечто переходит от возможности к действительности под воздействием того, что уже существовало в действительности.

Итак, любое движение по Аристотелю — это переход от бытия в возможности к бытию в действительности под воздействием бытия в действительности. Эту аксиоматику Аристотель применяет в двенадцатой книге следующим образом для того, чтобы доказать, что есть форма сама по себе. Наш мир — это мир движения, мир движущийся. Он делится на 2 части: на мир надлунный и на мир подлунный. В подлунном мире мы имеем дело с движениями прямолинейными, с движениями по кривой и с сочетанием этих движений. В мире надлунном мы имеем правильные круговые движения. Мы это видим непосредственно.

Если происходят движения, то они происходят от возможности к действительности. Круговое движение вечно, потому что движение и время — это связанные понятия. Мы не можем представить момента, когда не было времени, и соответственно мы не можем представить момента, когда не было движения. Движение

вечно и постоянно. Если оно вечно и постоянно, оно не прерывается. Поскольку всякое движение – это переход из возможности к действительности, то у этого движения должна быть движущая причина. Поскольку мы имеем дело с вечным и непрерывным движением, его не может запускать внешний, посторонний толчок, иначе бы он прерывал это круговое движение. Значит, то, что запускает это движение, не должно быть движущим, оно неподвижно. Его запускает некий неподвижный перводвигатель.

В сфере неподвижных звёзд, поскольку она движется правильным круговым движением, есть только один вид материи – это пространственная материя. Носителем этой пространственной материи является самое тонкое материальное вещество, которое называется эфир. Эфир — это вещество, которое способствует круговому движению неба. Поскольку движение — это переход от возможности к действительности, и нет такой материи, которой неподвижный перводвигатель мог бы обладать, то перводвигатель нематериален. Он является той самой искомой, чистой формой. Это Бог или Ум как причина движения сферы неподвижных звёзд. Через сферу неподвижных звёзд движутся следующие 54 сферы и наш мир как самый низший мир.

Аристотель, в итоге, говорит о том, что подлинное бытие есть Бог, а Бог есть Ум, и этот Ум является чистой формой. У него нет материи, и единственным предметом его мышления является он сам. Это ум, который мыслит сам себя. Вот ответ Аристотеля на вопрос о бытии. Бытием в собственном смысле слова является отдельно существующая сущность, которая есть Бог и Ум. Все остальные вещи, начиная со сферы неподвижных звёзд, отягощены материей.

У Аристотеля пять видов материи:

1. материя пространственного движения;
2. материи возрастания и убывания (материя количественного изменения);
3. материи качественного изменения;
4. материя возникновения и уничтожения;
5. материя уопостижимая (это материя, которая есть в математических предметностях; например, те различия, которые есть у трёх разных треугольников)

Итак, весь наш мир — это преломление формы во множестве материй, поэтому важное слово, которое нужно знать и правильно употреблять, — это аристотелевский гилеморфизм. Всё, кроме Бога и первой материи, гилеморфно, то есть состоит из формы и материи. Абсолютно простым бытием является Бог, и неопределённым бытием является первоматерия.

Аристотеля очень часто изображают как эмпирика. На самом деле, он эмпирический платоник. Он с одной стороны хочет, чтобы были индивидуальные вещи, но с другой стороны единственно уопостижимым являются формы, а формой, которая обладает самостоятельным существованием, является Бог. Поэтому аристотелевская первая философия называется им теологией. Именно поэтому

аристотелевское учение так хорошо потом уживалось с монотеистическими религиями ислама, христианства и иудаизма.

Лекция 6.

**Физическое мировоззрение Аристотеля. Аристотелевское определение природы.
Ключевая проблема «Физики». Космология Аристотеля. Учение о душе.**

Физическое мировоззрение Аристотеля.

Физическое мировоззрение Аристотеля оказало, может быть, наибольшее влияние на историю европейской и не только европейской науки и культуры. Речь пойдет о всём корпусе Аристотелевских сочинений. Труды Аристотеля по естественной философии или по физике включают в себя огромное количество сочинений. Наряду с наиболее общим трактатом «Физика» Аристотелем были написаны такие сочинения как «О небе», «О возникновении и уничтожении», «Метеорологика» и цикл его естественнонаучных сочинений, которые посвящены биологии и психологии. То есть в его корпусе сочинения по физике занимают наибольшее по объёму место.

Что такое физика с точки зрения Аристотеля? В общем делении философии у Аристотеля теоретические науки делятся на:

- науки, которые изучают вещи, существующие отдельно и неподвижные (ими занимается первая философия)
- науки, которые изучают вещи, которые не существуют отдельно и неподвижно (ими занимается математика)
- науки, которые изучают вещи, которые существуют отдельно и подвижно (этим занимается естественная философия или физика)

Аристотель очень высоко ставит физику. В «Метафизике» есть даже такая фраза: «Если бы не было отдельно существующей неподвижной сущности, то физика была бы первой философией». Поскольку такая сущность есть, физика является только второй философией, естественной философией, которая изучает вещи, существующие отдельно и подвижные. Подвижность — это главная характеристика физических вещей.

Поскольку физика по Аристотелю является доказательной наукой, то точно также как и любая другая доказательная наука, она отправляется от неких начал и причин. Выяснению начал и причин посвящена аристотелевская «Физика».

В первой книге «Физики» Аристотель ставит вопрос: что есть начало и причины физического мира. Поскольку Аристотель исходит из тех проблем, которые были накоплены к тому времени греческой наукой, греческими исследованиями о природе, он, прежде всего, решает вопрос: сколько начал и причин должно быть у физического мира.

Смысл в этом вопросе довольно простой. Во-первых, Аристотель отбрасывает элейское решение проблемы начал и причин в естественных вещах. Для элейцев начало, и причина физического мира было одно единое сущее. Аристотель говорит, что рассуждать о едином сущем и отрицать множественность и движение — значит отказаться от физики. Элейский вариант Аристотель фактически не обсуждает, потому что считает, что бессмысленно полемизировать с тем, что противоречит непосредственной очевидности. Для Аристотеля абсолютно очевидно, что мир множественности и движения существует, и предположение, что у этого мира только одно начало и только одна причина, не может быть.

Вторая вещь, которую Аристотель отбрасывает, — это то, что причин и начал физического мира бесконечное множество. Это он отбрасывает, исходя из стиля его рассуждений: поскольку в случае бесконечного количества начал и причин наши знания, наша наука ушла бы в бесконечность, то есть никакого знания не было. По Аристотелю наука исходит из определенного количества аксиом. Если нет аксиом, если нет начальных точек, а любая начальная точка уходит в бесконечность, то никакого научного доказательного знания быть не может, а может быть только мнение. Поэтому вариант с бесконечным количеством причин также должны отбросить. Иначе не может быть научной физики.

Мы получаем логическое требование: начал и причин должно быть больше, чем одна, и меньше, чем бесконечность. Аристотель, для того чтобы сформулировать своё решение о началах физического мира, обращается к опыту предшествующей науки о природе и говорит, что в основном предшественники Аристотеля склонялись к тому, что начало и причины физического мира - противоположности. Он имеет в виду учение досократиков, где речь шла о горячем и холодном, о сухом и влажном. Достаточно вспомнить порождение всего у Анаксимандра: из беспредельного рождаются противоположности. Аристотель говорит, что такой вариант наиболее правильный, потому что главные свойства начал в том, что они не выводятся из чего-то другого. Противоположности не выводятся из чего-то другого. Они не выводятся из самих себя, они не выводятся из более раннего состояния.

Аристотель говорит, что все его предшественники так или иначе склонялись к тому, чтобы начала физического мира определить как противоположности, но здесь он делает следующий шаг. Допустим, началами физического мира являются противоположности, но они не могут переходить друг в друга. У противоположностей должен быть носитель. Здесь Аристотель получает ту схему, которая с его точки зрения является наиболее универсальной для объяснения физического мира. Основных причин, основных начал, которые нам нужны для научного объяснения физического мира, три:

- подлежащее, носитель противоположностей;
- положительная противоположность (форма)
- отрицательная противоположность (лишение формы)

Аристотель пытается создать логику, объясняющую физический мир, и считает, что простейшим элементом такой логики будет эта трехступенчатая схема. Как рассуждает Аристотель? Например, тело движется вверх, и тело движется вниз. У нас есть две противоположности: вверх и низ. У нас есть тело, которое не является само по себе верхом или низом, а является тем, что может совершать движение вверх или вниз. Тело — это нейтральное подлежащее, которое само по себе никакими характеристиками не обладает. Оно принимает противоположности.

Это нужно затем, чтобы построить физику, исходя из логических критериев. Построить физику, исходя из закона противоречия: одна и та же вещь в одно и то же время не может обладать свойством А и не А. Чтобы применить закон противоречия к физическому миру, необходима эта схема. Любое физическое объяснение по Аристотелю в конечном итоге должно привести нас к тому или иному виду этой простой формы: найти подлежащее и описать, какие противоположности у этого нечто имеются.

По Аристотелю самый основной факт физического мира — это изменения. Изменения бывают четырёх видов:

- пространственное (перемена места)
- количественное (процесс увеличения и уменьшения)
- качественное (процесс различных качественных изменений: цвета, внутренней структуры и др.)
- сущностное (процесс возникновения и уничтожения)

Аристотель прикладывает эту схему к основным видам качественного изменения. Это самый общий аристотелевский принцип построения физики: применение схемы, которая состоит из подлежащего, формы и лишённости. Эта общая схема у Аристотеля сочетается с его учением об основных причинах.

Аристотелевское определение природы.

Физика — это учение о природе. Аристотель начинает вторую книгу «Физики» с определения «что такое природа». Вещи делятся на природные и искусственные, сделанные рукотворно по следующему признаку: природа — это начало движения и покоя, пребывающее в самих вещах. В искусственных вещах началом движения и покоя является нечто другое.

Речь о том, что если мы рассматриваем камень, то он сам по себе движется вниз. Он движется к своему естественному месту. Это в нём заложено его начало движения и покоя. Когда камень появляется в кладке дома, то началом его перемещения, началом того процесса, которое привело к помещению камня в дом, является искусство архитектора и сам архитектор.

Во второй книге Аристотель задаёт и такой вопрос: если мы посмотрим на природные вещи с точки зрения учения о четырёх основных причинах, что в вещи в большей степени будет её природой? Два основных претендента на роль природы в каждой естественной вещи: материя или форма. Аристотель рассуждает приблизительно по той же логике, по которой он в «Метафизике» рассуждал о претендентах на роль сущностей. Он говорит, что большинство предпочтёт назвать природой вещи материальную причину, но подлинной природой вещи является её форма. В случае с физическими вещами, точно также как и в случае с первой философией, Аристотель отдаёт предпочтение форме, что в гораздо большей степени форма является природой вещи.

Ключевая проблема «Физики».

Главный предмет, который должна объяснить «Физика» — это движение. Из определения естественных вещей следует, что признак подвижности является одним из двух ключевых признаков естественных вещей.

Движение по Аристотелю — это особая и не очень интуитивно понятная вещь. Движение – это переход от бытия в возможности к бытию в действительности. Или движение - есть переход от возможности к действительности. Или движение - есть осуществление того, что в возможности, приведение того, что в возможности в действительность. Это ключевое описание движения. Аристотель ориентируется, прежде всего, на процессы, которые происходят в живой природе. Он ориентируется на биологию, изображает движение так, чтобы в конечном итоге оно согласовывалось с миром биологическим. Когда говорит о движении, он, в общем и целом, хотя применяет это ко всей природе, но отправной точкой его движения является мир живой природы.

Этот переход всегда осуществляется под действием того, что в действительности. У нас есть некое бытие в возможности. Оно переходит в результате своего развития в бытие в действительности. Это процесс возникновения, сущностного движения. Этот процесс происходит только под действием бытия в действительности. По Аристотелю порождение осуществляется представителями только мужского пола. Они, носители формы, и являются тем бытием в деятельности, которое порождает бытие в возможности. Такая концепция нужна Аристотелю для того, чтобы понять движение телеологически, понять движения вопреки механицистским концепциям, прежде всего концепциям атомистов Левкиппа и Демокрита, для которых конкретное движение происходит в силу случайных соударений атомов.

Аристотель создаёт новую систему мировоззрения, в которой любое движение осуществляет некую цель. Падение камня — это осуществление цели камня. Если камень падает, это значит, что его сначала насильно оторвали от его естественного места. Камень по своей бессознательной природе желает возвратиться на свое

естественное место. Поскольку он принадлежит земле, он сам из земли, он стремится к его естественному месту в космосе. Так же огонь стремится вверх. Движение – это телеологический процесс, достижение цели. Оно не случайно.

Во-первых, Аристотель даёт логицистское истолкование движения, потому что движение описывается как переход от формы к лишённости или от лишённости к форме. Затем телеологические объяснения движения, когда мы переходим от бытия в возможности к бытию в действительности. Здесь сердце аристотелевской физики: аристотелевская физика телеологична. Это физика не механической причинности, а целевой. Те процессы и явления, которые атомисты Левкипп и Демокрит объясняли механическим образом, Платон и пифагорейцы математическим, Аристотель объясняет телеологическим образом.

Человек, его искусство вносит беспорядок, произвол в этот мир, но простые тела стремятся к заложенной в них цели. Аристотель, конечно, говорит не о сознательной телеологии, которая имеет место только в человеческом поведении, а о бессознательной телеологии. «Природа неким образом стремится к своей цели. Природа ничего не делает напрасно», - говорит Аристотель. В некоторых случаях он начинает использовать язык олицетворения.

От анализа движения Аристотель идёт к анализу завершения движения. Анализируя цель, он говорит, что весь физический мир так или иначе подчинён бессознательной цели. Бессознательная цель – это осуществить свою форму. Все природные явления, природные процессы пытаются осуществить присущую им форму, пытаются сделать то, что в аристотелевском универсуме способен сделать только Бог, который есть чистая форма.

Поскольку главным предметом «Физики» является движение, а оно связано с понятиями бесконечности, пространства, времени, то Аристотель в «Физике» анализирует эти понятия. Аристотель обращается к понятию бесконечности, потому что главным признаком движения по Аристотелю является непрерывность и, анализируя движение, мы, так или иначе, приходим к проблеме бесконечности. Эта проблема осложнялась тем, что о бесконечности или о беспредельности говорили все ранние греческие мыслители. Аристотель дал первое обоснованное, подробное решение проблемы бесконечности, которое заключается в том, что актуальной бесконечности не существует. Аристотель говорит, что, если бы бесконечность существовала, она должна быть сущностью, но бесконечность не может быть сущностью, потому что сущность неделима, а бесконечность делима. Поэтому бесконечность не может быть сущностью.

Следующий аргумент Аристотеля касается проблемы «может ли существовать бесконечное тело». Если наш космос – тело, может ли тело быть бесконечным? Аристотель говорит, что это противоречие в определении: тело по-своему определению ограничено плоскостями. Тело не может быть бесконечным, потому что бесконечное тело не должно быть ограничено.

Следовательно, актуальной бесконечности не существует ни как сущности, ни как тела. Бесконечность может существовать по Аристотелю только потенциально. Потенциальная бесконечность — значит то, что мы можем к любому данному числу прибавить любое число, но это число всегда будет конечным. Мы можем разделить любую величину на любое количество частей, но это количество частей всегда будет конечно.

Движение предполагает решение вопроса о существовании места и связанный с этим вопрос о существовании пустоты. Аристотелевское решение проблемы места заключается в следующем: как сущность места не существует, но место существует как первая граница объемлющего тела. Аристотель представляет место по принципу контейнера, но контейнер — это тело. Места не существует так, как существовала пустота у атомистов, как некое пространство. Существуют места, если какое-то тело обнимает, охватывает тело, находящееся в определённом месте. Нет места как такового, нет места как отдельной самостоятельной сущности. Есть тела, которые охватывают другие тела. Весь наш мир — это совокупность мест, этих охватывающих тел. Наш мир состоит из объемлющей всё сферы неподвижных звезд. Это эфирное тело, которое объемлет наш космос, заключает его в определённые границы. Это первое естественное место, в котором находится ещё 55 сфер, потом находятся огонь, воздух, вода, земля. Это всё есть совокупность естественных мест. Обо всём, что есть в нашем универсуме, можно сказать, что оно находится в небе. Мы находимся внутри эфирного шара, а сам эфирный шар нигде не находится, он находится в себе.

Аристотель отвергает существование пустоты. Атомисты вводили пустоту как необходимое условие возможности движения: если нет пустоты, то не может быть движения. Аристотель говорит, что движению не нужно пустое пространство, и приводит в качестве примера движение жидкости. Жидкости могут двигаться друг в друге и им не нужно для этого пустого пространства, поэтому весь наш космос является заполненным, в нём нет вообще пустоты, вакуума не существует.

Последняя категория, которая важна, чтобы описать движение, — это категория времени. Аристотель говорит о парадоксальности времени, которая заключается в том, что если мыслить время как нечто целое, то мы сталкиваемся с тем, что это целое состоит из прошлого, настоящего и будущего. Но прошлое уже не существует, будущее ещё не существует. Если мы возьмем самый главный элемент времени, а именно момент теперь, то этот момент сам окажется безвременным или вне временным, потому что момент теперь не находится в прошлом, не находится в будущем, не находится в настоящем. Главный носитель времени не имеет времени.

Аристотель определяет время как число движения относительно предыдущего и последующего. Время неразрывно связано с движением. Это значит, что Аристотель приходит к тому, что время — это счёт движения, свойство движения, которое привносится нашим счётом. Здесь Аристотель очень близок к Платону. По большому

счёту он заимствует определение времени из «Тимея» Платона, но у Платона время считает мировая душа, которая осуществляет небесное движение, и есть это время.

У Аристотеля нет мировой души, и у него исчез космологический субъект времени, который считает. Кто считает его время? Если это люди, то тогда время становится просто субъективным фактором, и можно говорить об отношении Аристотеля и Канта.

Космология Аристотеля.

У Аристотеля есть только космология, но нет и не может быть космогонии, потому что мир сферичен и вечен. Он не мог начаться, потому что не могло начаться движение, не могло начаться время. Движение не могло начаться, потому что движение непрерывно, а начало движения было бы прерывностью.

Итак, мы имеем дело со сферическим универсумом, существующим вечно. Он состоит из сферы неподвижных звезд. Где-то в трансцендентном мире находится неподвижный перводвигатель, который запускает сферу неподвижных звёзд. Состоит эта сфера из эфира, которому свойственно круговое движение. Эфир не может возникать, уничтожаться. Он существует вечно, и сфера неподвижных звёзд поэтому осуществляет круговое движение.

Для объяснения неправильности движения планет и солнца по эклиптике Аристотель принимает теорию астронома Каллиппа. Внутри этой сферы существует ещё 54 минисферы, которые нам нужны для того, чтобы объяснить движение планет. Видимое движение планет неровное. Если наблюдать за их движением по эклиптике: они то идут вверх по линии эклиптики, то спускаются вниз. На небе должно быть правильное движение, а правильное движение круговое. Чтобы объяснить движение планет через понятие круга, были введены сферы.

Мир небесный, мир эфирный заканчивается там, где Луна. Она образует естественную границу мира, которая рассекает эту сферу на мир надлунный и подлунный. Надлунный мир сделан из эфира. Солнце, планеты, звёзды - все эфирные. Сферы, которые их вращают, тоже эфирные. За Луной начинается мир подлунный, в котором есть четыре основных элемента: ближе всего к эфиру огонь, потом воздух, вода и земля. Земля находится в центре мира. Она является его естественным центром, поэтому объяснение феноменов движения у Аристотеля связано с теорией естественных мест.

В позднюю античность и особенно в средние века аристотелевскую «Физику» стали понимать гораздо более догматично, чем понимал её Аристотель. При всей догматичности Аристотеля нотки сомнения в целостности своего учения у него были. Он, например, в сочинении «О частях животных» говорит, что наше знание о небесном мире предположительно. Оно самое ценное для нас, потому что мы в небесном мире,

изучая звёзды и планеты, становимся причастны Божественному, но точным знанием это знание не является.

Учение о душе.

Все естественные вещи делятся на вещи, у которой есть только природа как начало движения и покоя, и на одушевленные вещи, принципом начала движения и покоя у которых является душа. Аристотель исходит из очень простых наблюдений, из здравого смысла. Мы видим, что есть вещи, которые обладают простым устройством, а есть тела более сложные. Психология начинается с тех тел, в которых есть сложное строение.

Не случайно в качестве условия психологии Аристотель называет определённый вид тела. Определение души звучит так: душа — это первая энтелехия тела естественного, наделенного органами, имеющего жизнь в возможности. Я хочу обратить ваше внимание на требование, которое Аристотель выдвигает к телу, которое может быть носителем души. Оно должно быть естественным и наделенным органами.

Аристотелевская психология строится на том, что мы имеем дело с сочетанием формы и материи. Тело естественное, наделённое органами, имеющее жизнь в возможности — это материя живого существа, а тот принцип, который делает эту материю одушевлённой — это душа. Как в случае с физическим миром, точно также в случае с психологией мы имеем дело с совокупностью формы и материи, которые объединены в живое единичное тело.

Когда Аристотель рассуждает, что душа как энтелехия, как форма тела не может пережить это тело, то его по этой причине записывают в реалисты. Когда он рассуждает о том, что душа является формой тела, его записывают в идеалисты. На самом деле Аристотель пытался создать некий новый тип психологии, который не был бы реалистическим или идеалистическим.

Если мы имеем дело со сложными телами, у которого есть не только элементы, но у которых есть ткани и органы, то у них должен быть некий объединяющий принцип, то, что держит это живое тело. Эту форму Аристотель называет душой. Душа — это первая осуществлённость тела природного, обладающего органами и имеющего жизнь в возможности.

Во-первых, Аристотель называет душу осуществлённостью тела, энтелехией тела. Аристотель поясняет это на примере: душа относится к телу точно так же, как акт зрения относится к зрачку. У нас есть зрачок, но мы можем ничего при этом не видеть. Когда мы зрачком видим, когда осуществляется акт зрения, то это соответствует тому, что такое душа по отношению к нашему телу. Если бы не было души, то у нас бы было некое физическое тело, которые не обладало бы способностью осуществлять психический акт.

Душа не может быть отделена от тела. По крайней мере, вся душа не может быть отделена от тела. Есть в аристотелевской психологии часть, которая способна к длительному существованию. Но душа как форма тела может быть отделена от него только логически, но реально. Аристотель не верит в пифагорейское перевоплощение. Он считает, что душа есть форма тела. Есть душа как таковая, у которой есть способности. Основные признаки растительной души – это рост, питание, размножение. Животной душе свойственно ощущение, стремление или желание, пространственное перемещение. Третий вид души – это рассудочная душа, то, что есть у человека. Способность рассуждать — это тоже душевная способность. Наконец, есть такая сверхспособность, которая приходит извне и только к людям, — это отделённый Ум, Нус. Это самая загадочная часть аристотелевской психологии. В каком-то смысле это не психология, поскольку не имеет отношение к душе как форме. Это самое темное учение Аристотеля во всей его философии.

Растительная душа присутствует во всех живых существах. Главный признак животной души - способность ощущать. Первое ощущение, которое есть у всех живых существ, — это осязание по Аристотелю. Дальше следуют другие способности. Ощущения — это следующая способность после питания. Аристотель показывает аналогию между ощущением и питанием. Он говорит, что когда мы питаемся, мы воспринимаем из внешнего мира и перерабатываем материю вещей, а когда мы ощущаем, мы перерабатываем, воспринимаем не материю, а форму вещей.

Каждое из ощущений: осязание, вкус, обоняние, зрение и слух имеют свои собственные предметы. Есть зрение, и есть зримое, которое распадается на цвета, прозрачную, промежуточную среду. У каждого чувства есть свой предмет, но у всех чувств есть, помимо своих собственных предметов, общая предметность, что воспринимается общим чувством. Общим чувством воспринимаются размер, форма, число.

Ощущения отвлекают от предметов их формы, и они начинают снабжать нас первыми абстрактными понятиями: форма, размер, число. Ощутительную психологию Аристотеля можно представить себе как то, что складывается из ощущений и общего чувства.

У животных мы констатируем центр психической деятельности. У растений его нет. У животных он появляется и находится в сердце. Аристотель отверг ненаучное учение Платона и пифагорейцев о том, что психическая деятельность, особенно высшая, сосредоточена в мозгу. Аристотель считает, что мозг — это лишь рефрижератор, холодильник, задача которого - охлаждать кровь, которая поступает от сердца. Сердце является центром психической способности, а чтобы оно не разогревалось, потому что, когда мы едим, мы разогреваемся, существует мозг, который охлаждает.

Следующий уровень психической деятельности у Аристотеля — это образы фантазии. У Аристотеля фантазия перестаёт быть случайным словом, как в

платоновских диалогах, а становится отдельной психической способностью, которая появляется у живых существ. Ощущение, фантазия, на основе фантазии память как удержание образов фантазии прошлого и припоминание. Припоминание — это сознательное усилие.

Следующая часть души — это часть, которая присуща человеку. Это душа рассчитывающая, которая нужна нам для осуществления практической деятельности. Это деятельность разума, когда мы строим силлогизмы, но не знаем первых посылок. Если мы простые люди, то мы, рассуждая, никогда не можем дойти до первых начал и причин. Для того чтобы объяснить, откуда мы можем знать первые начала и причины, у Аристотеля появляется учение об Уме, который приходит извне. Только он даёт возможность объяснить наше знание первых аксиом. Этот Ум трансцендентен, внеположен нашему психофизиологическому составу. Именно он позволяет нам знать аксиомы и начала.

Главная проблема аристотелевской психологии: то, что приходит извне, — это Бог или не Бог? Ум, о котором говорится в «О душе», есть ли это тот же Ум, о котором говорится в двенадцатой книге «Метафизики»? Мы познаём первые начала и причины, потому что приходит Бог, или мы познаём первые начала и причины, потому что это какая-то отдельная способность? Аристотель никакого ответа на этот вопрос не давал. Его никак не поднимал.

Итак, завершая психологию Аристотеля, можно сказать, что до самого последнего уровня аристотелевская психология не идеалистична и не реалистична. Душа — форма живого тела, которая перестаёт быть, когда перестает быть живое тело. Ни растительная, ни ощущающая, ни рассчитывающая душа не переживает смерти, но есть Ум, который приходит извне. Он, скорее всего, не ко всем приходит, а только тем, кто понимает какие есть первые начала и аксиомы. Для тех, кто помнит про закон противоречия, к тем он приходит извне. Он переживает смерть, но вряд ли он является носителем личной памяти, потому что вся наша личная память связана с телом и с происшествиями в мире тел. Поэтому то, что Ум бессмертен и переживает тело, ни в коей мере не может никого утешить.

Лекция 7. Этика Аристотеля

Методологический и гносеологический статус этики. Предмет этики. Четыре цели жизни. Критика идеи блага Платона. Категория «счастье» в этике. Три способности души. Добродетель мысли и добродетель характера. Этические добродетели. Свобода воли. Дианоэтические добродетели.

Методологический и гносеологический статус этики.

В составе корпуса Аристотеля до нас дошло три работы, посвященные этике. Самая большая из них «Никомахова этика». На две книги меньше «Евдемова этика». Самая маленькая этика, видимо, по сознательной иронии редактора названа «Большая этика», она в 10 раз меньше «Никомаховой этики». Принципиальных различий между этими текстами нет.

С именем Аристотеля связано вообще появление этики как отдельной философской науки. Здесь нужно сделать оговорку: несмотря на то, что мы имеем эти три сочинения, которые называются этиками, но Аристотель ту науку, которая будет названа этикой, ещё так не называет.

Вспомним деление наук у Аристотеля. Науки делятся на теоретические, на практические и на созидательные или творческие. Цель теоретических наук - познание истины, цель практических наук - совершение поступков. Итак, первое, что можно сказать об этической мысли Аристотеля: поскольку этика - практическая наука, то цели её не познание истины, а совершение поступков.

Этическая методология Аристотеля принципиально отличается от его научной методологии, потому что совершение поступков происходит в мире случайном и неопределённом, в мире возникновения и уничтожения, в мире, где всё может быть так, а может быть иначе. Поэтому той доказательной строгости, которая имеется у математических наук, в этике просто не может быть по самому её предмету. Этика неточное и нестрогое знание.

Позднее в эпоху эллинизма, в Средние века и в Новое время, и до наших дней очень часто этику трактуют как науку и стараются сделать её как можно более научной. Аристотель исходил из общих предпосылок и из ощущения здравого смысла: область решений, поступков и действий довольно сложная, запутанная и неопределённая. Этику пытался сделать строгой наукой Спиноза и Кант. Они тратили огромное количество усилий на то, чтобы обосновать этику, придать ей большую строгость и завершенность.

Аристотель не придерживается строгой, жесткой схемы. Этика направлена на совершение поступков, поэтому она предполагает в качестве слушателя этического курса человека, который уже много совершал таких поступков. Аристотель считает,

что этику стоит преподавать только взрослым людям. Он говорит: «Юноша - неподходящий слушатель для рассуждений этических, потому что у него нет ещё опыта». Но у современной молодёжи, которая живёт в более динамичном мире и сталкивается с гораздо более ранних лет с разными этическими дилеммами в совершении поступков, какой-то опыт уже накоплен. Это моменты, связанные с методологическим и гносеологическим статусом этики как науки в составе аристотелевского корпуса знаний.

Предмет этики.

Предмет этики Аристотель определяет вслед за Платоном, вслед за Сократом как благо. «Никомахова этика» начинается со слов: «Всякое искусство и всякая наука, а также всякий поступок и всякий выбор нацелены на некое благо». Благо является основанием любого выбора, любого поступка. Когда мы совершаем поступок или когда мы выбираем средства для совершения поступка, мы стремимся к некоему благу или к некой цели. Для Аристотеля, как и для Платона, слова «благо», «цель», «польза» употребляются синонимично.

В самом начале Аристотель говорит, что существует множество видов деятельности, а также множество наук, которые стремятся к различным благам. Какое благо изучает этика? Этика должна изучать то благо, которому подчинены все остальные блага. Этика должна быть знанием, которому в отношении блага подчинены все остальные знания. У знаний и искусств существует иерархия, которая заключается в том, что одно искусство подчиняется другому, а то искусство подчиняется вышестоящему. Задача в этике - изучать не подчинённые блага, а найти то благо, которому всё так или иначе, все искусства и все знания подчинены. Таким искусством Аристотель называет политическое знание.

С Аристотелем связано само название этики, но Аристотель ещё этого слова, как слова для обозначения науки о благе, не употребляет. Он говорит, что главным искусством является политическое искусство, ибо в самом начале «Никомаховой этики» Аристотель говорит, что хотя желательно и благо каждого отдельного человека, но благо народа и государства лучше.

Вопрос здесь не только в том, какое слово употребляет Аристотель: «политика» или «этика». Здесь гораздо более интересный аспект, над которым стоит задуматься. Дело в том, что Аристотель, как и Платон, стоит на рубеже двух эпох: эпохи полисной, когда было самоочевидным, что высшим благом является благо полиса. У Платона в «Государстве» высшим благом является правильное устройство души, а у Аристотеля, хотя в «Никомаховой этике» написано, что высшим благом является благо полиса и народа, но если прочитать до конца, то можно увидеть, что в основном Аристотель говорит об устройстве жизни одного отдельного человека. Поэтому, когда читаем «Государство» Платона или «Никомахову этику» Аристотеля

нас поражает, насколько она политична. Фактически мы имеем дело с социальной этикой, там много социально-политического аспекта. Поэтому в XX веке было модно упрекать Платона и Аристотеля в тоталитаризме. Но если мы посмотрим на них из их времени, то мы увидим, что и Платон, и Аристотель - это не шаг к тоталитаризму, потому что то общество, в котором они жили, - это было общество тоталитарное в прямом смысле слова, общество закрытых городских общин. Их этика — это шаг в сторону индивидуализма, в сторону эпохи эллинизма. Эта этика в значительной части ещё полисная, но пробиваются очень существенные ростки индивидуализма.

Четыре цели жизни.

Чтобы решить вопрос о благе, Аристотель начинает свое рассуждение с рассуждения об образах жизни. Он действует здесь, как и в других своих сочинениях. Он начинает с обзора того, что понимали под благом, что понимали под счастьем до него. Методология Аристотеля предполагает обращение к опыту и систематизацию уже накопленного опыта. Обладание благом — это счастье.

Аристотель рассматривает четыре основных вида жизни. Он говорит, что обычно люди понимают под счастливой жизнью такие образы жизни:

- Образ жизни людей, которые понимают счастье как наслаждение и удовольствие. Аристотель, хотя он не антигедонист, считает, что удовольствие не может быть целью наших стремлений. Точнее он презрительно бросает, что жизнь в удовольствиях — это скотская жизнь, это жизнь достойная скотов и рабов.
- Образ жизни людей, которые в качестве блага, в качестве цели своих стремлений выбирают почёт, признание. Аристотель говорит о стремлении к почёту и уважению, но это не то благо, которое мы ищем, потому что понятию блага присуща такая важная характеристика как его неотчуждаемость и то, что оно принадлежит именно нам. Когда мы ищем признание и почет, мы ищем признание и почет со стороны кого-то. А когда мы говорим о благе, мы имеем в виду то, что должно быть присуще нам самим. Мы ощущаем его как то, что не должно зависеть ни от кого другого.
- Созерцательный образ жизни. В нашем понимании слово созерцательный имеет значение чего-то пассивного, когда человек сидит ничего не делает, созерцает. Аристотель не это имеет в виду, не такое созерцание. Он имеет в виду занятие научной деятельностью.
- Образ жизни стяжателя. Жизнь того, кто посвятил её экономической деятельности, направленной на увеличение богатства, денег и прибыли. Аристотель говорит, что этот образ жизни не может быть поставлен рядом с тремя вышеупомянутыми, потому что богатство может быть только средством и

не может быть целью. А все три предшествующих образа жизни, как бы они принципиально друг от друга не отличались, направлены на цель.

У нас есть четыре образа жизни, и цель наших рассуждений выбрать между ними или уяснить ситуацию с ними. Фактически аристотелевская этика – это уяснение базовых четырёх целей: удовольствие, почёт, научное знание, богатство.

Критика идеи блага Платона.

Поскольку речь зашла о благе, а счастье – это обладание благом, то Аристотель не мог удержаться от критики того, кто до него говорил о благе. Поэтому критика Платона и платоников встречается не только в «Метафизике», но и в первой книге «Никомаховой этики» вместе со знаменитыми словами о том, что теперь он приступает к делу, которое хотя и отталкивающее, потому что теорию идей ввели милые ему люди, но нужно любить истину больше, чем людей, друзей. Эту фразу Аристотель заимствует у Платона, которая была произнесена в десятой книге «Государства» о Гомере. Аристотель её освоил и применил к Платону. У Аристотеля бывают такие освоения Платона.

Что инкриминирует Аристотель Платону, когда критикует платоновскую идею блага? Во-первых, он говорит, что это слишком общая идея. Благо существует в каждой из десяти категорий, а у Платона одна идея. В идее сущности, например, благо — это Бог и Ум, а в категории времени благо — это правильно выбранное время, вовремя. В категории качества благо — это добродетель, в категории количества благо — это мера.

Второй упрёк: если бы благо было единым, то есть если бы было только одно благо, то была бы одна наука о благе, но наук о благе много. Военное искусство изучает благо как победу, врачебное искусство стремится к здоровью. Следовательно, нет никакой единой идеи блага.

Третий аргумент. Платон говорит о вечности идеи блага. Зачем этому благу вечность? Чем вечная блондинистость лучше просто блондинистости?

Последний аргумент Аристотеля против платоновской идеи блага: даже если это единое благо - благо для всех и всегда, и всего существовало бы, от него не было бы никакой практической пользы. Какую пользу плотник или сапожник мог бы извлечь из идеи блага и как бы он её воплотил в столы и сапоги? Аристотель, хотя и очень хорошо знал платоновское «Государство», но в момент, когда формулировал этот аргумент, забыл, что плотники и сапожники в «Государстве» Платона не изучают идею блага, они обходятся общими приблизительными представлениями. Для изготовления сапог знание идеи блага не нужно.

Категория «счастье» в этике.

После того, как Аристотель с болью в сердце покритиковал в очередной раз Платона, в очередной раз принес в жертву любимого учителя истине, он переходит к своим рассуждениям о благе, цели и этике. Вторая по важности категория в этике Аристотеля – это счастье, точнее эвдаймония. Это слово состоит из двух корней, которые значат: хорошо и божество, любимчик судьбы. Во времена Аристотеля это слово значило хорошую жизнь, когда всё хорошо идет как по маслу. Поэтому слово счастье не полностью покрывает значение этого слова, так как в слове «счастье» сильно звучат субъективные нотки. Эвдаймония – это объективно хорошая жизнь, которую могут установить другие.

Когда Аристотель говорит про эвдемения, что это обладание благом, то он имеет в виду обладание благом, которое можно констатировать. Аристотель приступает к выяснению, что же такое эвдаймония. Он начинает с анализа понятий, которые так или иначе связаны с понятием хорошей жизни. Для Аристотеля первая важная вещь, связанная с хорошей жизнью или счастьем, заключается в том, что, прежде всего, это деятельность. В «Метафизике» было базовое различие на деятельность и возможность, на акт и потенцию.

Второй момент: это понятие объективное. У любой вещи есть своя цель и есть своя функция. У человека, как и у любой другой вещи, есть цель, то, для чего он нужен. Аристотель мыслит в биологических понятиях: у каждой вещи есть своя цель, которую она должна достигнуть. Речь не идет об индивидуальной этике, об индивидуальном деле. Этика должна помочь всем установить объективно, какое у нас дело. Таким образом, счастье и хорошая жизнь возможна, только если мы достигаем общечеловеческого дела, общечеловеческой цели.

Третья вещь, необходимая нам, для того чтобы мы достигли нашей цели, осуществили нашу функцию как человека — это то, что Аристотель называет добродетель. К добродетели нужно применить тот же самый подход, который мы применили к счастью. Под «добродетелью» у греков не идет речь о морали. Под словом «добродетель» греки понимали то, что мы выражаем скорее словом совершенство. Например, когда греку нужно было сказать, что земля плодородна, он говорил буквально «добродетельна», то есть хороша.

Поэтому, когда мы говорим о счастье и говорим, что это деятельность, которая направлена к объективно существующей цели, мы говорим о том, что эта деятельность должна быть хороша. Эти три понятия Аристотелем соединяются в единое определение счастья, которое лежит в основе всей его этики. Счастье определяется Аристотелем как деятельность души согласно добродетелям.

У Аристотеля слово «деятельность» в этом определении имеет важный этический смысл. Представим добродетельного человека, внутри которого находятся все основные добродетели, но этот человек спит. Когда он спит, он не проявляет

добродетели и не осуществляет деятельность. Это важный момент в повседневной этической жизни. Определение хорошей жизни через деятельность - это значит, что в этике, прежде всего, решают поступки. Аристотелевская этика направлена на совершение поступков и не ограничивается пассивным обладанием добродетели. Этика Аристотеля выглядит парадоксальной, потому что, когда человек спит, он не счастлив и не несчастлив.

Аристотелевская этика очень сильно отличается от этики Нового времени и стоической этики, когда самым главным считалось душевное состояние и неважно, что человек делает. Стоики любили такие парадоксы, что мудрец, то есть совершенный человек, может даже быть каннибалом. Это никак не отражается на его внутреннем совершенстве. Для Аристотеля нельзя быть каннибалом и внутренне совершенным человеком.

Три способности души.

В этом определении, в котором мы вначале разобрали основные элементы: деятельность согласно добродетелям, есть еще один важнейший элемент. Не просто деятельность, а деятельность души согласно добродетели. Здесь мы подходим к очень важному разделу аристотелевской этики. Именно психология, деление души на части позволяет нам в этике распределить добродетели. Если счастье - деятельность души согласно добродетели, то психология даёт нам базис для того, чтобы мы могли классифицировать добродетели.

Аристотелевская психология говорит, что в человеке есть три базовых души или три базовых способности души. Это растительная способность, способность роста, питания и размножения. Вторая — это способность ощущения и желания. Третья способность — это рассуждение, логос, разум. Человеческая душа состоит из трёх этих базовых способностей.

Аристотель ищет специфически человеческой деятельности, а не деятельности вообще. Поэтому невозможно считать, что наше счастье, наша хорошая жизнь, деятельность нашей души определяется её растительной частью. Растительная часть — это не то, что нам свойственно, это то, что нам обще с растениями и животными. Поэтому строить этику на добродетелях питания и размножения — это строить нечеловеческую этику, а общебиологическую. Также не построить этики на животной душе, потому что это опять-таки не специфическая деятельность человека. Специфическая деятельность человека — это третий вид души, которая обладает разумом. Поэтому деятельность души становится деятельностью души существа, обладающего разумом. Надо чтобы был логос, тогда будет специфически человеческая форма этики.

Добродетель мысли и добродетель характера.

Когда мы анализируем эту часть нашего существа, которая имеет разум, мы видим в ней два основных компонента. Есть компонент в строгом смысле слова рациональный, который осуществляет расчет и подсчёт, калькулирует. Здесь Аристотель точно также, как и Платон, говорит, что это высшая область человека, рассуждающая, судящая душа. Второй подвид человеческой души, та часть души, которая желает. Тут есть тонкость. У нас есть слово «желание», и есть слово «вожделение». Аристотель употребляет их не как синонимы. Та часть души, которая желает, — это не та часть души, которая вожделеет. Вожделеющая часть души относится к низшему, растительному уровню. Человеческое желание связано с разумом.

Итак, у нас высшая часть делится на две части. Рассчитывающая часть: та которая производит расчеты, говорит, что нужно делать, что не нужно делать. И та часть, которая может согласиться с этим, а может с этим не согласиться.

Исходя из этого деления, Аристотель распределяет добродетели, совершенства. Человеческой природе присуще два вида совершенства: мыслительные совершенства (или дианоэтические добродетели) и этические добродетели. Есть два вида добродетелей, которыми можно обладать: добродетель интеллектуальная, добродетель мысли и добродетели характера.

Аристотелевская этика — это подробное описание вначале добродетелей характера, а потом добродетелей мысли. Главные, безусловно, добродетели мысли, потому что именно в них наша специфика как людей, но добродетели характера важнее в нашей обыденной, повседневной жизни. К добродетелям характера относятся щедрость, справедливость, воздержанность, а остроумие или мудрость — это добродетели интеллектуальные.

В первых трёх книгах «Никомаховой этики» содержится вводный базис этики, а начиная с четвёртой и по десятую книги, — это описание добродетелей, феноменологическое описание и анализ. Вначале этических добродетелей, потом дианоэтических добродетелей, потом сложных случаев таких, как дружба или удовольствие.

Этические добродетели.

Начнём с этических добродетелей, с добродетелей нрава и характера. Этические добродетели имеют прямое отношение к удовольствию и страданию. В зависимости от поступка будет формироваться характер, потому что этическая добродетель — это добродетель характера, а область её значения — это удовольствие и страдание.

Второй момент гносеологический: добродетели нельзя научить, теоретически воспитать. Они усваиваются одним единственным способом – упражнением. Упражнение — это совершение тех или иных поступков.

Третий момент, связанный с этическими добродетелями, который наиболее известен: Аристотель определяет этические добродетели как середину между двумя крайностями, как середину между избытком и недостатком. Этические добродетели описываются Аристотелем с помощью понятий, взятых из пифагорейской математики, из математики гармонии как среднее между избытком и недостатком. Это очень важный момент аристотелевской этики, но это относится только к этическим добродетелям. Иногда об этом забывают и говорят, что вообще аристотелевская теория добродетелей — это теория среднего. Интеллектуальные добродетели, например, — это не середина между двумя крайностями. Так Аристотель с помощью математической теории пропорций раскладывает добродетели.

В теории этической добродетели как середины важно, что эта середина не является арифметической пропорцией. Она является пропорцией геометрической, пропорцией, которую нужно определять для каждого конкретного случая. Аристотель описывает этическую добродетель в пифагорейских терминах середины между двумя крайностями, но на самом деле, когда он начинает конкретно рассуждать о добродетелях, он начинает употреблять понятия не математические. Например, он говорит, что этическая добродетель — это сделать что нужно, когда нужно, кому нужно, столько, сколько нужно.

Свобода воли.

В связи с этическими добродетелями Аристотель решает вопрос, который впоследствии, после эпохи эллинизма и в Средние века станет известен как проблема свободы воли. У Аристотеля ещё нет понятия свободы воли, но он первый систематически поставил ряд вопросов и первый начал разрабатывать категорию, которая станет основой для дальнейших разработок в области свободы воли. Это аристотелевское учение о сознательном выборе. Потому что когда мы совершаем поступки и когда мы руководствуемся этическими добродетелями, мы, так или иначе, всегда выбираем.

Аристотель распределяет все поступки на два больших класса. Класс поступков, которые совершаются по принуждению или произвольно, — это один класс. Второй класс – это поступки, которые совершаются произвольно. Первый класс делится на два подвида. Первый подвид — это по принуждению в строгом смысле слова. Поступки по принуждению – это те поступки, начало которых кладёт кто-то другой или что-то другое. Второй подвид поступков по принуждению — это поступки, совершенные по неведению.

Произвольные поступки тоже делятся на две группы. На ту группу, которая является поступками произвольными, и в ней уже существует еще более узкая область, которая является поступками по выбору. По Аристотелю произвольные поступки — это просто поступки, когда начало той или иной деятельности в самом существе. Например, у животных или у детей. Дети и животные совершают произвольные поступки, но не совершают при этом выбора.

Есть произвольные поступки, в которых принимает участие выбор. Выбор относится, во-первых, к вещам, которые могут быть иначе. Мы выбираем только то, что может быть иначе. То, что необходимо, мы не выбираем.

Во-вторых, мы не выбираем невозможного. Аристотель говорит, что мы можем желать невозможного, но выбрать это не можем.

В-третьих, выбор не подчиняется категориям истины и лжи. Нельзя выбрать истинное или ложное. Выбрать можно только благо или зло. Этим выбор отличается от мнения. Может быть мнение истинное или ложное, но не может быть истинного или ложного выбора. Выбор может быть полезным или вредным. Либо полезным для меня и моего государства, общины, либо вредным. Выбор не теоретичен.

Четвёртый определяющий момент: выбор никогда не является выбором цели, выбор всегда является выбором средства. По Аристотелю цели настоящие мы не выбираем. Цель в аристотелевском смысле — это самые базовые, общие цели. Например, здоровье. Аристотель углубляется дальше в анализ и говорит, что есть ещё одно понятие, которое лежит в основе выбора. У Аристотеля выбор базируется на предварительном обсуждении в уме.

Пятая важная характеристика: выбор рационален.

Аристотель решает вопрос об ответственности. Человек виноват сам, так как он выбирал негодные средства, осуществлял неправильный выбор, и когда он осуществлял неправильный выбор, совершая неправильные поступки, его характер формировался. Аристотель считал, что дурному человеку плохо от его дурного характера, но избавиться от него он может, если начнет совершать противоположные поступки.

Аристотелевская этика говорит, что избавиться от недостатков характера можно, если заставить себя совершать противоположные поступки. Аристотель считал, что надо проанализировать себя и понять те нехорошие наклонности, которые у вас есть. Поэтому человек ответственен за своё счастье через совершение поступков.

Дианоэтические добродетели.

Для Аристотеля самыми главными добродетелями, самыми главными совершенствами человеческого существа являются интеллектуальные добродетели. Интеллектуальных добродетелей всего пять: искусство, наука, рассудительность, мудрость, ум. Искусство — это интеллектуальная добродетель, направленная на вещи с

целью их изменения ради красоты или целесообразности. Наука — это доказательное знание. Ум — это способность, которая созерцает сами начала, аксиомы научного знания. Мудрость — это симбиоз ума и науки. Для этики самая важная интеллектуальная добродетель — это рассудительность. Рассудительность — это добродетель, которая принципиально отличается от научных добродетелей, потому что в отличие от научных добродетелей она идёт не от начал знания к вещам, а она от изменчивых, случайных вещей поднимается к началам и направлена не на вещи, которые вечны и необходимы. Она направлена на наш мир случайных событий и процессов. Именно в этом мире добродетель должна помочь нам достичь блага.

Но то, что по-настоящему приносит счастье, — это мудрость. Мудрость — это научная деятельность, созерцание. Мудрость делает нас счастливыми, потому что она приносит счастье само по себе. Это единственное благо, которое мы можем выбрать ради него самого. Этой деятельностью можно заниматься и наслаждаться непрерывно. Только эта добродетель достойна свободного человека. Только тот, кто мудр, не зависит ни от чего. «Никомахова этика» завершается похвалой мудрецу, который вообще не нуждается в политической деятельности, который занимается чистым научным знанием. Мудрец обладает этой добродетелью не как человек, а как причастный к уму. Это уже практически сверхчеловеческое счастье.

Лекция 8. Эпоха эллинизма.

Эллинистическая культура. Философия эпохи эллинизма. Школы. Эпикур. Как Эпикур понимал философию? Критерии истины. Физика Эпикура. Этика Эпикура.

Завоевания Александра начались в 331 г. и закончились в 323 г. В результате походов Александра на Восток возникло огромное единое государство, которое начиналось в Греции, а заканчивалось в Северной Индии. Но как только Александр умер, это огромное государство распалось на три больших царства, которые называются эллинистическими царствами. Это те области, где и будет происходить культурное и философское движение, которое имеется в виду, когда мы говорим об эпохе эллинизма.

Первое царство - Македонское царство со столицей в городе Пела в Македонии, которое охватывало собой Македонию и Грецию. Второе царство - эллинистический Египет, которым правила династия Птолемеев, потомков сподвижника Александра. Главным городом была знаменитая Александрия. Третье большое царство — это царство Селевкидов, которое находилось на территории нынешней Сирии, и главным городом которого была Антиохия.

Можно добавить еще парочку мелких эллинистических государств, которые тоже важны. Это Пергамское царство, которое находилось на территории современной Турции, там, где остатки Трои. Ещё одно царство, о котором стоит упомянуть, — это Греко-Бактрийское царство, которое располагалось на территории междуречья Амударьи и Сырдарьи, на территории нынешнего Афганистана. Оно доходило до северных границ Индии. Именно в результате деятельности этого царства происходили контакты греков, в том числе и греческих философов с Индией.

Эпоха эллинизма закончилась в 30 г. до н.э., когда римляне завоевали последнее эллинистическое царство — Египет. Август разбил флот Антония и Клеопатры.

Эллинистическая культура.

К эпохе эллинизма в 17, 18, пер. пол. 19 в. было принято относиться со скепсисом и осуждением, потому что считалось, что эпоха эллинизма — это эпоха конца греческой свободы, независимых греческих полисов, демократии и народовластия. Везде, во всём мире воцарилась мрачная тирания. Вместо просвещённых афинских политиков на сцену выступили грубые македонские солдаты, и их наследники правили миром, который всё больше и больше погружался во тьму.

Вместо рационалистической философии Платона и Аристотеля, Демокрита воцарились странные философские воззрения, которые в итоге привели к победе суеверия.

Просвещенческие взгляды на то, что эллинистическая эпоха — это эпоха, когда европейская рациональная мысль постепенно угасала под воздействием тирании и варварства были поколеблены в сер. 19 в. великим немецким историком Иоганном Густавом Дройзенем, который заново открыл эту эпоху как эпоху, имеющую самостоятельное культурное значение. Именно Дройзен предложил тот термин, который в европейской историографии удержался. Он назвал эту эпоху эпохой эллинизма. Для него эта эпоха была очень важной, потому что это промежуточная эпоха между греческой культурой и христианской культурой.

Он показал, что эпоха эллинизма вовсе не была эпохой варварства. Если мы, например, измеряем отличия культурного общества от варварского общества развитием науки и литературы, то эпоха эллинизма — это была великая научная и великая литературная эпоха. Для подтверждения этого достаточно просто сказать, что именно в эпоху эллинизма возникают «Элементы» Евклида, то есть полный очерк греческой геометрии и арифметики и теории пропорции. В эпоху эллинизма, если мы берём точные науки, делает огромный шаг вперёд наблюдательная астрономия, поскольку из вновь завоеванных земель, из Вавилона идёт большой массив наблюдательных данных, которых до этого у греческой астрономии не было. В области механики достаточно назвать имя Архимеда. К этой же эпохе относится бурное развитие инженерного дела, создание механических приспособлений, создание астролябий. Это эпоха очень мощного прогресса в области естественных наук. Сюда же относится и прогресс в области географии: действуют великие географы, впервые измеряется объём, площадь земного шара, устанавливается значение километра астрономическим способом, проводится ряд очень важных измерений, появляются точные географические карты.

То есть говорить об этой эпохе как об эпохе мрака и невежества не приходится. Те историки, которые говорили об этом, исходили из априорного и неверного умозаключения, что поскольку не стало демократии, то не стало и науки. На самом деле соотношение между этими двумя понятиями не такое простое. Наоборот, огромные субсидии, которые выделяли монархия Египта, монархия Селевкидов, монархия Пергама на развитие библиотек, на появление научных центров вело к тому, что эпоха эллинизма стала не эпохой тьмы, а очень важным шагом в развитии точного естествознания.

В области гуманитарных наук ситуация тоже была очень интересная. Это не было временем ни смерти научного знания, ни застоя. Появляется история как всеобщая история. До этого времени у нас есть штампы речи: «Геродот - отец истории». Но Геродот описывает, почему греки воевали с персами. Его больше ничего не интересует. То, что в его истории встречается описание Египта, Скифии, не делает историю Геродота всеобщей историей. Ему это нужно либо как собрание анекдотов, либо как собрание географических курьезов. В эпоху эллинизма, поскольку греки уже

не чувствовали себя единственным этносом, а чувствовали, что их история разворачивается едино с историей других народов, появляется всеобщая история. До нас дошло два великолепных памятника всеобщей истории того времени. Это труд Диодора Сицилийского «История» и труд Полибия, в которых есть история Египта, история Вавилона. Постепенно, когда во 2 в. – 3в. до н. э. переводится на греческий язык «Септуагинта», добавляется ещё и история еврейского народа.

Во-вторых, это время рождения и рассвета филологии. Можно сказать, что эпоха эллинизма — это рождение филологии, потому что именно в это время появляется необходимость в комментариях и научных изданиях текстов. Тексты Гомера, Гесиода, Платона обрастают комментариями. Возникает профессия литературного критика, критика текста. Появляются великие представители этой профессии такие, как Аристарх Самосский, Каллимах и другие.

Продолжает развиваться риторика. Она становится очень развитой школьной дисциплиной, появляется огромное количество учебников риторики. Во многом наша риторическая традиция создаётся как учебная традиция в эпоху эллинизма. В области художественной литературы эпоха эллинизма тоже принесла много нового и внесла ценный вклад в развитие мировой литературы. В это время, во-первых, появляются новые формы. В это время рождается идиллия, тот жанр, который существовал в течение многих тысяч лет после эпохи эллинизма. В это время появляются очень интересные образцы учёного эпоса, где поэт одновременно и учёный. Сюда относятся такие произведения как «Аргонавтика» Аполлония Родосского, произведения великого филолога, астронома и поэта Арата, великая поэма Лукреция Кара «О природе вещей», создаётся дидактический эпос как отдельная форма.

Философия эпохи эллинизма.

Философия в это время тоже развивается очень интересно, потому что у философии изменяется цель деятельности. Если мы возьмём Демокрита, Платона и Аристотеля, то при всех различиях между этими великими мыслителями у них есть одно общее, а именно решительное предпочтение теоретического исследования. И Демокрит, и Платон, и Аристотель – мыслители, для которых важнее всего исследование теоретической истины. В эпоху эллинизма философия становится скорее практическим искусством, цель которой заключается в некоем терапевтическом действии. Философия становится медициной для души, терапией души, которая должна излечить душу от тревог, страхов, глупых надежд, опрометчивых поступков и так далее. Философия становится очень своеобразным видом духовной деятельности.

Второй момент. Философия перестает быть исключительно греческим занятием. По этому поводу многое было сказано в 18в. Не только греки по национальности, но и другие народы подключились к этому общеполитическому делу. Если мы возьмем одну из главных школ эпохи эллинизма – стоическую школу, то её

основатель Зенон из Кития был по происхождению финикийцем из одного финикийского города на Кипре. В это время очень часто мы встречаем выходцев из Сирии, из Египта. Эта ситуация продолжится до конца античности. Они пишут на греческом языке. Римляне потом добавят к числу языков философии ещё и латынь, но сирийцы, египтяне, евреи, персы в это время начинают писать на греческом языке, и койне, общий диалект, на котором говорили греки этого времени, становится общим языком эллинистической философии.

Третий очень важный момент в развитии философии в это время. Философия становится школьной философией. Философская школа в эпоху эллинизма — это не наш университет и даже не средневековый университет. Философская школа — это не место обучения юношества. Философская школа — это, прежде всего, осознанный выбор взрослого человека, какую цель в жизни и какой образ жизни он предпочитает. Выбор философской школы — это выбор образа жизни. Это не место, где молодёжь получает необходимые знания для жизни. Она их получает у учителей грамматики, учителей риторики и так далее. Философская школа — это фактически выбор течения и направления, к которому вы принадлежите. Поэтому философская школа в это время называется словом ересь, что переводится как выбор. Человек выбирает образ жизни Эпикура, или человек выбирает образ жизни стоика, или человек выбирает образ жизни киника, и в зависимости от этого строит свою жизнь и начинает посещать философскую школу.

Философские школы были платные, но, если верить некоторым сообщениям, плата была очень умеренная. В большинстве философских школ плата была два обола. Это цена, которую чернорабочий получал в день. Посещать школу — значит принимать участие в обсуждениях и принимать участие в общих мероприятиях. Главным общим мероприятием оставался пир, который устраивался в разных школах по-разному, но как минимум раз в месяц устраивался единый школьный пир. В философских школах эпохи эллинизма главным центральным мероприятием был диспут, обсуждение проблемы. Следующая эпоха, о которой мы будем говорить, которая наступит после, будет эпохой комментария, когда главным философским делом было писание комментария к сочинениям Платона и Аристотеля. В эпоху эллинизма ещё культуры комментария не было.

Предлагался вопрос, например: «сколько существует видов добродетели?». Ученик высказывается по этому поводу. Учитель, как правило, занимается его опровержением. Очень многие философы эллинистического времени не писали книг, потому что все их силы, духовные и интеллектуальные, уходили на ежедневные диспуты. Особенно здорово было в Афинах, в городе, который был главным центром эллинистической философии того времени, потому что в Афинах одновременно присутствовали несколько враждующих философских школ. Например, последователи Платона, скептическая Академия, максимум усилий направляли на опровержение

стоиков. Живое философское дело — это ежедневный диспут, ежедневное обсуждение проблем и опровержение.

Культура эпохи эллинизма - эта культура высокоразвитого рассуждения. Без неё невозможна была бы культура обсуждения в европейской культуре, потому что сочинения Цицерона, которые во многом стали базовыми для развития риторики и диалектики для западной европейской культуры являются очень скромным, латинским воспроизведением великих образцов греческой диалектики, доведённых до максимальной точности, как сейчас доведена до максимальной точности и обработанности, изысканности современная математика.

Ещё один момент, важный для понимания культурной и философской ситуации в эпоху эллинизма. Крупнейшим центром эллинистической философии становятся Афины. Афины превращаются в университетский город. В основном философия эпохи эллинизма происходит в Афинах. Тогда как Александрия и Пергам — это место научных исследований. В Александрии существует знаменитая Александрийская библиотека. Там в основном занимаются наукой, хотя, безусловно, философы там тоже были. Когда войска Суллы в 86 г. до н. э. разграбили и уничтожили Афины в результате одной из кампаний, в каком-то смысле это было началом конца эллинистического периода в истории философии.

Эпоха эллинизма — это эпоха очень активного и очень интересного философского развития, но мы о ней почти ничего не знаем. Наши знания крайне скудны и фрагментарны. Дело в том, что философские сочинения этого времени, хотя и продавались в разных городах и в разных книжных лавках, но в основном они находились либо в Афинах, в школьных библиотеках, либо в Александрии. С уничтожением афинских библиотек и библиотеки в Александрии в конце античного периода эти сочинения исчезли.

Поэтому, например, от великого стоика Хрисиппа, который писал в день не менее 500 строчек и написал за всю жизнь около 700 сочинений, осталось, если собрать все фрагменты Хрисиппа, маленькая книжечка максимум страничек 30 фрагментарного изложения. У нас нет ни одного целого сочинения от древней Стои. От Эпикура, который очень много писал, осталось три жалких письма и сборник афоризмов. От скептической школы тоже ничего нет, если бы не дошло более позднее скептическое сочинение Секста Эмпирика.

Для научного исследования эпоха эллинизма сложна, потому что сочинения погибли. Сочинения Аристотеля не погибли, потому что они довольно рано стали использоваться в христианской культуре. Сочинения Платона отчасти по той же причине, отчасти по ряду других причин дошли до нас, а сочинения эллинистических школ до нас не дошли. Их просто перестали в определенный момент переписывать, и они исчезли. То же самое относится и к александрийской науке. У нас нет ни одного сочинения величайшего астронома древности Аристарха Самосского, Гиппарха. У нас очень небольшое количество сочинений, которое от этого времени дошло, хотя книг

были тысячи и десятки тысяч. Когда говорят о конце античного мира, имеют в виду, прежде всего, гибель огромного количества текстов, которые были созданы в эпоху эллинизма: и научных, и философских, и беллетристических.

Школы.

В историко-культурном контексте эллинизма продолжает действовать платоновская Академия. Впрочем, она очень быстро к сер. Зв. становится скептической Академией. В любом случае платоники есть, платоновская Академия есть, преемственность от Платона идёт.

Вторая школа, которая тоже существовала в эпоху эллинизма, — это аристотелевский Ликей. Он тоже продолжается, но новые эллинистические школы — это, прежде всего, две главных эллинистических школы. Школа Эпикура, которую ещё называли Сад Эпикура. Вторая великая эллинистическая школа — это Стоя. Ещё две школы, которые важны для историко-философского контекста эпохи эллинизма, продолжали существовать и были очень популярны, особенно в народных низах, — киники. И возникла новая школа, очень интересная, которая была близка скептической Академии — это школа скептиков или пирронистов. То есть у нас существует в это время шесть главных школ, но первую скрипку играет школа Эпикура и школа стоиков.

Эпикур.

Эпикур афинянин. Он родился на острове Самос в 342 г. Умер в Афинах в 271г. Школа Эпикура очень важна, и очень важна личность Эпикура для школы. Если для изучения сочинений Платона и Аристотеля их личности не особенно важны, то для изучения эпикуреизма личность Эпикура очень важна, потому что во многом эта школа продолжалась в силу влияния этой своеобразной личности. Эпикурейцы первые внесли в философию культ личности. Эпикур стал для них почти Богом, во всяком случае, культурным героем, которого они почитали.

О жизни Эпикура тоже очень мало известно. Если не заниматься спекулятивными конструкциями, то можно сказать лишь то, что Эпикур родился в семье школьного учителя и сам был тоже школьным учителем. То есть происхождение у него было не блестящее. Он не принадлежал, как Платон, к знатному и благородному роду. Эпикур начал учить детей грамматике.

Разные анекдоты говорят о причине его обращения к философии. Кто-то говорит, что он прочитал сочинение Демокрита. Кто-то говорит, что он разочаровался в грамматике, когда его учитель не смог объяснить ему, что такое хаос у Гесиода. Это было достаточным основанием обратиться к философии.

В 307г. до н.э. – 306г. до н.э. Эпикур основывает в Афинах свою школу, которая стала представлять некий дружеский кружок. Постепенно появились ещё эпикурейцы не только в Афинах. Появились ещё дружеские кружки, например, в Митилинах на Лесбосе. Эпикур с ними переписывался. Он, наверное, первый философ, для которого самым важным философским сочинением по большому счёту было письмо. В каком-то смысле не случайно, очень даже символично, что до нас дошли именно его письма. Мы знаем о его философии из его писем. Он писал не только те три письма, которые до нас дошли. Он писал много писем своим друзьям в других городах.

Как Эпикур понимал философию?

Эпикур в отношении философии очень характерен для эпохи эллинизма, потому что он считает, что философия — это не теоретическое знание, а практическое искусство. Философия по Эпикуру — это деятельность, которая речами и рассуждениями создает счастливую жизнь. Главной целью философии является избавление души от страха и забот. Эпикур считает, что самое главное, что человек боится двух вещей. Он боится богов и смерти. Цель философии - избавить от страха перед богами и от страха перед смертью. Цель, как вы видите, не теоретическая, а практическая, терапевтическая цель.

Поэтому у Эпикура совершенно другое отношение к научному знанию. Здесь он совершенно другой мыслитель, чем Платон и Аристотель. Он считает, например, что совершенно не нужны математические науки для философии. Если Платон и Аристотель так или иначе математические науки проповедуют, то над эпикурейцами в древности принято было смеяться, потому что они не знают математики. Эпикурейцы на это отвечали, что стыдно в детстве не знать математики, а когда мы выросли, зачем она нам нужна, нечего ей заниматься, а тем более видеть в математике высшую цель философской деятельности. Здесь Эпикур перекликается с одним местом из Аристотеля, когда Аристотель ворчливо говорит о платониках, так как у них математика подменила философию. Эпикур окончательно разделяется со связью философии и математики. Если понять философию так, как понимал её Эпикур, как избавление от страха перед богами и от страха смерти, то можно и без математики обойтись.

Эпикур не любил не только математику. Он не любил и хороший литературный стиль. Он сам им не обладал. Чтение сочинений Эпикура по-гречески - это мучение, потому что после Эпикура Аристотель кажется изящным стилистом. Эпикур один из самых своеобразных писателей. Он пишет на собственном греческом языке, и иногда фразу Эпикуру понять по-гречески просто мучение, но он и в своих публичных рассуждениях, в своих словах говорил, что для него литературные красоты были ненужными побрякушками. Он не любил литературы. Он не любил поэзии. Он

говорил о галдеже поэтов, о гомеровских глупостях. Его сочинения с литературной точки зрения довольно унылы.

Кроме того, Эпикур ещё был человеком довольно ворчливым. Он ворчал на всех, не только на своих врагов, то есть на Платона и Аристотеля. Он ворчал даже на тех, кого историки философии считают его учителями: на последователя Демокрита Навсифана. От него досталось самому Демокриту. Он в одном из своих высказываний, переименовав его имя, назвал его Лерокритом. Демокрит по-гречески означает «народный суд» или «избранный народом», а Лерокрит — это «пустосуд», пустомеля фактически.

Личность Эпикура очень своеобразная, но необычайно привлекательная, потому что очень быстро эта проповедь философии как избавление от страхов стала привлекать к Эпикуру друзей, различных людей. В его афинский Сад приходили не только взрослые мужчины, но и женщины. Причём не только женщины с прочным социальным образовательным и имущественным цензом. В эпикуровский Сад допускали даже гетер. К Эпикуру приходили женщины, которых бы не пустили в любую другую школу. Эпикур их привечал, потому что считал, что от страданий и страхов нужно избавлять всех. В этом смысле школа Эпикура было очень мягка, терпима и либеральна.

Школа Эпикура из-за привязанности к личности учителя, из-за обожествления этой личности была чрезвычайно догматичной. Эпикурейцы старались быть верными буквально. Такого не было ни в Академии Платона, ни в Ликее Аристотеля, даже у стоиков такого не было. Было огромное количество изображений Эпикура. Многие эпикурейцы считали, что они должны носить перстни с изображением Эпикура. Очень часто эпикурейцы напоминают даже христиан по активности миссионерской проповеди, поскольку они считали, точно также как и христиане, что учение Эпикура несёт освобождение.

Эпикурейцы делили философию на три части. Первая часть называлась каноника, вторая часть — физика, третья — этика. Что такое каноника? Канон по-гречески — это «правило» или «линейка». Одним из главных вопросов эллинистических школ было таким: какое правило, какая линейка, какой критерий истины нужно принять в нашем познании, чтобы этой истины достичь. Каноника — это учение о критерии истины, о той линейке, с помощью которой мы всё можем измерить в нашем познании. Несмотря на то, что каноника, физика и этика различались как части учения, Эпикур говорил, что каноника в каком-то смысле не является отдельной частью, она является придатком физики. Он так говорил, потому что это связано с определенными его теоретико-познавательными убеждениями, в которых самую главную роль играет физический мир и ощущения. Эпикур не хотел создавать отдельной теории познания, потому что если бы он считал, что есть отдельная теоретическая наука о знании, то у такой науки должен быть собственный предмет.

Этот предмет тогда был бы не физичен, поэтому эпикуровская каноника — это лишь придаток его физике.

Эпикур считал, что вообще не надо заниматься никакой логикой. Физики достаточно для логики, то есть физика для Эпикура и есть логика. Именно физика позволяет нам понять подлинное значение слов, позволяет нам понять, что такое логическое следование, позволяет нам понять, что такое отрицание, поэтому не нужно отдельной логики, не нужно никакого учения о силлогизмах, этих сложных правил, которые Платон и Аристотель, стоики в огромном количестве разработали. Физик, как говорил Эпикур, идёт нога в ногу с самими вещами.

Критерии истины.

Критерий истины — это важное понятие, начиная с эпохи эллинизма. Ни у Платона, ни у Аристотеля мы не найдём учение о критерии истины и не найдём такого выражения. У Эпикура появляется это выражение. Он разрабатывает в сочинении «Канон», которое до нас не дошло, учение о критерии истины. Оно заключается в признании четырёх главных критериев истины:

1. ощущение;
2. предвосхищение;
3. страсти (имеется в виду удовольствие и страдание);
4. бросок мысли.

Истинность нам гарантируют не силлогистические правила, которыми занимается Аристотель. Прежде всего, истинность гарантируют ощущения. Если они ясные и отчётливые, они всегда истинны. Нелепо, говорит Эпикур, логически опровергать истинность ощущений потому, что сам разум не что иное, как сопоставление ощущений. Нельзя разумом опровергнуть ощущения, но и ощущения не могут сами себя опровергнуть. Однородные ощущения не может опровергнуть другие однородные ощущения. Зрение не может опровергнуть зрение. Неоднородные ощущения не могут опровергнуть неоднородные ощущения. Слух не может опровергнуть зрение. Итак, ни ощущения, ни разум не могут опровергнуть ощущения, поэтому ощущения — это главный критерий истины.

У Эпикура есть еще более глубокое обоснование, почему ощущение - главный критерий истины. Эпикур в отличие от своего учителя в области философии, Демокрита, призывает доверять ощущениям. Демокрит говорил о том, что есть два вида познания: ясное познание и тёмное познание. Эпикур такого различия не делает, потому что для него ощущение основано на прямом физическом контакте двух тел.

У Эпикура есть теория ощущения. От поверхностей твёрдых тел постоянно отслаиваются образы или отпечатки, тонкие плёночки, которые сохраняют форму и очертания твёрдого тела. Эти плёночки носятся по пространству и попадают к нам в

глаза или в уши. Тогда у нас происходит акт зрения или акт слуха. Могут попасть в нас через другие поры. Тогда они проникают непосредственно в ум. Когда они протискиваются через поры, обычно искажаются. У нас появляются ложные образы. У нас тогда появляются представления о кентаврах, о химерах, о разных чудесах. Эти представления тоже истинны как представления, но соединение в едином образе может быть ложно.

Теория ощущений Эпикура приводит к убеждению в полной истинности ощущения и к моральному выводу, что ощущению нужно доверять. Эпикур - догматик и феноменалист. Как нам кажется, так оно и есть. Принимаем мир так, как он нам кажется. Наша задача не познавать мир, а не страдать.

У Эпикура была тяжелая желудочная болезнь, от которой он умер. Ему приходилось переносить очень тяжелые боли, поэтому его общая философия связана с избавлением от страдания и догматизмом, потому что цель установлена заранее.

Второй критерий истины — это предвосхищения или общие понятия. Это приблизительно соответствует тому, что в гносеологии Аристотеля называется опытом. Это возникшие на основе ощущений общие представления, которые являются значениями наших слов. То есть, когда мы говорим «конь», то значениям слова является общее представление в нашей душе, которое возникло в результате объединения ощущений. В общих представлениях тоже не надо сомневаться. В них не надо разбираться. Как мы принимаем ощущения за чистую монету, так же мы должны принимать за чистую монету первичные значения слов. Без них мы не могли бы друг друга понимать и не могли бы избавиться от страданий.

Третьим критерием истины являются страсти. Под страстями имеются в виду ощущение боли и ощущение радости. Если вы испытываете боль, то вам не надо доказывать, что вы её испытываете. Поэтому страсти являются критерием истины. В этом вы не можете сомневаться.

Четвёртый критерий истины – бросок мысли. Это приблизительно соответствует тому, что у Аристотеля и Платона называется гипотезой. Есть вещи, которые не вписываются ни в критерий истины ощущение, ни в первое значение слов, ни в страсти. Например, важнейшее для эпикуровской физики положение о том, что существует пустота. О пустоте не свидетельствует ни один из критериев истины. Только понимая, что нам необходима пустота, чтобы было возможно движение, этим броском мысли мы постулируем существование пустоты. Мы пустоты не ощущаем, не можем её ощущать, потому что ощущают два тела, сталкиваясь. Когда происходит ощущение — значит столкнулось два тела. Эта плёнка, отслоившаяся от предмета, и наша материальная душа даёт ощущение. В случае с пустотой, как следует из понятия пустоты, ничего такого быть не может. Единственный способ ощутить её, опознать — это бросок мысли. Поскольку пустота необходима для объяснения движения, должна быть пустота.

Физика Эпикура.

Физика Эпикура во многом восходит к физике Демокрита. Физика Эпикура начинается с двух основных положений. Первое: ничто не может возникнуть из ничего. Второй постулат: вселенная всегда была такая, какая она есть или вселенная неизменна. Ничто не возникает из ничего, потому что если бы что-то возникало из ничего, то постоянно бы в мире происходили бы вещи невозможные. Второй постулат тоже связан с отрицанием небытия. Если бы вселенная, то есть всё сущее, вся совокупность сущего изменялась бы, то она изменялась бы под воздействием чего-то другого, а ничего другого, кроме вселенной не существует.

Далее постулируется существование двух видов вещей: существуют тела и пустота. Или существуют тела и места. Для Эпикура слова «пустота», «место», «пространство» — это синонимы. О существовании тел нам говорит ощущение. В существовании тел никаких сомнений быть не может. О существовании пустоты мы заключаем косвенным образом из необходимости для движения тел, необходимости пустоты.

Тела делятся на два вида: тела сложные и тела простые. Простые тела, которые Эпикур называет семенами или неделимыми природами, то есть атомами. На простые тела разлагаются тела сложные. В конечном итоге существуют атомы и пустота. Это демокритовская формула: на самом деле существует только атомы и пустота. Все вещи в этом мире есть либо соединение атомов и пустоты, либо событие из атомов и пустоты.

Атом имеет следующие характеристики. Атом нечто совершенно полное, в котором нет никакой пустоты. Атом обладает формой. Форм атомов неопределённо много. Почему-то Эпикур внёс изменения в атомистику Демокрита. У Демокрита форм атомов бесконечно много. Эпикур говорит, что бесконечно много не может быть. Их только не воспринимаемо много или неопределённо много. Возможно, что он не хочет, чтобы у его учеников возникали вопросы, связанные с бесконечностью.

Ещё одна характеристика атомов: величина. Эпикур отрицает положение атомистики Демокрита, что атом может быть любой величины, потому что у Демокрита главной характеристикой атома являлось отсутствие пустот, и неважно, будет ли эта телесная масса в 1 мкм или 1000 км. Но Эпикур говорит, что мы таких атомов не видим — значит их нет. Мы ориентируемся на чувственное восприятие. Это нам нужно для душевного спокойствия. Поэтому никаких атомов больших не существует.

Третья очень важная характеристика у Эпикура. Здесь он очень отходит от Демокрита. Он постулирует в качестве важнейшей характеристики атома вес. Это стало очень важным моментом в развитии физики Нового времени, потому что именно из эпикурейских сочинений из Диогена Лаэртского и Лукреция многие физики 16в.-17в.

воспримут идеи о важности весовой характеристики. У Эпикура речь идёт о том, что атомы обладают весом и естественным образом давят вниз.

Ещё одним изменением атомистики Демокрита в интерпретации Эпикура стало учение о свободном или произвольном отклонении атомов. Эпикур говорит, что если бы атомы не отклонялись, то они бы падали по прямой и не могли бы образовывать сложных тел. У атома есть движение вниз под воздействием своего веса, и если бы атомы не отклонялись, они все летели бы по своим прямым траекториям. Но для того, чтобы возникали телесные соединения, во-первых, а, во-вторых, для того, чтобы человеческий ум или дух был бы сущностно свободен надо постулировать отклонение атомов. Если не постулировать этого отклонения, то мы никак не можем повлиять на то, что с нами происходит. Тогда мы обречены на полный детерминизм. Но по Эпикуру это значит лишить нас счастья. Он даже говорит, что лучше примириться со сказками мифологов, чем жить, подчиняясь необходимости физиков.

Со времён античности и до начала 20 в. это вызывало насмешки. Стоики рано заметили, что свободное отклонение атомов — это не что иное, как признание ничто, потому что, если есть беспричинное отклонение атома от движения по траектории, а на него ничего не влияет, значит, на него влияет ничто. Здесь появляется снова то самое ничто, которое Эпикур изгоняет в первых своих положениях.

Этот пункт постоянно вызывал насмешки, пока ситуация не изменилась с появлением квантовой механики, одним из постулатов которой являются скачки электронов на орбитах, которые не детерминированы. В 20в. вокруг копенгагенской интерпретации квантовой механики происходили споры приблизительно такие же по сути, как споры между стоиками и эпикурейцами относительно произвольного отклонения атомов. Эйнштейн, возражая квантовым физикам, говорил, что Бог не играет в кости. Это фактически требование того, чтобы не было никакого самопроизвольного отклонения.

В отличие от квантовой физики, где фактически постулаты о прыжках электронов были связаны с истолкованием эксперимента, Эпикур никаких экспериментов не ставил и презирал. Для него свободное отклонение атомов — это единственное условие нашей свободы. Мы без этого не были бы свободны. Мы сами состоим из атомов, и если бы все атомы в нас были детерминированы, то никакой свободы мы бы не знали. Для Эпикура очень важно, чтобы его ученики осознавали, что они могут изменить что-то в своей жизни, они могут избавиться от страха смерти и страха перед загробными наказаниями.

Следующим важным элементом эпикуровской физики будет его учение о богах. Античное эпикурейство признавало бога, и учение о богах важнейший элемент физики. Он, во-первых, доказывает существование богов. Он говорит, что о богах свидетельствует опыт всех народов. К Эпикуру восходит аргумент, который потом много раз повторялся теологами и христианскими, и мусульманскими, и иудейскими об универсальности веры в богов. Эпикур говорит, что во время сна в нас втекают

отпечатки или образы богов. Поэтому у всех людей есть представление о богах. Это его первое рассуждение о том, что универсальность представления о богах свидетельствует о том, что они есть.

Второй аргумент Эпикура в том, что если бы в мире было только смертное, и не было бы ничего бессмертного, то во вселенной был бы перекося. Перекося быть не должно, поэтому должно быть нечто бессмертное. Здесь Эпикур повторяет слова из первого аргумента платоновского «Федона» о том, что если бы была только смерть, и не было бы оживания, то природа бы хромала на одну ногу. У Эпикура природа тоже не хромот на одну ногу и, помимо смертного, должно быть бессмертное.

По Эпикуру божество — это блаженное бессмертное существо, которое пребывает между мирами. Эпикурова вселенная состоит из бесконечного количества космоса, точно также как у Демокрита. Космосы отделены друг от друга промежутками, в промежутках между космосами пустота. В этих промежутках живут бессмертные блаженные боги, которые ни о чём не заботятся, ни на что не гневаются, ни к кому не проявляют блага, они ни к кому не снисходят. Они блаженно пребывают между мирами, беседуя друг с другом о философии. Они даже являются твёрдыми телами. Они, как говорит Цицерон, являются очерками, тонкими очертаниями, в которых тонкие огненные атомы. Эпикур настаивает на том, что Боги имеют вид тела, похожий на человеческий. Боги антропоморфны, и это хорошо, потому что человеческое тело самое совершенное тело. Философ эпикуреец религиозен и хочет быть таким, как его боги: ни о ком не заботиться, не печалиться, никому не помогать, а радоваться и наслаждаться своим собственным блаженным существованием, и это существование проходит в беседах и рассуждениях. В некоторых поздних эпикурейских сочинениях I в. до н. э. мы находим даже мистические нотки, когда эпикурейцы говорят о богах. Эпикуровская школа отрицала у богов только провидение. Боги ни о ком не заботятся.

Этика Эпикура.

Мы знаем этику Эпикура — центр его учения — по очень маленькому письму к Менекею и маленькому сборнику афоризмов, который называется «Главные мысли». Есть знаменитый папирус, в котором говорится о четырёх главных положениях, которые каждый порядочный эпикуреец должен помнить и повторять всегда: не надо бояться смерти, не надо бояться богов, благо легко достигнуть, зло легко избежать. Это четверолекарство, единое лекарство из четырёх частей.

Нечего бояться смерти. Один из главных страхов человеческого существа — это страх смерти. Против него есть лекарство. Эпикур говорил, что смерть ничто для нас, потому что когда мы есть, смерти нет, а когда есть смерть, нас нет. Это значит, что человек является исключительно ощущающим существом. Когда мы живы, у нас есть ощущения, тогда мы сознаём себя. Когда мы умираем, перестаем ощущать, и никакой

смерти для нас нет. Смерти не надо бояться. В тот момент, когда вы умрете, вас не будет совсем, и вам будет всё равно. Смерть не принесёт вам боли и страдания, потому что боль и страдания надо ощутить, а смерть — это уничтожение ощущающего существа, в ней нет боли.

Не надо бояться богов, потому что боги – это не карающие и награждающие боги традиционной религии. Это блаженные существа. Не надо их бояться. Надо им подражать в спокойном, блаженном образе жизни.

Благо легко достижимо. Благо – это удовольствие. Удовольствие легко достигнуть, потому что самые прочные, самые ценные удовольствия — это естественные и необходимые удовольствия: пища, питьё и лёгкая одежда. Поэтому достичь этого удовольствия легко. Эпикур – греческий националист. Он считал, что философией могут только греки заниматься.

Зла легко избежать. Эпикур говорит, что главная форма страдания — это физическая боль. Сильная физическая боль длится недолго. Средняя физическая боль лишь слегка превышает удовольствие. В хронических болезнях даже есть своё удовольствие. Эпикур, у которого была хроническая болезнь желудка, находил в ней и некоторое приятство, но главное то, что мы все боимся резкой боли, сильной боли, а такая боль длится очень краткое время, поэтому зла легко избежать.

Лекция 9

Четвероякое лекарство. Этика Эпикура. Социальная философия Эпикура. Стоическая школа. Философия Стои. Логика. Физика.

Четвероякое лекарство.

Мы остановились на четверояком лекарстве Эпикура: нечего бояться смерти, нечего бояться богов, блага легко достигнуть, зла легко избежать. Мы говорили, что к «нечего бояться богов» вела эпикуровская физика. Поскольку боги не заботятся о нас, и боги не наказывают нас, не карают нас, то их не надо бояться. Боги, наоборот, — это наше образцы, идеалы, которые ведут блаженное существование между мирами, ни на что не обращая внимание, поэтому богов не надо бояться. В иудео-христианской этике огромную роль играет страх Божий, и в одном из ветхозаветных сочинений говорится, что начало премудрости - страх Божий. Для Эпикура страх перед богами — это не начало премудрости, это прямое отрицание премудрости.

Нечего бояться смерти, поскольку главный критерий истины у Эпикура — это ощущения. Поэтому не может быть ничего, чего не было бы в ощущениях, а смерти в ощущениях нет. Отсюда знаменитая фраза Эпикура, которую повторяют все моралисты до наших дней о том, что пока есть мы, смерти нет, когда есть смерть, нас нет. То есть смерти нельзя бояться, потому что мы с ней просто не сталкиваемся. Смерть — это прекращение ощущения.

Блага легко достигнуть. То, чему посвящена этика Эпикура. К ней ведёт система Эпикура. Благо у Эпикура — это прекращение страдания, отсутствие страдания. Есть важные аспекты, которые характеризуют этику Эпикура. Несмотря на то, что в XVIII веке Эпикура очень часто изображали как гедониста, у него очень тонкая философия удовольствия, наслаждения. Для Эпикура удовольствие является благом только постольку, поскольку оно избавляет нас от страдания.

Этика Эпикура.

Эпикур различает две вещи в удовольствии: удовольствие движения и удовольствие покоя. Удовольствие движения – это такие вещи как радость и веселье. Это позитивное удовольствие, положительное удовольствие. Удовольствия движения по Эпикуру сопряжены со состраданием. Есть более важные, более существенные удовольствия, к которым надо стремиться — это удовольствие покоя. Удовольствие покоя — это отсутствие страдания. Когда вы, например, питаетесь, то удовольствие, получаемое вами от насыщения, избавляет вас от страдания. Это в удовольствии самое важное: не то, что вы при этом наслаждаетесь. Это как раз плохо, потому что

наслаждение в конечном итоге ведет к страданию. Здесь Эпикур повторяет те вещи, которые Платон говорит в диалоге «Филеб». Надо искать то удовольствие, которое избавляет от страдания. Это удовольствие покоя. Эпикур пользуется удовольствием как целительным средством.

Второй важный аспект: при том, что удовольствие мы ищем ради того, чтобы избавляться от страданий, это не значит, что мы должны заниматься аскетикой и воздерживаться от удовольствий. Это значит, что мы должны искать удовольствий телесных в меру. Без них мы блага не достигаем. Любое удовольствие само в себе есть благо. Наша задача, когда мы пользуемся удовольствиями, не забывать главную аксиому: предел добра и зла – это отсутствие страданий.

Эпикурейская этика очень плохо до нас дошла. Письмо к Геродоту, где речь идет о физике, довольно большое, а письмо к Менекею, где речь идет об этике, чрезвычайно маленькое. У Эпикура скорее всего была довольно разработанная феноменология удовольствия, наслаждения, но мы знаем только самые общие вещи. У Эпикура есть классификация наших желаний. Она очень важная, потому что мы должны постоянно ей практически пользоваться. Желания делятся на естественные и пустые. Естественные желания делятся на необходимые и не необходимые. Необходимые делятся на необходимые для счастливой жизни и необходимые для просто жизни.

Естественными желаниями является желание еды и питья. Пустое желание – это желание изысканной еды и изысканных напитков. Необходимые желания – это те, без которых мы погибаем: желание пищи, желание пить и необходимость одеваться. А желания сексуальные, например, по Эпикуру естественны, но не необходимы. Потому что вы без них не умрете. Это в данном случае является ключевым признаком. Поэтому эпикуреец должен помнить эту классификацию для того, чтобы постоянно эти желания классифицировать и смотреть, стоит ли насыщать это желание или не стоит.

Социальная философия Эпикура.

Последний очень важный момент для понимания этики Эпикура. Здесь мы уже переходим в область социальной философии Эпикура. Это существенно связано с его общим мировоззрением. У Эпикура впервые появляется представление о человеке как об индивиде, для которого социализация является вещью исключительно внешней. Аристотель говорит, что человек – животное политическое, животное общественное. По Эпикуру не так. Человек – существо по природе своей не общественное, и к общественности его вынуждает исключительно давление необходимости. Аристотель в начале политики поет целую песню о том, как естественное желание создает вначале семью, потом семья образует деревню, деревня образует село, село образуют полис. Для Эпикура человек объединяется с другим точно так же, как атом и не потому, что у

него естественное желание объединения, а случайным образом под действием необходимости.

Для Эпикура люди предстают уже не коллективами, а своего рода атомами. Он атомист не только в физике, но и в этике, в социологии. Это очень важный момент, на котором построена теория эволюции, которая есть у Эпикура. Мы её узнаём в изложении Лукреция. Все политические объединения являются по Эпикуру насильственными, и мы вступаем в них только для того, чтобы обеспечить самосохранение. У нас нет естественного тяготения к другому. С этим связано и учение Эпикура о возникновении языка. Поскольку человек – существо асоциальное по природе, то и язык – главное средство человеческой коммуникации вырастает не из его естественных потребностей, а утверждается и устанавливается исключительно путем договора, соглашения.

Следующий момент эпикурейской социальной философии – призыв Эпикура воздерживаться от политической жизни. Главным лозунгом эпикурейцев было знаменитая фраза: живи незаметно. То есть не вступай в политические дразги, не вступай в политические союзы и движения. Живи незаметно, потому что человек, который занимается политикой, тревожится, беспокоит себя. У него страхи, у него надежды. Он мучается. Поэтому эпикурейцы — это аполитическое объединение.

Эпикурейцы существовали где-то до 3 века н. э. Это рубеж, поскольку в это время происходит много тяжёлых событий: экономических, военных, политических. Последние эпикурейцы доживают до 3 века н. э. Сочинения Эпикура утрачиваются. Мы их имеем по счастливой случайности, потому что до нас сохранился в одном-единственном списке Диоген Лаэртский. Ещё немножко сочинений фрагментарно до нас дошло благодаря извержению Везувия, потому что он накрыл Помпеи и ещё один городок, который называется Геркуланум. А в Геркулануме жила эпикурейская община. Лава, когда накрыла город, лишила доступ к кислороду, и там сохранились папирусы. Они являются очень важным источником для знания эпикурейства 1в. н. э.

Во многом с возрождением интереса к Диогену Лаэртскому и к Лукрецию связаны кое-какие события в развитии физики XVI в. – XVII в. Новоевропейская атомистика во многом рождается, когда снова стали читать сочинения Эпикура и сочинения Лукреция.

Стоическая школа.

Теперь мы переходим к школе, которую можно без преувеличения назвать главной школой эллинистического периода, самой характерной, самой знаменитой, самой радикальной. Это школа, которая называется Стоя, а представители этой школы – стоики. Школа, которая возникает точно также, как и эпикурейская школа в самом конце IV в. до н. э. Основателем школы был человек, которого звали Зенон. Его не надо

путать с Зеноном Элейским. Это Зенон из Кития. Китий — это небольшой городок на Кипре, в котором помимо греческого населения жили и финикийцы, семитский народ. До сих пор среди историков философии идут дискуссии: был ли Зенон греком или финикийцем.

Зенон из Кития был первоначально просто торговцем. Однажды его корабль потерпел кораблекрушение, и Зенон, который утратил груз, оказался на берегу и пошёл в книжный магазин. Афины к тому времени — это один из крупнейших книжных центров тогдашнего мира. Зенону попался книжный магазин, в котором были философские сочинения. Он открыл и стал читать вторую книгу «Воспоминаний о Сократе» Ксенофонта, и она настолько его потрясла, что он стал спрашивать у книготорговца, где ему найти таких людей, о которых говорится в этой книге. По счастью мимо лавки проходил киник Кратет и книготорговец указал на него. Зенон становится учеником киника Кратета. Ещё он посещал лекции в платоновской Академии у Ксенократа, его учителем считают одного из великолепных эристиков того времени Диодора Крона. Около десяти лет Зенон учится у разных учителей, а приблизительно в 301 году до н. э. он становится учителем философии и открывает собственную школу в расписном портике. Порттик — это небольшая колоннада, где можно было прогуливаться. На стенах портиков рисовали картины, и этот порттик был расписан одним из самых лучших живописцев того времени - Полигнотом. Поэтому этот порттик назывался пёстрым портиком. По названию портика «стоа» называлась школа Зенона Стоя. У русских естественно возникает желание производить слово «стойк» от нашего прилагательного стойкий. Но стойк — это не тот, кто стойкий.

Моральный и преподавательский облик Зенона в отличие от того же Эпикура получил широкое социальное признание. Когда он умер через 40 лет в 60-х годах 3 в., то Афины отметили его смерть декретом, его похоронили за счёт государства, за счёт государства были отлиты статуи Зенона. Главная характеристика, почему Зенон был прославлен афинским государством: он учил юношей добродетели. Это действительно так. Если у Эпикура центром учения было наслаждение, то у Зенона центром учения была добродетель. Государство не могло не поощрить того, кто проповедовал добродетель, и чья жизнь не расходилась с его учением.

Вокруг него сразу собирается группа учеников. Один из них его преемник. Это очень известный в античности человек Клеанф. Он был родом из того города, куда уехал Аристотель после смерти Платона, из города Ассоса. Он стал очень близким учеником Зенона и вторым отцом Стои. Клеанф был человеком из простых, боксёром, кулачным бойцом. Над ним насмехались, что он тупица. Он не был высокоинтеллектуальным, но его отличало необычайное трудолюбие и терпение. Его за эти качества называли ослом в хорошем смысле слова. Осел, который готов нести груз. Он сам с гордостью говорил, что он осел, который единственный может нести груз учения Зенона.

Сочинения ранней Стои до нас вообще не дошли, но от Клеанфа дошёл его гимн Зевсу, прекрасный, поэтический гимн. Он маниакально следовал учению Зенона и трудился всю жизнь, стал одним из великих античных философов. Ещё один ученик Зенона – это Аристон. Он родом с острова Хиос.

У Клеанфа был свой ученик, третий великий стоик, которого можно отнести к основателям Стои, - знаменитый Хрисипп из города Солы. Хрисипп — это один из самых великих диалектиков античности, то есть спорщик и диспутант, один из мастеров логики, один из самых плодовитых писателей античности. Он писал в день пятьсот строчек. К концу жизни у него было более 700 сочинений. Единственная беда в том, что вся античность восхищалась тонкостью диалектических анализов Хрисиппа и ужасалась чрезвычайной низкой художественностью и выразительностью его прозы.

Хрисипп своей плодовитостью и своей диалектической тонкостью оставил далеко позади себя и Клеанфа, и Зенона. То, что мы себе представляем о школьной философии, мы представляем по Хрисиппу, а не по Зенону и Клеанфу. Хрисипп своим огромным количеством сочинений и тонкостью своих логических различений настолько превосходил, что сохранилось учение ранней Стои прежде всего в версии Хрисиппа.

Три главных фигуры: Зенон, Клеанф и Хрисипп - основатели Стои. Конец 4в. - 2 в. до нашей эры именуются обычно философией Древней или Ранней Стои. Это лишь один период развития стоической школы. Новое направление стоическая школа принимает во 2в. – 1 в. до н. э. — это философия Средней Стои с двумя основными представителями: Панэцием и Посидонием. Это новый поворот философски и содержательно. Панэций и Посидоний стали склоняться к эклектизму. Они стали включать в стоическую догматику положения, близкие к платонизму и отчасти к аристотелизму. Они начали стремиться к синтезу и объединению. Очень важным понятием у Средней Стои становится понятие «мировой симпатии», «мировой связи». Третий момент, который отличает Среднюю Стою: она ориентирована на Рим. Панэций и Посидоний – это учителя и идейные представители аристократии Рима. Именно в редакции Панэция и Посидония учение Стои становится идеологией республиканского сената и последних республиканцев. Именно в Риме появляются знаменитые темы: любовь к свободе, ненависть к тирании и остальные темы, которые звучат до сих пор в политической пропаганде. От этого периода мы тоже не имеем сочинений.

Третий период – это период Римской Стои. Это Стоя 1в. – 2в. н. э., которая представлена великими именами замечательных писателей и мыслителей: Луций Анней Сенека, один из самых лучших писателей и самых тонких стилистов Рима, воспитатель Нерона, коррупционер, взяточник, миллионер, великолепный писатель на моральные темы. От Сенеки сохранилось очень многое, потому что его много читали в Риме даже в темные и Средние века.

Второй важный римский стоик – это Музоний Руф. Третий важный стоик, который сам не писал и был рабом, но среди его учеников были высокообразованные

люди - это Эпиктет. Его сочинения «Беседы Эпиктета» были записаны его учеником Аррианом. Это прекраснейшее чтение. Максима Эпиктета: «людей смущают не вещи, людей смущают мнения о вещах».

Самое глубокое и самое важное сочинение Римской Стои — это сочинение «К самому себе» последнего великого императора 2 в. н. э. Марка Аврелия. Это небольшое сочинение, в котором один из самых великих писателей и политических деятелей перед тем, как Римская империя вступит в полосу окончательной деградации, записывает мнения и размышления.

До нас больше всего дошло сочинений от Римской Стои. Поэтому у нас есть определённая аберрация в восприятии исторического учения. Дело в том, что римская Стоя из трех основных философских наук эпохи эллинизма: физики, логики и этики - занималась в основном этикой. Поэтому римская история этизирована.

Стоя существует, как и эпикурейство, до 3в. – 4в. как школа. После этого кое-какие стоические сочинения продолжают читаться, кое-какие стоические понятия и категории входят в последний неоплатонический синтез. Стоическая школа важна, потому что очень сильно влияет на терминологию, на понятия раннего христианства.

Философия Стои.

Стоики начинают с определения мудрости, которая определяется как знание о вещах божественных и человеческих. Под вещами божественными имеется в виду мир звёзд и планет, а под человеческими вещами имеются в виду вещи нашего мира. Определив, что такое мудрость, стоики определяют философию. Философия — это упражнение в необходимом или полезном искусстве. Необходимое искусство – это добродетель.

Добродетели родители делятся на три главных вида: физические добродетели, логические добродетели и этические добродетели. Вся стоическая философия делится на физику, логику и этику. Стоики любили иллюстрировать сравнением метод трехчастного деления философии. Например, с яйцом: логика — это скорлупа яйца, белок — это этика, а желток — это физика. Посидоний сравнивал желток с этикой, а белок с физикой. Но для Древней Стои физика была желтком, то есть центром, потому что физика — это учение о Боге. Стоики любили, чтобы разделение философии было наглядно представлено. Многие ученые считают, что в этом уже проявляется не совсем эллинский тип философии.

У Клеанфа было более подробное разделение, где логика делилась на диалектику и риторику, физика делилась на физику в собственном смысле, то есть учение о стихиях, и теологию, и этика делилась на этику в собственном смысле и политику.

Логика

Логика делилась на диалектику и риторику. Помимо них многие стоики включали в логику как отдельные дисциплины учение об определении и учение о критерии истины. Стоя совсем иначе, чем Платон, смотрит на проблему соотношения диалектики и риторики. У Платона диалектика и риторика антиподы. Диалектики — это те, кто путем логического, умозрительного познания познают саму истину, а риторы — это грязные, практические политики, которые ничего не знают кроме удовольствия тела. У стоиков этого нет. Они сглаживают и наводят мосты, а не рубят. Зенон считал, что диалектик и ритор говорят одно и то же, но диалектик делает эта кратко, а ритор многословно. Условно говоря, инструмент диалектики – силлогизм, а инструмент оратора – речь.

Стоики разрабатывают теорию риторики и вводят деление риторики на три главных вида. Первый вид — это совещательное красноречие для совершения политического поступка. Второй вид – это судебное красноречие, то красноречие, которым нужно владеть, чтобы выступать в суде. Третье красноречие – это красноречие торжественное, к которому относятся, например, речи на похоронах. Оно должно услаждать слух и не имеет практического смысла. Эти три части стоики выделили, и они стали базовой теорией для античных разработок в области риторики.

Когда стоики разрабатывали непосредственно диалектику, то поделили её ещё на две части. Это учение о звуке и учение об обозначаемом этим звуком. Под звуком имеется в виду слово. Стоики сделали первую научную разработку грамматики. Они сделали массу вещей: теорию падежей, то есть имена и классификацию падежей, классификацию времен и наклонений глагола, разработали область этимологии. Посредством этимологии они ищут истинные значения слова. У стоиков в отличие от эпикурейцев язык – не плод искусственного соглашения, а язык существует у людей естественным образом, по природе. Поэтому истинное значение имён очень важно. Этимология очень сильно влияла потом на христианско-ийдейскую литературу в плане развития аллегорического метода.

Перейдём от темы слова к значению слова. Центральным вопросом философской теории стоиков, как и гносеологии Эпикура, является вопрос о критерии истины. Решение стоиков оригинально. Критерием истины у стоиков является каталептическая фантазия, то есть схватывающее представление. Для того чтобы понять, что пытаются сказать стоики, рассмотрим, как стоики вообще представляют познавательный процесс.

Познавательный процесс — это встреча двух вначале независимых реальностей. Внешний мир с одной стороны и душа как белый лист бумаги с другой. Познавательная деятельность начинается тогда, когда импульс, толчок из внешнего мира оставляет на белом листе души свой след. Это то, с чего начинается познавательная деятельность. Она целиком идёт извне вовнутрь. То есть тут нет

деятельностной стороны познания. Внешний мир действует на душу и оставляет там отпечаток. Отпечаток может быть ясным и четким, а может быть неясным и нечётким. Если отпечаток ясный и чёткий, то идёт второй познавательный акт: согласие на отпечаток, который пришёл из внешнего мира. Когда дано согласие, то в душе образуется каталептическая фантазия. Происходит постигающее схватывание. Образ вещи настолько ясный и четкий, и настолько он вызвал у меня согласие, что это превратилось в ясный и четкий образ вещи.

Гносеология стоиков напоминает здесь эпикурейскую в том, что основной критерий — это субъективное впечатление. Критерий истины заключается в том, считаю ли я впечатление ясным и четким. Притом, что основной акцент делался на этой субъективности, они считали, что есть ещё четвёртый дополнительный этап — это этап проверки.

Зенон говорил, что до начала познания мы имеем дело с ладонью, которая не согнута, а плоскостно расположена. В это время идёт импульс. Когда мы даем согласие, мы чуть-чуть сжимает пальцы. Тогда образ уже получен, мы готовы его схватить. Когда мы доходим до каталептической фантазии, мы полностью сжимаем пальцы, мы схватили вещь. Последний момент - я охватываю кулак, каталептическую фантазию, ладонью другой руки. Это проверка.

Хрисипп как логик сделал из этого гораздо более ясное представление. Специфика гносеологии Зенона в том, что на образ нужно дать или не дать согласие. Для Зенона важен момент свободного выбора в познавательном акте. Хрисипп, более четко следуя основоположениям стоической догматики, говорит, что сам образ, если он ясен и отчётлив, автоматически вызовет согласие. Если я воспринимаю вещь ясно и отчётливо, мне не надо дополнительного акта воли для того, чтобы у меня образовалась каталептическая фантазия. Это происходит в силу самой природы познавательного акта. Поэтому для Хрисиппа гораздо менее важным становится элемент проверки. Но в некоторых случаях он допускал необходимость проверки.

Дальше процесс познания изображается очень просто. Стоики здесь следуют Аристотелю. Из каталептических представлений, то есть из этих ясных и отчетливых представлений, у нас возникают общие понятия. Возникают воспоминания, то есть каталептические представления, на базе воспоминаний возникает опыт, на базе опыта - общие понятия. Они в человеке формируются до 14 лет. До этого времени человек — существо неразумное, ребёнок. После начинает работать разум. Чтобы узнать, что такое разум, надо от логики перейти к стоической физике, потому что она является базисом их учения.

Физика.

Стоическая физика начинается с утверждения о существовании в едином мире двух основных начал. Это Бог и материя. Бог — это разум. Он же огонь. Материя — это бесформенное, бескачественное, бездействующее нечто, в котором этот логос

действует. Несмотря на то, что такое различие на первый взгляд может показаться дуалистическим, стоики не дуалисты. Это монистическая философия, в которой различаются два аспекта. Аспект формы и аспект лишенности форма. Стоики вводят важный параметр, который полностью их отличает от Аристотеля. Они говорят, что всё, что существует, есть тело. Поэтому логос, который является носителем формы в этом мире, есть тело. Он огненное тело. Поэтому их божество не бестелесно, как у Аристотеля, и не является душами звезд и планет, как у Платона. Это некое огненное тело, которое всё оформляет. Логос – это божественный огонь.

Идея, что Бог есть логос и Бог есть тело, стало утверждением всех христианских писателей до 4 в. н. э. В христианской позднейшей культуре в силу влияния неоплатонизма божество стало связываться с бестелесным. Это позднее явление.

Из сочетания двух начал происходит всё существующее. Божественный логос, огненное тело делится на частички, которые являются семенными логосами. Стоики решают ту проблему, над которой бились Платон и Аристотель: каким образом могут делиться понятия и оставаться при этом едиными. Стоики рассматривают общее понятие как тело. Все тела делятся, и тело логоса делится на отдельные семенные или сперматические логосы, которые и есть причины и основания того, почему в нашем мире всё происходит так, как оно происходит.

Большой божественный логос разбивается на отдельные, малые семенные логосы. Этот логос, огонь, воздействуя на материю, совершает процесс космогенеза. В начале существует только огонь или логос. Затем этот огонь или логос переходит в воздушную фазу. Из воздушной фазы он переходит во влажную фазу. Во влажной фазе он начинает обращаться частично в землю. Затем снова этот процесс идёт снизу вверх, пока всё обратно не станет божественным огнем или логосом. То есть мир возникает из огня и доходит до воды и земли. Это тот мир, в котором мы живем.

Стоики учат о конце мира. В конце мира вода и земля снова превратятся в огонь или всё вернется к своему логосу, произойдет всеобщее восстановление всего, всеобщее воспламенение. Еще один момент, который стоиков роднит с ранним христианством, — это учение о конце света, причём огненном. Процесс рождения всего из логоса и возвращения всего в логос происходит вечно.

Лекция 10

Физика (продолжение). Всё, что действует, есть тело. Семенные логосы. Учение о причинности. Причина зла. Этика стоиков. Учение о первоначальном импульсе. Добродетель есть разум. Три объекта стремления. Определение счастливой жизни. Понятие «свободы» у стоиков. Учение о страстях

Физика (продолжение).

В прошлой лекции мы остановились на монизме стоиков в области физики. Но, несмотря на это, они разделяют в физическом мире два аспекта: аспект деятельный и аспект страдательный или Бога и материю. Бог для стоиков — это материальное, оформляющее, деятельное начало. Они его называют логосом, то есть разумом, огнём или воздухом. Материя бездеятельна, лишена качеств, не оформлена. Она представляет собой второй аспект стоического представления о мире. Деятельное начало и пассивное начало, разумное начало и неразумное начало. В каждом явлении действительности можно увидеть эти два основных аспекта, но это не значит, что наш мир представляет собой дуальную аппозицию, что наш мир представляет собой два начала. Мир при этом един.

Всё, что действует, есть тело.

Ещё один важный тезис: действовать может только тело. Всё, что действует, есть тело. Так говорится в одном из фрагментов ранних стоиков. Здесь стоики принципиально отличаются от Платона и Аристотеля. У Аристотеля главная действующая причина, которая приводит всё в движение, представляет собой причину нематериальную, формальную или Бога. У стоиков их божество телесно. Это огненное воздушное тело. Когда стоики говорят, что в нас есть дух, это тёплый воздух, которым мы дышим, который циркулирует в нас.

Однако из этого не следует, что всё, что существует, есть тело. Здесь есть тонкое отличие. Только всё, что действует, есть тело. Но есть вещи, которые не действуют, но существуют. Например, находящаяся за пределами космоса бесконечная пустота. Она находится вне космоса, никак не действует на космос, и она не есть тело. Точно также в стоической семантике признается такая вещь как лектоны, то есть смыслы. Они тоже есть, но не действуют. Всё, что действует, представляет собой тело.

Семенные логосы.

Важнейший аспект стоического учения: Божественное деятельное начало или логос делится на отдельные частички, семенные логосы. Эти отдельные семенные логосы - основание мира в его множественности. Мир развертывается каждый раз из божественного огня. Когда мир из единого состояния переходит в состояние множественности, то всё существующее множество вещей имеет свою причину или основание. Эта причина или основание не только разум в целом, но ещё и частички этого разума.

Несмотря на то, что стоические логосы напоминают платоновские идеи или аристотелевские формы, у них есть принципиальные отличия. Стоические семенные логосы, которые являются основанием каждой вещи, не трансцендентны миру. Они имманентны и телесны, поскольку это действующие причины. Логос на них делится в прямом смысле слова, поскольку логос есть тело, а тело делится на какое-то количество этих семенных разумных, телесных логосов, которые обуславливают процессы в нашем мире.

Учение о причинности

Следующий важный момент стоического физического учения — это учение о причинности, о сложном комплексе, который у стоиков объединяет три больших понятия: причинность, судьба, проведение. Стоическая философия — это очень важный этап в развитии греческих учений о причинности. Платон начинает разработку учения о логической причинности. Аристотель даёт универсальную классификацию причин, среди которых механические причины занимают только очень небольшое место, и важнейшую роль играет логическая причинность. У стоиков причинность начинает пониматься так, как она будет пониматься вплоть до XIX века: как сцепление физических причин. То есть для стоиков те сложные, формальные причины, о которых говорят Платон и Аристотель, не являются причинами вовсе. Стоики постоянно говорят о физической каузальности. В сочинениях Платона и Аристотеля слово «причина» обычно значит другое, чем мы привыкли. У Платона чётное является причиной двойки. Платон, когда описывает это явление, описывает его как явление причинности. Также делает Аристотель, который выделяет этот аспект в специальную формальную причину, которая является объектом его изучения.

У стоиков, поскольку они исходят из того, что действовать может только тело, причина и действие — это два тела. Причинность как взаимодействие двух тел.

Второй момент: со стоиков входит в обиход и широко распространяется представление о причинных рядах и причинных цепях. Это есть уже у Аристотеля, но стоики придают его представлениям большую простоту выражения, и у них появляется представление о причинном ряде.

Третий момент в их концепции причинности связывает представления о причинности с понятием судьбы. Причинный ряд является необходимым. Причинность — это необходимая причинность. Судьба есть не что иное, как ряд причин.

Судьба по Хрисиппу — это разум, в соответствии с которым прошлое было, настоящее есть, а будущее будет. Более развернутое определение судьбы по Хрисиппу: это некое природное сочленение, порядок всего, когда вечно одно следует за другим, и связь этого следования непреодолима. Ещё одно определение судьбы из Сенеки: если ты назовешь Бога судьбой, ты не ошибешься, ведь судьба есть не что иное как связанный ряд причин; Бог же есть первая причина всего, от которого зависит всё остальное.

Судьба есть причинный ряд. Не нужно путать стоическое представление о судьбе и аристотелевские тексты, где судьба является скорее словом для случайности. У стоиков случайностей нет. Фатум — это причинность. Стоическая судьба или фатум есть другое имя для того, что они называют Богом. Логос есть не что иное как необходимое сочленение причин, действующих сил.

Третий важнейший момент жёстко отделяет стоическое понимание необходимой причинной связи от того, как понимает причинную связь современный здравый смысл. У стоиков причинность и судьба есть не что иное как проведение. У стоиков судьба и причинность — это всегда судьба и причинность наилучшие. То есть не просто одно следует за другим, но это всегда самый лучший вариант, потому что мир у стоиков не только необходим и осуществляется необходимая причинность по законам судьбы, но эта необходимость осуществляется к лучшему. Это важный момент не только для физики, но и для стоического мироощущения, для стоической этики, потому в мире не только действует судьба, но эта судьба есть проведение.

Не всегда и не все стоики принимали такое отождествление Зенона судьбы и проведения, то есть причинного ряда и ряда оптимального, отождествления действующих причин и целевых причин. Ближайший ученик Зенона, Клеанф, пытался различить судьбу и проведение, считая, что проведение по объему уже, чем понятие «судьба». То есть проведение только часть этого мира судьбы.

Следующий шаг, который делали стоики: переход от представления о тождественности судьбы и проведения к отождествлению проведения и целесообразности. В мире всё устроено по определенным причинам, к лучшему, и это лучшее есть не что иное, чем целесообразность. У стоиков в понятии целесообразности появляется дополнительный оттенок. Речь идет не только о том, что рука целесообразно устроена относительно её функции в теле. У них речь идёт ещё о том, что низшее создано для цели высшего. У них появляется вертикальная целесообразность. Это значит, что у них появляется представление о том, что все неразумные существа созданы для разумных существ. Мы созданы одновременно для себя и для Богов, поскольку в универсуме стоиков есть два вида разумных существ: боги и люди. Главным критерием, которому следуют стоики, является во всём разум.

Вертикальной целесообразности всё подчиняется, и в их философии гораздо сильнее звучат утилитаристские нотки, то есть стремление разбросать все живые существа по этой утилитарной лестнице целесообразности. Утилитаристский телеологизм стоиков находит отклик в сердце здравого смысла, поэтому стоические учения легко уживались с религиозными представлениями.

Причина зла

Стоики создают образ мира, который создан для человека, в котором очень уютно и комфортно существовать. Стоики создали модель оптимального единого мира, в котором всё очень хорошо должно быть, но в мире есть зло, болезнь, уродства. Учение стоиков столкнулось с серьезной проблемой происхождения зла. Если всё является необходимым сцеплением причин, если необходимое сцепление причин оптимально и служит наилучшим целям, которые задаются Богом, то откуда в этом прекрасном, оптимальном мире может быть зло? У стоиков это становится ключевой проблемой.

Стоики бросились на эту амбразуру. Они давали на этот вопрос три главных ответа. Первый ответ педагогический: зло существует для того, чтобы исправлять людей. Хрисипп дал второй ответ, который стал главным ответом теодицеи: в мире всё устроено действительно оптимальным образом, но поскольку мировой порядок сложный, то в нём зло возникает как побочный эффект. То есть зла как такового, как отдельного принципа быть не может. Зло может быть только побочным образом.

Третий, логический ответ принадлежит тоже Хрисиппу: зло необходимо, потому что если бы не было зла, то мы не могли бы составить себе представление и понятие о благе. Здесь Хрисипп идет по аристотелевской логике: знание – это всегда знание о противоположностях. Эту логику Хрисипп переносит в область этической физики и говорит о том, что зло необходимо для того, чтобы мы понимали благо.

Мир прекрасен, и стоики, особенно Хрисипп, любили строить разные силлогизмы, доказывающие, что мир очень хорош. Над ними потом издевались скептики, потому что стоики были самым излюбленным объектом упражнения для скептиков.

Силлогизм Хрисиппа, доказывающий, что мир, космос является разумным: разумное лучше неразумного; мир есть самое лучшее, следовательно мир разумен. Ещё один силлогизм, когда он доказывает разумность мира, говоря, что только разумное существо может родить разумное существо; мир рождает разумных существ, следовательно мир разумен. Скептики потом будут очень остроумно над этим издеваться.

Убеждения стоиков о единственности мира и о том, что всё создано для человека, вело к тому, что Клеанф очень агрессивно встретил гелиоцентрическую гипотезу Аристарха Самосского. Клеанф сказал, что было бы хорошо привлечь этого

Аристарха к суду потому, что он убирает почву из-под ног, он заставляет возвращаться землю, заставляя нас верить в то, что не всё так прекрасно и не всё создано для человека, если мы не являемся центром. Это коренное убеждение стоической физики, физики как способа терапии.

Этика стоиков.

Учение о первоначальном импульсе.

Начнём с учения о первоначальном импульсе. Как в области теории познания эллинистические школы спорили между собой по главному вопросу, по вопросу о критерии истины. Также в области этики основная проблема была в первичном стремлении, то есть к чему человек или живое существо стремится первичным, первоначальным образом. Стоики давали ответ в знаменитом учении самосохранения или родственности самому себе. Стоики говорили, что первоначальное стремление всякого живого существа направлено на сохранение себя, на то, чтобы быть себе самому родным и близким. Это не стремление к удовольствию, а стремление к самосохранению. У этого стремления есть дополнительный аспект, который всегда присутствует у человека, — это сознание себя. Сохранение себя предполагает сознание себя.

У стоиков тема сознания себя — это не загадочное аристотелевское мышление Бога, а практическое соображение: мы все думаем о себе. Это наше первоначальное стремление. Заботиться о себе и думать о себе. Эти две вещи сопряжены как основное и дополнительное. От стоиков идёт тема присвоения, которой противостоит отчуждение.

Понятие отчуждения связано со стоическим представлением о главном импульсе: сохранить себя. Это не значит, что стоики индивидуалисты. Собой они называют разумную природу человека. Поэтому стремление к сохранению себя — это не что иное как стремление к сохранению разума и разумности. Человек считает своим не то, что принадлежит его телу, или не то, что входит в его тело. Человек считает своим то, что близко ему по разуму.

Из стремления к сохранению себя следующий шаг — это стремление к сохранению разума, разумности, разумных существ. Здесь начинается дорога не к индивидуализму, а наоборот ко всё большей солидарности. Учение о том, что первоначальным импульсом является сохранение себя, а я есть разум, постепенно приводит стоиков к космополитизму. Космополитизм ведёт к признанию родственными и родными, близкими все разумные существа. В конце концов человек становится гражданином великой космополитической общины. Для него космос есть полис, мир есть город, в котором живут люди и боги. Не имеет принципиального значения национальная принадлежность людей.

Добродетель есть разум

Стремление к сохранению себя, стремление к сохранению разума — это основное стремление. Из него вытекает то, что высшим благом является добродетель. Стоики, которые в области физики тесно следуют Гераклиту, в области этики тесно следуют Сократу. Поэтому добродетель есть знание, то есть добродетель есть разум. Поскольку наша собственная часть есть разум, то наше высшее благо — это совершенное применение этого разума, то есть добродетель. Наше благо — это совершенствование разума. Добродетель есть разум. Единственным объектом желания является разум. «Только добродетель есть благо», - было написано в духовном смысле на портике.

Три объекта стремления.

Все объекты стремления подразделялись на три класса: добродетель, порок и безразличное. Главная добродетель — это разумение. Три других добродетели: справедливость, умеренность и мужество. Все добродетели у стоиков определяются через разум. Справедливость — это разумность в делах распределения имущества. Умеренность — это разумность в распределении предметов удовольствия. Мужество - это разумность в распределении предметов избегания.

Пороки — то, что разуму противоположно: глупость, несправедливость, неумеренность, трусость. Добродетели — это благо, пороки — это зло. Третий класс объектов желания: жизнь и смерть, удовольствие и страдание, болезнь и здоровье, красота или уродство, богатство или бедность. Всё это безразлично. Это не имеет отношения к благу. Это не имеет отношения к злу. Это класс безразличных вещей для счастья, потому что счастливую жизнь дают блага.

Позднейшая Стоя всё-таки не удержалась на этом возвышенном учении о полном безразличии таких вещей как жизнь и смерть или красота и уродство, или богатство и бедность. Позднейшие стоики пытались эту бескомпромиссную позицию немножко разбавить. Сохраняя формально учение о безразличном, они поделили безразличное на два разряда: предпочтительные и непредпочтительные. Рассуждение такое: хотя всё равно жить или умирать, быть богатым или бедным, но более естественны и предпочтительны жизнь, богатство, здоровье, красота, хорошее происхождение. Это не имеет отношения к благу. Это не имеет отношения к счастью. Но это предпочтительно.

Это был своего рода компромисс. Если бы этого компромисса не ввести, то стоикам неизбежно пришлось бы вернуться к своим киническим истокам и слиться с кинизмом. Но стоики — это философия более высокого социального класса. Стоическая философия, начиная со 2 в. до н. э. становится идеологией олигархии, а для

римской олигархии такие вещи как богатство и бедность, жизнь и смерть или красота и уродство не совсем безразличны.

Определение счастливой жизни.

Из этого вытекало стоическое определение счастливой жизни. Зенон определял счастливую жизнь как жизнь в согласии. Это значит, что идеалом стоического человека является человек, в котором не происходит внутреннего спора, в котором нет внутреннего конфликта, в нём нет разброда и шатания. В нём разум не должен спорить со страстями. Сам человек у стоиков — это разум, поэтому это жизнь в согласии с самим собой.

Клеанф добавил к этому очень важные слова, которые стали важны для всей истории западной этики: не просто жизнь в согласии, а жизнь в согласии с природой. Жизнь в согласии с природой – это жизнь в согласии с разумным устройством мирового целого. Тут акцент делается не на окружающий мир. Римлянам и грекам гораздо в меньшей степени, чем людям после 18 века, было свойственно наслаждение пейзажами, красотами природы и так далее. Там не было сентиментально-идиллического.

Когда Клеанф говорит о жизни в согласии с природой, он говорит о жизни в согласии с мировым разумом. Не совершать глупостей не потому, что ты будешь конфликтовать внутри себя, а потому что, если ты начнёшь противиться движению мирового разума, тебе не поздоровится.

Разнобой Зенона и Клеанфа согласил, как это он часто делал, великий Хрисипп, который сказал, что между тем и другим нет противоречия, поскольку и наша природа разумна, и природа мира разумна. Поэтому жить в согласии с природой то же самое, что жить в согласии с самим собой.

Понятие «свободы» у стоиков

Свобода - вещь довольно важная в эпоху эллинизма. Возникает вопрос: какая может быть свобода в этом универсуме, в котором господствует необходимое сцепление причин? Некоторое место для свободы было предоставлено в рамках гносеологии стоической. В области этики стоики предлагают классический ответ, за которым будет следовать вся великая традиция с главными именами Лейбница и Гегеля, Спинозы.

Единственная свобода, которая может быть, — это свобода сознательно повиноваться разумному и оптимальному ходу мирового целого. Если вы разумны, и вы постигли разумность всего, вы просто сознательно следуете с радостью и добровольно, куда вас ведет судьба. Никаких несчастий нет, поскольку несчастья никогда не может произойти с вашей разумной природой. С вашим телом могут

происходить какие угодно несчастья, но это к вам не имеет отношения, потому что это не отнимает у вас разума. Следовательно, вы должны, понимая это, следовать ходу вещей, принимать всё, потому что всё разумно, всё происходит по неизбежной, необходимой причинной связи. Это надо принять. Знаменитые слова Сенеки: судьба ведёт человека по доброй воле, а тот, кто не идёт по доброй воле, того она тащит.

Поэтому стоическое отношение к миру — это отношение человека, который с радостью идёт туда, куда его ведёт судьба, сохраняя при этом свой разум. Бывают тяжёлые ситуации, когда боли и муки заставят вас поступить недобродетельно, тогда вы должны уйти из жизни. Стоики — это одни из самых яростных, вдохновенных пропагандистов самоубийства в античном мире. Римские стоики очень любили заканчивать жизнь самоубийством. Там возникла эта культура. Стоик может уйти из жизни, потому что он сам в праве ей распоряжаться, поскольку он разумное существо, и у него есть права на самого себя. Стоики этим правом пользовались.

Учение о страстях

Ещё один важный момент стоической этики — это учение о страстях. Оно параллельно учению о зле. Для стоиков важно, что такое зло, и важно, что такое страсти. Под страстями имеется в виду, например, страх, печаль, вожделение. Откуда они берутся? У стоиков было два главных ответа. Вариант Зенона связан с тем, что страсти — это некое неразумное движение души. При том, что в мире господствует каузальное сцепление, в мире два основных начала — бог и материя. У материи есть своя каузальность, поэтому страсть — это неразумное движение души.

Хрисипп, который более интеллектуален, сводит страсти к неправильному суждению разума. Он возвращается к позиции радикальных сократиков, говоря о том, что страсть — это ошибка разума. То есть человек струсил не потому, что в нём вдруг всё обмякло не потому, что появилось ощущение, которое лишило сил, а потому, что я неправильно оценил ситуацию. То же самое с вожделением. Хрисипповская теория страстей заключается в том, что ошибочно суждение разума, когда мы кажущееся принимаем за истину. То есть страсти становятся не отдельным проявлением стороны человека, а сбоем его разумной программы.

Лекция 11. Философия скептиков.

Этапы развития греческого скептицизма. Основные понятия греческого скептицизма. Ранний скептицизм. Академический скептицизм. Диалектический скептицизм. Скептицизм врачей-эмпириков.

Этапы развития греческого скептицизма.

Греческий скептицизм – это несколько не очень связанных между собой явлений. Первое школьное проявление греческого скептицизма — это ранний скепсис, связанный с именами Пиррона и Тимона, 4 в. до н.э. - 3 в. до н.э.

Затем к истории скептицизма можно со многими оговорками отнести определенную фазу в развитии Академии, которая только до середины 3 в. до н.э. оставалась догматической. Начиная с середины 3 в. до н.э. и до 1 в. до н.э., Академия становится скептической. В этом периоде различают Среднюю Академию (Аркесилай) и Новую Академию (Карнеад). Непосредственно со скепсисом Пиррона Средняя и Новая Академия не связаны. Они не были продолжателями дела Пиррона и Тимона. У них по многим вопросам другая позиция, но, тем не менее, поскольку Академия была очень изодранный в плане развития скептической аргументации, она оказала определенное влияние на историю греческого скепсиса.

Следующий этап развития греческого скептицизма — это 1 в. до н.э., который связан с двумя именами. Это возрождение скептицизма на новой основе. Возникает диалектический скептицизм Энесидема и Агриппы.

Последний этап развития греческого скептицизма — это скептицизм врачей эмпириков. Эмпирик в данном случае — это синоним к слову «врач» определенной врачебной школы. Это последняя фаза греческого скептицизма, который представлен прежде всего именем Секста Эмпирика. Судя по всему, это был придворный врач императора Марка Аврелия. Именно благодаря тому, что сохранилось два больших сочинения Секста Эмпирика «Против ученых» и «Пирроновы положения», мы вообще знаем довольно многое о греческом скептицизме.

У нас два основных источника о греческом скептицизме: это сочинение Секста Эмпирика и философские сочинения Цицерона, особенно важные для истории скептической Академии, для понимания истории Средней и Новой Академии. Это интересное явление, во многом предвосхитившее всю историю позднейшего европейского скептицизма, начиная с эпохи Возрождения.

Основные понятия греческого скептицизма.

Скепсис — это в буквальном значении «рассмотрение». Для скептиков из этого следовали определенные мировоззренческие выводы.

Начнём со скептической классификации философских типов. Скептики различают как тип философа догматика. Это тот, который нашел истину. К догматическим учениям относятся стоицизм, эпикуреизм, философия Аристотеля.

Второй тип философского учения — это школы, которые отрицают возможность найти истину. Таких философов называли акаталептиками. Катаралептик — это тот, кто хватается и постигает, а акатаралептик говорит, что никакого схватывания и постижения быть не может. Скептики включали в этот разряд представителей Средней и Новой Академии.

Третий разряд — это те, кто не утверждает, что нашли истину, и не отрицают того, что они нашли истину, а продолжают её рассматривать и искать. То есть скепсис — это не отрицание возможности познания и не утверждение возможности познания. Это постоянный поиск истины, но такой поиск истины, в результате которого никогда нельзя прийти к какому бы то ни было законченному и завершённомому результату. Поэтому скептики себя называют ищущими. Их задача не в том, чтобы найти, а в том, чтобы искать.

Еще одно важное слово, кроме ищущих, это само название скептиков: они называли себя воздерживающимися. Это не этический термин, а гносеологический. Они воздерживаются от суждения. Именно в традиции греческого скептицизма появляется слово «эпохэ». Это скептический термин, который значит воздержание от суждения.

Ещё одно важное слово, которым они себя описывали: они называли себя апоретиками. Они имели в виду то, что они сами пребывают в состоянии интеллектуальной безвыходности и других обращают в это состояние. Они ввергают в апории, в затруднения.

Кроме этих самоназваний были для скепсиса важны некоторые общие положения, на которые скептик ориентируется. Одно из самых важных утверждений, который формулируется как сентенция и которое настоящий скептик должен постоянно иметь в виду: «не больше это, чем-то». Это максима, которую надо применять к суждению о природе любой вещи.

Еще один важный принцип, который надо иметь в виду, — это принцип изостении, то есть принцип равносильности любых двух противоречащих суждений. Скептик воздерживается от суждений и делает это именно потому, что он не может сделать выбор между двумя противоположными суждениями, ибо любые два противоположных суждения равносильны. Это скептическое отрицание закона исключенного третьего, который Аристотель формулирует в седьмой, восьмой главах четвертой книги «Метафизики». Это отрицается на уровне базовых интуиций.

Ещё одна основа основ скептического мировоззрения — это важное различие, которое потом аукнется у Канта: различие явления и умопостигаемого, различие феномена и ноумена. В отличие от Канта, скептическое понимание различия явления и умопостигаемого совсем другое. Для чистого скептицизма характерно доверие к явлениям и недоверие к умопостигаемым концепциям философов. Умопостигаемое в данном случае — это умопостигаемые концепции догматических школ. В отличие от явлений, о которых все согласны, догматические школы мешают видеть нам явление, загромождая всё умопостигаемыми предложениями, которые друг с другом не согласуются.

Античный скепсис отличается от скепсиса, характерного для Нового времени, в том, что эта философия, прежде всего, этическая. Воздержание от суждений — это не занятие позиции в гносеологическом споре, а такое воздержание от суждений, которое ведет к безмятежной и не возмущаемой ничем жизни. Греческий скептицизм – это наставление в счастливой жизни: мы достигнем счастья только тогда, когда начнём воздерживаться от суждений, потому все суждения равносильны, и нет возможности выбрать между противоположными суждениями.

Второе различие: в нашем языке скептик — это тот человек, который сомневается во всём, прежде всего, в религиозных догматах. Позиция греческого скептицизма в этом вопросе отличается от того, что было в новоевропейской мысли. Греческий скептик сомневается не в религии, поскольку в греческой религии не было никаких догматов. Наоборот, это человек, который проповедует благочестие как то, что требуется государством, привычками и обычаями людей. Греческий скептик в отличие от скептика Нового времени сомневается в догматах философов и ученых. Это антифилософская философия, философия, которая хочет уничтожить философию для того, чтобы жить простой, спокойной жизнью. Но чтобы уничтожить философию как таковую, чтобы избавиться от философии, нам нужна философия, потому что мы должны аргументами уничтожить аргументы, которые догматические философы выставляют.

Ранний скептицизм.

Ранний скептицизм — это скептицизм Пиррона и Тимона. Обычно даты жизни Пиррона — это 360 г. до н.э. - 270 г. до н.э. Он учился у одного из учеников Демокрита Анаксарха. По всей видимости он учился у кого-то из поздних софистов, и на него определённое влияние оказал сенсуализм киренаиков. Греческие авторы, поскольку Пиррон был современником походов Александра, приписывают ему путешествия в Индию и знакомство с индийскими гимнософистами. Гимнософист — это нагой мудрец. Это первая реальная констатация контактов между греческой философией и индийской мудростью.

Философия Пиррона — это проект, который был этическим. Цель философской деятельности, философской жизни - достичь состояния полного безразличия, индифферентности. Путём для достижения этого блаженного и спокойного состояния служили максимы: не больше это, чем-то. Когда вы понимаете, что ни одна вещь не является такой, как мы её определяем в суждении, тогда вы перестаете себя травмировать размышлениями о том, что же такое эта вещь на самом деле. Когда вы начинаете воздерживаться от суждений, вы постепенно достигаете состояния безразличия. Ваша задача - достичь этого прекрасного спокойного состояния.

Как говорил Тимон, надо определиться с тем, каковы вещи, каково должно быть наше отношение к вещам и какое душевное состояние следует из этого отношения к вещам. Даются такие ответы: вещи по своей природе непостоянны, изменчивы, неизмеримы, непознаваемы. Из этого описания мира следует недоверие. Когда мы научимся не доверять вещам, мы достигаем блаженного, спокойного состояния.

Пиррон давал такую картинку скептического мудреца: представьте себе корабль, который плывёт по морю в бурную погоду, на нём едут пассажиры, и когда начинается буря, они боятся; но в это время на палубе поросёнок продолжает спокойно жрать из своего корыта; ему всё равно, что волнуется море, что люди охвачены страхом. Мудрец скептический — это поросёнок, который просто жрёт из своего корытца, ни на что не обращая внимания. Пиррон осуществил этот идеал в своей жизни, потому что это была эпоха, когда человек должен был быть не только теоретиком, но ещё он должен был воплотить этот жизненный идеал в самом себе. Пиррон развил в себе качество безразличия до невероятной степени. Когда однажды Пиррон проходил мимо болота, в котором тонул его учитель Анаксарх, он спокойно прошёл дальше, не обратив на тонущего в болоте учителя ни малейшего внимания, за что удостоился похвалы Анаксарха, потому что он достиг этого состояния.

Пиррону было наплевать на разного рода социальные привычки и обычаи. Он мог торговать на базаре, что считалось позорным для образованного человека. Он мог обмывать поросёнка, что считалось делом совершенно низким. Он путешествовал по Греции, не обращая ни на что внимания: едет навстречу повозка, он не сходит с дороги, потому что повозка это или не повозка, решить невозможно. Точно также он не обращал внимания, когда его грызли собаки. Он ни на что не обращал внимания, делая это не как стоический мудрец, который мог бы не обращать на то, что его грызут собаки, потому что в этот момент упражнял свою добродетель мужества. Скептический мудрец не занимается упражнением мужества. Он в данном случае воздерживается от суждения: больно ему или не больно, собака это или не собака, зло или добро то, что тебя грызут собаки.

У Пиррона был ученик Тимон. Его не надо путать со знаменитым литературным персонажем Тимоном Афинским. Тимон, ученик Пиррона, был известен как автор издевательских, сатирических сочинений, где высмеивались все философы. Для скептиков главная цель поражения — это не обычный человек, к нему было минимум

претензий. Основные претензии были к философам, поэтому Тимон написал знаменитые «Силлы», где он прошелся по всем персонажам. Он пощадил только двух людей: Ксенофана Колофонского за то, что у Ксенофана есть скептическое четверостишие и Пиррона.

Академический скептицизм.

Никто не знает, что было со скептической школой после Тимона. У Секста Эмпирика и Диогена Лаэртского можно прочесть преемство скептической школы, но это вопрос сложный. К сер. 3 в. этический скептицизм Пиррона и Тимона постепенно угасает. Возникает новая форма скептицизма - академический скептицизм Средней и Новой Академии.

Если для Пиррона и Тимона основной интерес заключался в этике и в образе жизни, то у академических скептиков основной интерес заключался в критической теории познания и в разработке критических аргументов против стоической теории познания. Ни Аркесилай, ни Карнеад не были маргиналами, радикалами, бродячими мудрецами. Они были людьми приличными и возглавляли платоновскую Академию. Они сделали из скептицизма не этическое учение, а главным образом учение гносеологическое, критику познания и развивали теорию и практику аргументации.

Начиная с Аркесилая, платоник занимается не тем, что развивает догматически учение Платона и пифагорейцев, а, прежде всего, опровергает тезисы своих оппонентов. И Аркесилай, и Карнеад, кажется, вообще ничего не писали, потому что их настоящим подлинным делом было ежедневно в живой дискуссии опровергать других философов, догматические утверждения. Именно это стало называться академической философией, о которой потом будет писать Цицерон, Августин.

Аркесилай (кон. 3 в. до нашей эры) занимался в основном критикой стоиков, стоического понятия о каталептической фантазии. Это главный стоический критерий истины. Каталептическая фантазия — это то, что возникает после согласия или одобрения. У стоиков познавательный акт мыслится таким образом, что к нам поступает из внешнего мира информация, на которую мы должны дать согласие. Аркесилай спрашивает: если стоический мудрец дает согласие на нечто до того, как у него возникла каталептическая фантазия, он дает согласие неизвестно на что. До акта согласия он не может знать ещё вещь, а если он не знает вещь, он дает свое согласие, не зная на что.

Ещё больше этим занимался Карнеад. Это следующий представитель уже Новой Академии, 2 в. до н. э. Кроме Карнеада к Новой Академии относятся ещё такие имена, известные нам из Цицерона, как Клитмах и Филон из Лариссы, которые представляли собой Новую Академию.

Карнеад, поскольку он писал, когда уже появились сочинения Хрисиппа, писал в основном против Хрисиппа. Карнеад говорил, что если бы не было Хрисиппа, не было

бы и его. Он критиковал каталептическую фантазию, указывая на то, что нет таких ясных и очевидных представлений, которые нас вынуждают принимать, чтобы то ни было. Хрисипп говорил, что у нас есть такие ясные и очевидные представления, которые нас с необходимостью влекут к согласию. Карнеад указывает, что у безумных тоже есть ясные и очевидные представления, которые их с необходимостью влекут. Это не делает их представления истинными.

Карнеад проходится по ключевым положениям стоической теодицеи: если логос сотворил мир хорошим, то откуда берется зло, если люди злы, то боги сотворили их такими, значит, боги создали людей злыми. Карнеад очень много высказал аргументов против, отчасти их записал его ученик Клиптомах, а аргументы Клиптомаха известны по сочинениям Цицерона.

Скептицизм Средней и Новой Академии – это очень развитые аргументы против любой формы догматической философии. Но эти аргументы против не имели никакого нигилистического смысла. Когда Аркесилай и Карнеад громили стоиков, они вовсе не собирались подрывать фундамент общечеловеческой практики. Поэтому, несмотря на разрушительные аргументы по фронту гносеологическому, физическому, этическому, академические скептики пытались оставить определенный неколебимый твердый фундамент, который у Аркесилая называется учением о хорошо обоснованном. Это значит, что мы не достигаем в наших теоретических поисках истины, но мы можем достигнуть того, что хорошо обосновано. К этому мы можем стремиться. Это не истина. У Карнеада и Клиптомаха появляется очень важное учение для всего последующего развития мысли и философии: учение о вероятном. То есть учение о том, что абсолютной теоретической истины не существует, но существует вероятное или убедительное. Есть вещи, которые теоретически не могут быть обоснованы, но они могут быть вероятны. С ними можно согласиться, им можно в некотором смысле доверять постольку, поскольку это необходимо для практической жизни.

Диалектический скептицизм .

Об этом этапе греческого скептицизма кроме аргументов нам ничего не известно. Диалектический скептицизм Энесидема и Агриппы не имеет никакого отношения к Гегелю. Диалектический в данном случае – это скептицизм, основанный на тонкостях диалектики как искусства рассуждения. Дело в том, что именно с Энесидемом и Агриппой связана наиболее развитая система скептической аргументации.

Энесидем аргументирует против трех главных вещей: против понятия истины, против понятия причинности, против понятия доказательства. Целью аргументации Энесидема является опровержение возможности истины, причинности и доказательства.

Истины не может быть, потому что истина может быть либо чувственно воспринимаемая, либо умопостигаемая. Чувственно воспринимаемой истины быть не может, потому что предметы ощущений постоянно текут. Умопостигаемой истины быть не может, потому что умопостигаемая истина предполагает чувственно воспринимаемую. В учении Аристотеля, например, об индуктивном пути познания для того, чтобы прийти к умопостигаемым общим понятиям, начинаем с чувственно воспринимаемых вещей. Для того чтобы образовать понятие вещи, мы должны сначала увидеть своими чувствами столы и стулья, людей, животных и от них постепенно дойти до умопостигаемых понятий. Но чувственное не даёт возможности сделать умопостигаемое обобщение в абсолютном смысле слова. Итак, понятие истины невозможно ни как чувственное понятие, ни как умопостигаемое понятие, ни как объединение этих двух вещей.

Энесидем анализирует понятие причины, доказывая, что никакой причинности быть не может. Он исходит из понятия вещи как чего-то полностью замкнутого в себе, потому что одна вещь отлична от другой вещи. Но если они находятся в самих себе, то не может быть причинно-следственного отношения. Каким образом оно может быть, если вещь, чтобы быть самой собой, остаётся в себе самой? Как она может быть причиной другой вещи? Энесидем подробно развивает тему о том, что не может быть причинно-следственного отношения. Он, например, говорит, что если мы что-то называем причиной, то это не может быть вещью, потому что причина — это всегда то, что действует на другое, а вещь — это то, что остаётся в самой себе. То есть основа критики причинности — это понятие о вещи, которая остаётся в самой себе и уже по этому определению не может ни на что другое действовать.

Энесидем доказывает, что никакого доказательства быть не может. Он берет классический силлогизм по первой фигуре: все люди смертны, все греки люди, все греки смертны. Энесидем говорит, что, утверждая в большой посылке, что все люди смертны, я, для того чтобы эта посылка была истинной, должен был увидеть, что там уже есть все греки. Поэтому когда я делаю вывод, что все греки смертны, я повторяю то, что я уже знал, когда высказывал большую посылку. Если бы я этого не знал, то эта большая посылка была бы ложной. То есть понятие силлогизма включает в себе логический круг. Я высказываю в заключении то, что я уже высказал в большой посылке. Тем самым силлогизм не является доказательством.

Доказательство невозможно также потому, что доказательство уйдёт в бесконечность. Аристотель говорил, что нужно остановиться. Естественный вопрос Энесидема: зачем останавливаться? Если мы остановимся, то будем иметь дело с нашими произвольными предположениями, а не с истиной.

Гегель в своей истории философии считал, что скептическая критика базовых философских понятий служила основной причиной того, что последующая философия становится не догматически натуралистической, как эллинистические школы, а религиозной и ищет источник знания уже не в чувственном опыте. Если стоики и

эпикурейцы искали источник знания в чувственном опыте, в ощущениях или каталептических представлениях, то после того как скептики разгромили базовые представления об ощущениях, каталептической фантазии, истине, причинности и доказательстве, у философии не было другого пути, кроме как искать основу всего во внутреннем мире, искать другой критерий познания. Эта мысль, хотя она довольно общая, интересна и разумна.

Энесидем также разработал очень важные для всего скептицизма 10 тропов или 10 способов, с помощью которых можно и нужно воздерживаться от суждений. 10 аргументов, которые должны привести к воздержанию от суждения.

1. Поскольку все живые существа различаются в своих ощущениях удовольствия и страдания, то невозможно познание действительности. Зная, что у всех живых существ различные ощущения, мы должны воздержаться от суждения. Речь не идёт, что должны воздержаться от нормальных суждений здравого смысла в практической жизни. Отказываются от суждений, которые называются в философии общезначимыми и необходимыми.
2. Нужно воздерживаться от суждений в силу индивидуальных различий между людьми.
3. Различия органов чувств в каждом из нас.
4. Не может быть истинных представлений о действительности, потому что все наши представления зависят от нашего состояния.
5. Не может быть истинных представлений, поскольку наши представления зависят от того, к какому народу мы принадлежим, какие обычаи у этого народа есть, какие привычки и обычаи есть в нашем полисе. То есть это троп социальной обусловленности, которая препятствует нам высказывать суждения, претендующие на некую общезначимую и абсолютную истину.
6. У нас нет чистого восприятия действительности. Наши восприятия всегда обусловлены средой. В зависимости от состояния среды, которое лежит между воспринимаемым предметом и воспринимающим, у нас меняются восприятия.
7. Наше восприятие зависит от пространственной близости или удаления.
8. Это ключевой троп. Ни одна вещь не имеет собственной природы и собственной сущности. Она имеет природу и сущность только относительно чего-то ещё. Все её свойства существуют только в отношении.
Когда стоик говорит, что действительно воспринимает эту вещь, он говорит, что действительно постигает вещь как она есть, её природу, её сущность. Именно это отрицают скептики: нет у вещей своей сущности, нет у вещей своей природы, вещь есть только элемент в комплексе отношений; есть отношения, а не вещи.
9. Качество наших представлений зависит от частоты и редкости явлений.

10. Многие наши представления не могут отражать действительность, потому что они зависят друг от друга. Это троп о взаимозависимости представлений.

Исходя из этих 10 тропов, можно воздерживаться от суждений и приходить в блаженное и спокойное состояние невозмутимости и безразличия.

5 дополнительных тропов Агриппы, которые очень любил Гегель. Он считал, что это один из самых сильных и мощных диалектических моментов в античном скептицизме.

1. Троп от разногласия.

Допустим есть некая проблема, вы смотрите и видите, что по этому поводу философы и ученые высказывают разные мнения. Есть разногласия среди людей, которые профессионально специально этим занимаются, и вы воздерживаетесь от суждения.

2. Троп от впадения в бесконечность.

Когда мы хотим говорить об абсолютной истине, надо всегда помнить, что суждение, которое выдает себя за абсолютную истину, должно на чём-то основываться. Обычно оно основывается на другом суждении. Так мы идём в бесконечность и понимаем, что поскольку бесконечность познать не можем, то мы воздерживаемся от суждения. Впадение в бесконечность учит нас тоже воздерживаться от суждения.

3. Троп от относительности.

Этот троп имеет место тогда, когда рассматриваемое кажется то таким, то иным в зависимости от выносящего суждения. То есть в зависимости от того, кто высказывает суждение, а также от того, что рассматривается вместе с ним.

4. Троп от предположения.

Когда вы видите, что Аристотель говорит, что закон противоречия является началом, который непосредственно видит ум, вы понимаете, что это всего-навсего предпосылка Аристотеля, гипотеза, и вы начинаете воздерживаться от суждений. Вы перестаете верить Аристотелю, который говорит, что это божественный ум приходит к вам извне, и вы созерцаете закон противоречия как безусловную истину. Вы просто считаете это относительным и условным положением, воздерживаясь от суждения.

5. Троп от взаимности.

Очень часто в аргументации то, что обосновывает нечто, само этим другим обосновывается. То есть когда обоснование и обосновываемое меняется местами.

Скептицизм врачей-эмпириков.

В отличие от Энесидема и Агриппы, Аркесилая и Карнеада врачи-эмпирики занимали позицию здравого смысла и доверия к явлениям. Доверие к явлениям – это не наивное доверие простого человека. Это доверие с ясным и четким пониманием того, что абсолютная истина познана быть не может. Это резиньция человека, который прошел через все философские и научные изыскания и исследования и понял, что абсолютной истины в этом нет. И вместо того, чтобы заниматься теоретическими исследованиями, чтобы ломать голову над загадкой бытия, такой человек становится обывателем и обывательски относится ко всему, что происходит. Он понимает, что никакой истины найти нельзя, и он доверяет мнениям своих соотечественников в разумных пределах, принимает культ, которые есть в его городе и стране, принимает власть. Он успокоился и доверяет явлениям.

Секст Эмпирик говорит об этом идеале: «Ибо довольно с нас, когда мы будем жить согласно нашему опыту без всяких мнений в соответствии с общими наблюдениями и представлениями и будем воздерживаться от догматических излишеств и болтовни, выходящей за пределы жизненных нужд».

Греческий скептицизм возвращал людей, которые были перекормлены очень сложной и очень развитой теоретической философией, к мировоззрению обывателя, простого человека только на новом уровне рефлексии.

Лекция 12. Поздняя античная философия.

Культурный контекст. Формы религиозности периода поздней античности в Риме. Философия поздней античности. Неопифагореизм. Средний платонизм.

Культурный контекст.

Период религиозной философии поздней античности очень интересен и влиятелен, потому что именно это время стало основой для мировоззрения. Именно в этот период складываются мыслительные, духовные, идеологические парадигмы и образцы, которым будет следовать всё Средиземноморье. В это время возникают явления, которые будут не только в Европе, но и в арабском мире и в мире рассеянных иудейских общин, будут доходить через Персию дальше. Время довольно специфическое.

Приблизительное начало — это 1 в. до н. э. Возникает феномен, который условно можно назвать Римской Империей. Происходит объединение огромного комплекса земель, народов и культур в одно единое государственное, социальное и культурное целое. Исчезают последние отдельные, независимые государства эллинистического мира: царство диадохов в 30 году до н.э., исчезает как отдельное государственное образование эллинистический Египет. Вместо этого устанавливается римская власть. С этого момента этот огромный средиземноморский регион, который охватывал огромное количество народов и стран проникается единством политическим, культурным и социальным.

Конец этого периода на Западе — это конец 5 века н. э., а на востоке его конец можно довести до нач. 7 в. Обычно говорят, что античная философия закончилась в 529г., когда император Юстиниан закрыл последнюю платоническую школу в Афинах. На самом деле, история философии не прекратилась в 529 г. Античная философия не заканчивается и в 7в., она продолжается, принимая новые формы в арабском мире, в византийском мире, и через арабов и Византию она снова возвращается в мир Западной Европы.

Философия в это время приобретает новый вид и новые формы, понять которые очень трудно в отрыве от общего социального, культурного и религиозного контекстов. Философия изменила свои формы: из философии светской стала религиозной.

Объединение Средиземноморья под римской властью привело к разрушению структуры патриархального римского общества, которое было организовано довольно просто. На верхушке этого общества находилось сословие сенатской аристократии, которое управляло, исходя из неких неписаных законов, которые условно обозначались как нравы отцов. Это патриархальное управление обусловило возможность римского

военного успеха. Когда римские солдаты, бывшие крестьяне, землепашцы, люди здоровые, крепкие морально и физически, пришли в богатые изнеженные страны Средиземноморья, они довольно легко могли одержать там победу. Эта структура римского общества, которое строилось как общество людей, которые занимаются сельскохозяйственным трудом, и которыми управляют, исходя из неписаных нравов отцов, в результате обогащения, столкновения с эллинистической цивилизацией стала давать трещины. В Рим пошёл приток богатств из Востока. Повысились требования к уровню жизни, произошло разорение свободного крестьянства, шёл приток пролетариата в Рим. В результате старые ценности постепенно в римском обществе стали разлагаться. Прежде всего, они стали разлагаться в головах и в поведении элиты. Элита перестала сохранять те качества, которые для Рима были принципиально важны и которые обусловили его политические и военные успехи. Стала исчезать простота образа жизни, мужественность, верность, преданность сенату и римскому народу.

Вторая сторона этого же процесса. Мышление римлян до столкновения во 2в. - 1в. с эллинистическим миром было чрезвычайно примитивным и простым. Поскольку это были небольшие сельские общины, их представления о мире, об обществе, о богах были чрезвычайно примитивны и очень плохо сформулированы. Когда римляне столкнулись с более развитой культурой эллинистического мира, в их головах, в их сознании, в их мышлении произошёл довольно важный перелом. Их старые боги перестали выдерживать конкуренцию с великолепными и хорошо сформулированными в поэзии, в философии, в общественной жизни религиозными представлениями греков и других народов этого региона. В Рим стало проникать греческое влияние, а к 1 в. н. э. пошло очень сильное влияние религии эллинистического Востока. Шло оно вместе с рабами, которые в огромном количестве завозились в Рим для обработки земель Италии. Рим и Италия оказались переполнены людьми иной крови, которые привезли с собой иные культы. Эти культы действовали гораздо более сильно на психику, на душу. Это были культы, которые в этот период играют очень важную роль. Традиционная религия римлян и греков начинают уступать и давать место совершенно новым формам религиозности.

Формы религиозности периода поздней античности в Риме.

Мы имеем дело, прежде всего, с экстатическими восточными религиями. Например, с религией Великой Матери. Это фригийская богиня, вокруг которой был сформирован миф, связанный с одной стороны с экстатическим культом, с другой стороны с оскотением. Другое мощное влияние, которое в это время распространяется, - это влияние египетской религии. Оно усилилось после того, как эллинистический Египет становится римской провинцией. Это религия Исида и Осириса, один из самых популярных, самых мощных мифов, которые были в эту эпоху. Если культ Великой Матери и Атиса был вокруг таких форм, как экстаз, то культ

Исиды и Осириса был примером тайного культа, который требовал от посвящённых чистоты, целомудрия, веры в тайны божества, в тайны, которые могут открыться только после посвящения. Это религиозно-духовный контекст, в котором изменяются формы философии.

Еще одной важной составляющей было персидское влияние, которое связано было с религией Митры. Этот культ был связан с представлениями о двойственности, о двух основных началах, которые действуют в мире. Он тоже требовал очищения. Культ митры некоторые считают самым опасным соперником христианства, который был очень популярен, прежде всего, в среде римской армии.

Самое важное влияние, которое победило, — это влияние иудейское, которое началось ещё в 1 в. до н.э., и которое, начиная с 1 в. н. э. приобретает новые формы, связанные с христианством и гностицизмом. Это влияние было отчасти потому, что иудейская община была очень влиятельной на всём Средиземноморье, и было много иудейских общин в крупнейших городах, особенно в Александрии. В 3 в. до н. э. был осуществлён перевод Библии на греческий язык, и эмоциональная сила, которая была в священных писаниях иудаизма постепенно действует всё больше и больше, завоевывает все новых и новых адептов. Когда в иудаизме возникает новое христианское течение, то и на остальных участников этого культурного процесса начинает действовать христианское влияние.

В этих новых формах религиозности привлекал некий спектр представлений или переживаний. Привлекало в восточных религиях то, что в этих религиях содержится довольно простой дуализм: свет и тьма, добро и зло, плоть и дух. Это очень сильно действовало на публику, на на духовную, социальную и культурную жизнь Римской Империи. Тело отождествлялось с тьмой, свет отождествлялся с духом. Эти представления становятся массовыми.

Меняется классический взгляд на тело. Тело начинает восприниматься в негативном свете. Это эпоха телоненавистничества. У тех греков, которые остаются привержены идеалам классической культуры, более сдержанное телоненавистничество. А в явлениях, маргинальных по отношению к грекам, - самоизуродование. В культе Кибелы самобичевание. Когда возникает египетское христианское монашество в 4 в. н.э., то там начинается столпничество, когда человек уходит на каменный столб и там живёт, всячески изводит тело.

Культуре и мысли этого периода свойственно отторжение и отвращение от чувственного мира. Проявляется оно по всему спектру: не только у философов платоников, но и особенно сильно в гностицизме, где весь мир объявляется творением злого духа. Гностики, скорее всего, выросли из иудаизма, но самая характерная черта гностицизма — это отвержение первой книги Бытия Библия с утверждением о том, что мир создал благой Бог. Для гностиков становится важным утверждение, что мир создан дьяволом, сатаной. Это представление сохранилось в некоторых христианских текстах, которые имеют гностические тенденции. Например, в первом послании апостола

Иоанна говорится: «мир во зле лежит» или буквально «мир лежит во власти Злого». Под Злом имеется в виду персонализированный дух, который будет называться Сатана. У гностиков, поскольку мир — это творение злого духа, то единственная вещь, которую можно с этим миром сделать, — это его всячески отрицать, отвергать. Это отвращение ко всему миру.

Платоники берут на вооружение отдельные, вырванные из контекста Платона цитаты. Мир отвратителен, из него нужно бежать. Мир не надо изменять, улучшать.

Третий момент после отвращения к телу и отвращения к миру — это сильное сознание иллюзорности жизни, мира и иллюзорности себя. В это время появляется в разных течениях и религии, философии ощущение, что иллюзия владеет всем и заставляет считаться с семейными интересами, с политическими интересами, с интересами нашего тела, а на самом деле есть только внутренний человек. Всё иллюзорно, кроме внутреннего человека — это очень распространённое явление духовное и культурное. У Плотина подлинная наша личность — это не то, что мы в себе сознаем, а это некое сверх-я, которое пребывает вне сознания, которое никогда не ниспадает в наше тело, а оно его только освещает. То, что мы считаем собой: тело, переживания, эмоции — это некая иллюзия. Иллюзорен мир, иллюзорно моё сознание. Не иллюзорен только внутренний человек.

Это эпоха архаизации. Эпоха, когда идеал ищется в прошлом, и таким идеалом предстают мудрецы прошлого. В это время пытаются всю мудрость, всё знание возвести к тем, кто жил до этого. Например, есть аристотелевские категории, но хочется найти что-то более древнее, от чего аристотелевские категории зависят, и пишется подделка, неопифагорейский трактат, где категории приписывают либо самому Пифагору, либо одному из его учеников. Таким образом, появляется такой ход рассуждений: Аристотель всё взял у Пифагора.

Ещё один пример. Знаменитый пифагореец Нумений из Апамеи считал, что греческая философия — это философия трёх человек: Платона, Сократа и Пифагора. Сократ и Платон для него пифагорейцы, но Нумений делает ещё один шаг очень важный и очень характерный в эту эпоху: учение Пифагора он приписывает Моисею. Таким образом, он доходит до знаменитой своей фразы о том, что Платон — никто иной как Моисей, говорящий по-аттически. И Пифагор, и Сократ, и Платон не сами философствовали, а были реципиентами древней мудрости. У нас до сих пор эти представления есть в маргинальной культуре эзотерики, теософии. Весь этот бред рождается в это время из желания всё это довести до самых древних времён. Греки были слишком молоды для того, чтобы на них закончить. Нумений возводил всё к учению славных народов Востока. Если открыть Диогена Лаэртского, он точно также греческую философию возводит к учению мудрецов Востока. В гностических текстах это возводится дальше к Еноху, к Адаму.

Философия поздней античности.

Во-первых, основной формой философии этого времени становится комментарий. Комментарий этого времени заключается в том, чтобы текст философа стал духовным наставником и путеводителем к спасению. Например, из корпуса сочинений Платона выделяются вначале 10, а затем 12 диалогов, которые строятся в определённой анагогической, то есть восходящей последовательности. Если бы вы учились в платонической школе в 4 в. н. э., то вы обязаны были читать Платона в этой последовательности. Вы бы должны были первым прочесть диалог «Алкивиад Первый», из которого вы бы поняли, что ваше подлинное я не тело, а душа, поняли бы это, занимаясь вместе с учителем в философской школе. Вторым диалогом вы прочитали бы диалог «Горгий», в котором вас бы научили видеть этические добродетели. Вы должны были подняться на новый уровень, на уровень овладения этическими добродетелями. Потом вы стали бы читать «Федон», из которого бы вам стало ясно, что над этическими добродетелями существуют очистительные или катартические добродетели. В конце концов вы дошли бы до диалога «Филеб», в котором находится самое высшее божественное учение Платона о едином благе. Потом к этим 10 диалогам было добавлено еще два: «Тимей» и «Парменид». «Тимей» как учение Платона о космосе, а «Парменид» как самое важное учение о ступенях эманации Бога.

Кроме этого комментаторы в эту эпоху исходят из принципа: каждое слово у Платона боговдохновенно и имеет тайные смыслы. В диалоге различаются уровни. Самый простой уровень, когда вам кажется, что Сократ встречается с Алкивиадом. Это лишь поверхностный уровень. На самом деле, их встреча имеет более глубокое значение. Точно также со всеми элементами, деталями платоновских текстов, а поскольку этих элементов и деталей очень много, то пишутся огромнейшие комментарии, задача которых раскрыть эти духовные смыслы, которых там естественно нет. В эту эпоху очень немногие люди сохраняли достаточно вкуса и здравого смысла, чтобы не идти по этому пути. То есть это очень специфические комментарии.

Третий момент, связанный с развитием философии в это время. Это время синтеза или эклектики. Начиная с 3 в. н. э., платонизм, аристотелизм, стоицизм, пифагореизм были объединены некой общей структурой, то есть вот эти различные направления и движения постепенно превратились в некое единое целое. Очень сложно в этом целом разделить эти элементы. Когда мы начинаем читать комментарии этого времени и трактаты этого времени, мы видим, что это платонизм, который написан на языке Аристотеля. То есть там используется аристотелевский словарь, понятия аристотелевской философии, его концепции. Точно так же дело обстоит со стоиками. Это философия, которая безусловно подчинена фигуре и текстам Платона, но тем не менее она включает в себя всё остальное. Поэтому её можно, в общем и целом, назвать

философией эклектической или синтетической. Она обнимает разные виды, разные направления греческой философии за исключением скептицизма и эпикуреизма, которые постепенно исчезают.

В эту эпоху философ часто становится кем-то вроде мага и чудесника. Дело в том, что в позднем неоплатонизме самой высшей ступенью, стадией философии становится теургия. В это время в огромном количестве существует низовая магия, которую представляют деревенские и городские колдуны, знахарки и прочая низкая публика. В это время появляется магия для элиты - теургия. Это представление о том, что цель философии - привести к овладению сверхъестественными способностями. Философ в это время становится теургом, а венцом философского образования становится изучение уже даже не Платона, а двух эзотерических текстов: «Халдейские оракулы» и «Орфические гимны».

Этот период разбивают на два подпериода: платонизм до Плотина и платонизм после Плотина. Рубежом деления становится 3 в. и жизнь Плотина. До Плотина говорят о двух течениях, 1 в. до н.э. – 3 в. н. э.: неопифагореизм и средний платонизм.

Неопифагореизм.

Отделить неопифагореизм и средний платонизм довольно сложно, потому что и то, и другое является амальгамой из различных элементов платонического и псевдопифагорейского учения. Например, можно встретить в обоих течениях концепт о существовании первоначальной монады, из которой возникают диады, которая является принципом зла. Единица является принципом блага, а двоичка является принципом зла. Кроме того, в неопифагореизме был ещё очень важный шаг к символической философии математики, то есть математика теперь - это не научное исследование, а тайное эзотерическое, символическое знание. Числа обозначают богов. Боги обозначают тайные силы.

Самые значительные неопифагорейцы: Модерат из Гадеса и Нумений из Апамен, который сформулировал учение о трех богах, где единый Бог, единица, есть начальное божество, которое не имеет отношения к созданию мира, и в этом первом божестве он же единица, и он же ум, в котором находятся идеи, второй Бог - это Бог создатель или демиург, который творит мир, а третий Бог - это сам мир. Нумений также важен его полемикой против академического скептицизма.

Ещё одна фигура, важная для неопифагорейства, - это знаменитый маг, чудотворец Аполлоний Тианский. Он не писал философских сочинений. Это странствующий учитель нравственности, чистоты, воздержания и прочих неопифагорейских добродетелей. Он странствует по всему Востоку и творит чудеса. Фигура настолько популярная, что в 3 в. н.э. (а он жил в 1 в.) императорский двор даже одно время пытался из него сделать главное божество Империи, и по заказу жены императора Юлии Домны была написана его романизированная биография. С

помощью него пытались справиться с христианством, то есть пытались справиться с распространением Евангелия и с популярностью образа Христа. Это был один из вариантов на роль спасителя.

Средний платонизм.

Средний платонизм менее суеверное, более школьное и академическое направление. Начинается комментирование Платона. Оно ещё не достигает того уровня символизма, как в неоплатонических комментариях. В платоновских текстах средние платоники пытались найти те вещи, которые перипатетики открыли в Аристотеле. То есть в Платоне ищется силлогистика, теория определения, теория познания.

Из диалогов Платона средние платоники стали делать учебную литературу. Поэтому появляются учебники платоновской философии: диалоги классифицируются по родам и по видам, выделяются диалоги, излагающие и диалоги исследующие. Там же излагается философия Платона как некая школьная, законченная философия по образцу аристотелевской философии.

Среди средних платоников бывали очень интересные личности. Самый интересный средний платоник – это знаменитый писатель, историк, моралист Плутарх из Херонеи. Это автор замечательных сравнительных жизнеописаний, моралистических сочинений. Эти сочинения станут хитом в эпоху Возрождения и в Новое время. Плутарха много читали, его очень любили, потому что он прекрасно пишет. Он очень мягкий моралист, не фанатик. Кроме этого, он философ. У него есть специальные платонические сочинения. Он комментировал несколько сложных пассажей из «Тимея», где речь идет о создании души. Как у философа у него есть собственное сочинение, которое тоже крайне характерно для этого времени: сочинение «Об Исиде и Осирисе». Именно из этого сочинения мы знаем полный сюжетный костяк египетского мифа, но задачи Плутарха была в том, чтобы дать этому мифу символично-аллегорическое толкование. Этот миф становится для Плутарха символической иллюстрацией дуализма. Плутарх дуалист и считает, что Платон был дуалистом. У Плутарха есть ещё очень интересное сочинение о надписи в Дельфах. На фронте дельфийского храма была написана буква «Е», и Плутарх рассуждает, что бы оно могло значить. Даются нумерологические объяснения, в конце концов, поскольку эта надпись значит «ты сам», буквально «ты есть», то начинается рассуждение на тему «кто ты есть», «что есть человек». Плутарх начинает рассуждать символично-аллегорическим образом по поводу этой надписи. Плутарх был очень влиятельной фигурой, потому что его сочинения много читали во 2 в.-3 в. Он действительно повлиял на других средних платоников.

Ещё одну фигуру, на которую Плутарх влияет, — это знаменитый писатель Апулей, автор «Метаморфоз» или «Золотого осла», платоник. У него есть две книги школьного содержания, которые называются «О Платоне и его учении». Даже в

«Золотом осле» или «Метаморфозах» притом, что мы имеем дело с авантюрным романом, цель и конец этого романа — это аллегория избавления существа от его грубой ослиности через посвящение в мистерии Исиды. Философ становится религиозным пророком.

Средний платонизм, поскольку пытался в философском плане навести мосты между платонизмом и аристотелизмом, активно применял аристотелевские категории для объяснения платоновских диалогов. Тенденция к синтезу Платона и Аристотеля в среднем платонизме нашла своего критика. Аттик считал, что надо очистить современную ему школьную философию от пагубного влияния Аристотеля.

Период среднего платонизма в философском отношении не очень интересен. Он интересен скорее в его культурно-историческом значении. Философски он является лишь подготовкой к неоплатонизму и Плотину.

Лекция 13. Неоплатонизм.

Общая характеристика неоплатонизма. Неоплатонизм как историко-культурный феномен. Жизнь Плотина. Сочинения Плотина. Философия Плотина.

Общая характеристика неоплатонизма.

Условно неоплатонизмом называется философское течение, которое возникает в 3 в. н. э. Формальный конец неоплатонического периода — это 7 в. н. э. То есть на неоплатоническую философию падают последние века истории Римской Империи. У этого философского движения есть определённые признаки. Прежде всего, в области философской доктрины: это учение о иерархическом устройстве бытия, представления об иерархии всего сущего. То есть учение о том, что сущее, начиная с некой самой простой высшей точки, далее идет по нисходящим ступеням. Классическая схема неоплатонической философии — это пять основных ступеней: первая, самая высшая ступень — это единое, вторая ступень — ум, третья ступень — это душа, затем шёл чувственно воспринимаемый мир, космос и самой последней ступенью была материя.

Впервые в истории философии сущее мыслится как некий единый ниспадающий, нисходящий ряд ступеней, который начинается в едином и обессилено заканчивается в материи. Это единый ряд. Уровни следуют один за другим и обладают друг относительно друга определёнными свойствами.

Первое свойство этой неоплатонической философской логики, описывающей отношение уровней в рамках этой иерархии: каждый высший уровень, является причиной низшего. Единое является главной причиной ума и причиной всего, ум является причиной души, душа является причиной чувственно воспринимаемого мира и последний уровень ниспадения — это материя.

Второй момент, который помогает понять, как неоплатоники мыслили причинность. Она мыслится не как механический толчок, поскольку речь идет не о физических сущностях. Причинность мыслится как отношение первообраза к подобию. То есть каждый высший уровень является первообразом или образцом низшего уровня, а каждый низший уровень является отражением или изображением уровня высшего. То есть это причинность не физическая, а символическая, изобразительная причинность.

Третий момент. В этом отношении между уровнями иерархии высший уровень никогда не исчезает и не умаляется, оказывая своё причинное воздействие. Высший уровень остаётся таким же, каким он был до оказания этого причинного воздействия.

Следующий момент: между уровнями действует отношение причастности. Каждый низший уровень причастен к высшему уровню. Но причастность эта нематериальная.

Неоплатонизм — это первая последовательная спиритуалистическая философия.

Неоплатонизм как историко-культурный феномен.

Неоплатонизм — это философия сохранения, философия консервативная и философия уподобления образцам. Главным образцом для неоплатонической философии был Платон. Сочинения неоплатоников, как правило, являются истолкованиями платоновских текстов. Например, Плотин, наиболее оригинальный мыслитель неоплатонизма, тем не менее, считал, что все его сочинения, рассуждения есть не что иное как толкование того, что уже сказано Платоном. Трактат Плотина выглядит следующим образом: берётся некая фраза Платона, которая комментируется. Если причиной трактата служит не фраза Платона, потом в ходе рассуждений Плотин обязательно ссылается на Платона как на авторитет. Здесь уже появляется другой стиль философствования, когда можно доказывать, говоря «как сказал Платон».

Для неоплатонизма после Плотина основной формой философствования становится последовательный комментарий. Сам Плотин ещё последовательных комментариев не писал, последующие неоплатоники, как правило, пишут такого рода комментарии.

Обучение в платонических школах в эпоху неоплатонизма происходило в 3 этапа. Первый этап — подготовительный. Он занимал, как правило, 2 года. Это изучение всех сочинений Аристотеля с акцентом на логические сочинения, «Метафизику», физические сочинения, этику и «Политику». Аристотель считался преддверием к изучению подлинной философии, и это отражалось даже на том, как Аристотеля называли в неоплатонических текстах: демоническим Аристотелем, потому что демоны ниже богов, а Платон назывался божественным Платоном.

Следующие четыре года в неоплатонических школах изучался Платон в очень строгой последовательности. Изучались главным образом 12 диалогов, которые должны были возвести душу от первого момента акта самопознания к познанию Бога. То есть тексты Платона были подобраны и истолкованы таким образом, чтобы они осуществляли сотериологическую миссию, чтобы они спасали душу. Писали комментарии на диалоги, которые входили в канон Ямвлиха: «Алкивиад Первый», «Горгий», «Федон», «Федр», «Пир», «Софист», «Политик», «Филеб», «Театет», «Парменид». По этим комментариям преподавали 4 года в неоплатонических школах.

Когда заканчивался Платон в неоплатонических школах изучались тексты, которые считались по своим спасающим энергиям превышающими диалоги Платона. Это эзотерические тексты «Халдейских оракулов» и «Орфических гимнов». Философ должен был овладеть теургией, высшей философской магией. Он не только должен был спасти свою душу, но и стать богом, действовать как бог, то есть творить чудеса.

Поздний неоплатонизм — это философия, которая мало чем отличается от религиозных практик. Это философия религиозная.

Жизнь Плотина.

Мы имеем все сочинения Плотина и его большую биографию «О жизни Плотина и порядке его сочинений», которую написал его ученик Порфирий. Из этой биографии мы знаем об основных моментах жизни Плотина, 204 г. – 270 г.

Начинается биография Плотина, написанная Порфирием, со слов, которые сразу нас в эту эпоху погружают: «Плотин, философ, живший в наше время, был похож на человека, который стыдился, что существует в теле». Когда ученики хотели, чтобы возник портрет, на это Плотин сказал: «Разве недостаточно того призрака или того образа, который создала природа, чтобы ещё с этого призрака сделать новый призрак». Из-за того, что Плотин стыдился, что он существует в теле, он ничего не рассказывал ни о том, кто его родители, ни о том, где он родился, ни о том, какого он происхождения. Порфирий был близким учеником, хотя не таким близким, каким он хотел это представить в «Жизни Плотина», но он жил с Платином шесть лет и входил в узкую группу его учеников. Даже Порфирию Плотин не открыл, откуда он, кто его родители. То есть он не сказал того, что для античного человека было принципиально важно, потому что для античного человека суть человека заключалась в его происхождении, его родителях и в том городе, откуда он.

При том, что Плотин стыдился, что существует в теле, он рассказал странную историю из своего детства, которая дала повод к разного рода психоаналитическим толкованиям его личности. Он рассказывал, что он продолжал сосать грудь кормилицы до 8 лет, и лишь только, когда над ним стали смеяться, он, устыдившись, перестал. Те, кто любили рассуждать о философах с психиатрической точки зрения, видели в этом событии некую психическую травму Плотина.

Следующее, что о нём говорит Порфирий, это то, что в 28 лет Плотин оказывается в Александрии. У него уже было некое образование, но в Александрии Плотин обращается к философии и пытается в Александрии найти себе учителя. Ходит по разным учителям философии этого времени, и все они его разочаровали, не мог он найти себе учителя. Рассказав это своему другу, тот его отправил к человеку, которого звали Аммоний. Вернувшись от Аммония, Плотин сказал, что это тот, кого он искал. У Аммония Плотин остаётся в течение 11 лет, скорее всего, до смерти Аммония.

У Аммония была узкая группа учеников, куда входил Плотин, платоник Ориген и ещё несколько человек, которые после смерти Аммония дали клятву не публиковать в книгах учение Аммония. Какая-то загадка, какая-то тайна была связана с этим Аммонием.

Интерес к фигуре Аммония добавляет ещё один факт. В биографии великого христианского писателя Оригена говорится, что он в юности в Александрии посещал Аммония. Странная ситуация. Есть Аммоний, у которого учился Плотин. У Аммония был ученик Ориген, но этот ученик был нормальным платоником. И есть Ориген, знаменитый церковный писатель, очень плодовитый и влиятельный, у которого был

учителем тоже Аммоний. Возникла проблема, которую по-разному решали. Самая убедительная была гипотеза о двух Аммониях и двух Оригенах, которые приблизительно в одно и то же время жили в Александрии.

Итак, был некий человек, с которым Плотин жил 11 лет и в конце этого времени дал клятву вместе с другими учениками ничего из его учения не открывать. Судя по всему, Аммоний умер где-то в 243 г.

Дальше идёт тоже довольно любопытный эпизод из жизни Плотина. Порфирий сообщает, что Плотин присоединился к войску императора Гордиана, которое шло в Месопотамию сражаться с персами. Плотин присоединился для того, чтобы постичь мудрость персов и индусов. Император Гордиан в этом походе погиб, и Плотин с трудом спасся и не смог овладеть мудростью индусов и персов.

В 244г. или 245 г. через Антиохию Плотин приезжает в Рим и остаётся до конца своей жизни, становится очень известной и популярной фигурой в кругу тогдашней римской аристократии. Он живёт в доме женщины, которую звали Гемина. Вокруг этого дома собираются ученики. Он ведёт философские беседы, но не только. Например, этот дом при Плотине становится детским приютом. Плотин воспитывает детей своих друзей и оставшихся без родителей. Не просто их воспитывает, беседуя с ними на философские темы. Поскольку это были дети богатых людей, а он становился их опекуном, ему приходилось каждый месяц следить за бухгалтерией своих опекунов, то есть вести счётные книги. Он вел счётные книги, считая, что если они не обратятся к философии, то, по крайней мере, останутся богатыми.

Несмотря на то, что главной личностной его задачей было познание Единого, познание божественного источника всего сущего, он оставался нормальным человеком и мог заниматься практическими делами. Он не был похож на египетских монахов, которые удалялись из мира.

Плотин был человеком, который пренебрегал тем, что было тогда в большой моде у философов: красивый стиль. Эпоха 3 в. н.э. — это эпоха второй софистики. Большинство философов в это время были ещё и риториками, изъяснялись необычайно красиво, но, с точки зрения Плотина, поверхностно. У огромного количества философов того времени была великолепная риторская школа, но им было нечего сказать. Плотину было что сказать, но несмотря на то, что его описания не лишены риторического обаяния, тем не менее, отличаются от речей современных ему философов.

Кроме того, Плотин отличался тем, что он крайне негодуяще выступал против любви к мальчикам и гомосексуализма. Это то, что для обычных греческих философов того времени было нормой. Когда однажды во время празднования платоновского дня рождения кто-то из риторов стал читать свою речь, в которой истолковывал гомосексуально платоновский «Пир», Плотин еле-еле сдержался, чтобы не выйти оттуда. Он кипел негодованием, и, как только закончилось это мероприятие, попросил Порфирия написать против этого человека возражение, написать речь. Плотин

стыдился находиться в теле, и любовные утехы были совершенно не нужны. «Пир» он совершенно по-другому понимал. Он понимает «Пир» и Эроса как силу души, которая влечет душу к Единому.

Порфирий говорит в 10 главе об отношении Плотина к религии и магии. Он рассказывает, что один из врагов Плотина решил обрушить на него магическое заклинание. Он сделал это и почувствовал такой силы ответный удар, что чуть было не погиб. Порфирий приводит эту историю для того, чтобы показать внутреннюю магическую силу Плотина.

Продолжает он такой же историей о том, что однажды в Риме был египтянин, который умел показывать людям, каков их демон-хранитель. У греков и римлян было представление о личном божестве-хранителе. Порфирий говорит, что он попросил Плотина поучаствовать в этой процедуре. Они пришли в храм Исиды в Риме, потому что египтянин сказал, что это единственное чистое место в Риме. Египтянин стал вызывать демона Плотина, но к огромному изумлению всех собравшихся явился не демон, а бог. То есть явилось не существо низшего ранга, а появилось существо высшего ранга. То есть Плотин - существо божественное в представлении Порфирия и учеников.

Следующий рассказ характеризует самого Плотина. Однажды ученики Плотина приглашали его отправиться вместе на какое-то религиозное празднество почтить богов. На что Плотин дал ответ: не я должен приходить к богам, боги должны приходить ко мне. Этот ответ привел их всех в недоумение. Ответ совершенно не античный. Это ответ с точки зрения античного благочестия совершенно не благочестивый, дерзкий ответ. Порфирий недоуменно говорит, что они понять не могли и спросить не решились, что он имел в виду. Плотин имел в виду простую вещь: когда человек доходит до познания и соединения с первоначалом всего сущего, он становится тождественен с ним, и для него остальные высшие существа, которые находятся на уровне ума или на уровне души, ниже его.

Плотин был мистиком. Порфирий говорит, что четыре раза в своей жизни Плотин достигал соединения с Единым. Сам Порфирий замечает, что ему это удалось сделать только один раз.

У Плотина было очень плохое зрение, и он никогда не перечитывал то, что он писал. Он продумывал всё и только потом писал, как будто переписывал это со свитка в самом себе. Он писал сразу и никогда не исправлял, не перечитывал. Поэтому его тексты лишены необходимой для античной культуры риторской отделки. Кое-какую отделку внёс Порфирий при редактуре. Писать Плотин начал очень поздно, в 50 лет. Начиная с 50 лет, Плотин написал три больших тома.

Плотин был человеком тяжело больным. У него был больной желудок. В конце жизни, видимо, в результате инфекции он заболел водянкой. У него страшно распухли ноги и руки, весь он источал отвратительный запах, и с ним не могли общаться друзья. Последние два года своей предсмертной болезни он умирал один в окружении

немногочисленных рабов. Только один из его учеников, который был врачом, к нему иногда навещался, а все философы-ученики уехали. Умирал он в тяжких мучениях, но последние слова, которые он сказал ученику-врачу: «старайтесь возводить бога в вас к божественному во всём. Когда он умер, змея проскользнула под его ложе и скрылась в дыре стены.

Сочинения Плотина.

Плотин начал писать крайне поздно. Порфирий мотивирует это тем, что он сохранял ту самую клятву, которая дана была учениками Аммония: не разглашать ничего из учения Аммония. Писать начал поздно и написал очень большое количество сочинений, которые он никогда не перечитывал. Писал он, не ставя надстрочные и подстрочные знаки, не разделяя слова, не пользуясь знаками препинания. Эти тексты могли понимать и читать только те, кто его слушал и с ним общался. Когда некоторые из этих текстов послали в Афины на суд знаменитому Лонгину, он, с одной стороны, был поражён этим текстом, а с другой, форма их привела его в состояние недоумения.

Тексты Плотина, которые были им написаны за последние 18 лет его жизни, были изданы после его смерти Порфирием, который из этого огромного корпуса текстов сделал издание, довольно специфическое. Порфирий был человеком, склонным к пифагорейскому философствованию, и разделил все сочинения Плотина на 54 трактата, чтобы они образовывали шесть девяток. Девятка по-гречески «эннеада». Таким образом, у нас появилось шесть эннеад Плотина. Другого издания не дошло.

Порфирий попытка сгруппировать трактаты так, чтобы читатели, которые начинают с первой эннеады, приходили к Единому. Первая девятка трактатов посвящена овладению этическими и политическими добродетелями. Начинается первая эннеада с предпоследнего по времени трактата Плотина «О том, что такое живое существо и что такое человек». Это про то, что в самом человеке можно назвать животным, а что в человеке можно назвать собственно человеческим. Четвёртый трактат первой эннеады очень важен, тоже поздний трактат Плотина. Это трактат о счастье, где Плотин развивает мысль о том, что для счастья совершенно не нужно осознавать, что ты счастлив, потому что, если правильно понять проблему счастья, то вы поймёте, что всегда счастливы. Трактат I.8, оказавший колоссальное влияние на христианскую мысль, посвящен природе зла. Это один самых читаемых трактатов Плотина.

Вторая и третья эннеады были посвящены тому месту, где пребывает человек, который живет по этическим добродетелям. Они посвящены физическому миру, космосу. Самые интересные трактаты: первый трактат второй эннеады «О космосе», важный девятый трактат второй эннеады против гностиков, где Плотин полемизирует с учением, которое утверждало, что наш космос плох и его творец плох. В одной схолии

к этому трактату неизвестный нам переписчик написал: «агностиками он называет нас, христиан». На самом деле, речь идёт об одной христианской, гностической секте.

Из третьей эннеады очень важны трактаты первый и второй, где Плотин рассуждает о том, что такое проведение и как оно действует в нашем мире. В третьей эннеаде есть трактат об Эросе, интересное толкование платоновского «Пира». На третьей эннеаде мы должны покинуть чувственный мир и идти к последним трём нематериальным сущностям: душе, уму и Единому.

Четвёртая эннеада посвящена ипостаси души. Особенно интересны трактаты седьмой и восьмой о ниспадении души. Четвёртая эннеада посвящена также проблемам соотношений божественной души и человеческих душ, божественной души и мировой души.

Пятая эннеада посвящена уму. Стоит отметить первый трактат этой эннеады, который Порфирий назвал «О трёх начальных сущностях» или «О трёх начальных ипостасях», где наиболее просто и кратко изложена платиновская мысль о трёх ипостасях.

В шестой эннеаде Порфирий редакторски немного хитрил, потому что ему надо было куда-то вставить три больших трактата о родах сущего, в которых содержится критика Платином категориального учения Аристотеля. В них демонстрируется, что аристотелевское учение о категориях уступает платоновскому учению о категориях в диалоге «Софист». Им подошло бы место в какой-нибудь логической эннеаде, но такой не было.

Шестая эннеада начинается с трёх больших трактатов о родах сущего. Наиболее интересны там два трактата: шестой о том, присуща ли Единому свободная воля, и девятый трактат, один из самых сильных, «О Благости или Едином».

Трактаты были написаны не в этой последовательности, и Плотин несистематический философ в плане изложения, а только в плане продумывания своей системы. Все трактаты, с которыми мы имеем дело, писались в ответ на сомнения или вопросы его учеников. Порфирий потом всё объединил в систематическое учение.

Порфирий в отличие от Платина, который не хотел быть каким-то пропагандистом, хотел играть определенную роль в распространении неоплатонизма. Он стал отцом школьного неоплатонизма. Плотин нужен был как основа школьной философии. Самого Платина, судя по всему, это не интересовало. Ему достаточно было небольшого кружка близких учеников, контакта с римской аристократией.

Философия Платина.

Единое

Единое как начало всего возникает из особой интерпретации диалога Платона «Парменид» и «Государства». Уже в неопифагореизме, судя по всему, вторая часть

платоновского «Парменида» стала пониматься не как набор скептических апорий, а как откровение, учение о природе бытия. Вторая часть платоновского «Парменида» - это 8 или 9 гипотез о Едином. Первая гипотеза говорит о том, что если Единое тождественно самому себе, то такое Единое не может быть ни частью, ни целым, не может обладать формой, не может обладать никакой фигурой, не может нигде находиться, не может иметь отношение ко времени, не может высказываться ни именем, ни определением, ни постигаться ощущением. В конечном итоге такое Единое, которое равно самому себе, даже не существует. Платон, когда пишет первую гипотезу «Парменида» практически сводит к абсурду понятие Единого как такового, показывает трудность этого понятия, не вкладывая никакого мистического, религиозного, спекулятивного смысла. Для Платона это упражнение в диалектике.

У неопифагорейцев платоновские рассуждения о Едином, числе, фигуре перестали восприниматься диалектически и топически, перестали восприниматься как упражнение. У них появилась религиозная нагрузка. Плотин наследует это понимание. Единое, которое равно самому себе, о котором нельзя ничего высказать вплоть до того, что даже нельзя сказать, что оно существует, становится не абсурдным предположением, а высшим объектом философской рефлексии.

Второй момент, который привел к образованию учения о Едином как начале всего, — это текст из платоновского «Государства». В шестой книге говорится об идее Блага. Она сравнивается с солнцем, и говорится, что она превышает бытие и познание. У Платона это имеет другой смысл, но для неопифагорейцев и для Плотина слова о том, что идея Блага выше бытия и познания, привели к тому, что идею Блага они отождествили с Единым первой гипотезы «Парменида». Таким образом, появилось учение о трансцендентном Едином, которое тождественно с Благом и является началом и причиной всего. Поэтому Плотин говорит об этом первоначале и как о Едином, и как о Благое.

Поскольку в платоновском «Пармениде» демонстрируется, что о Едином нельзя высказать никакого имени, нельзя дать ему определение, нельзя познать его ощущением, что оно нигде не находится, что оно вне времени, что у него нет фигуры, что оно не покоится и не движется, что оно не круглое и не прямоугольное, то это приводит к учению о том, что Единое как начало всего апофатично. О нём ничего нельзя высказать, можно высказать нечто только путем отрицания. Единое - это настолько простой объект, что его нельзя выразить ни в слове, ни в логосе. Любое слово — это некий множественный набор букв, а поскольку познание — это познание подобным подобным, каким образом можно множеством букв высказать то, у чего нет частей. У Единого нет частей, оно только едино. Поэтому вы его не можете выразить словом.

Слово «Единое» не значит этого Единого. Оно может быть только некой вехой для того, чтобы мы дошли до Единого. Единое нельзя высказать определением, потому что любое определение тоже состоит из множества, по крайней мере, из двух основных

компонент: из того, что высказывается, и того, о чём высказывается. Единое не постигается даже умом. Единое лежит за пределами познания ума. У ума всегда двойственная природа. Ум – это мысль, которая всегда мысль о чём-то. Это всегда мыслящее и мыслимое. Любое мышление двойственно, и ум – начало двойственности у Плотина. Актом ума Единое нельзя постигнуть, потому что, когда я мыслю, субъект и объект мысли, предмет мысли и мыслящее разделены. Единое нельзя таким образом познать. Его можно познать только другим способом, который уже выходит за рамки рационального познания. Его можно постигнуть, только сближаясь с ним, соединяясь с ним неким несказанным образом. Это несказанное соединение с Единым, когда Единое присутствует в душе, — это высшее познание, которое находится за пределами умопостижаемого познания.

Путь к Единому Плотин описывает в риторике и образности платоновского «Пира» как эротическое стремление души. Плотин иллюстрирует отношение души к Единому отношением девушки к своему отцу. Это чистая и нежная любовь.

Создание мира, о котором говорит Плотин, — это создание, которое происходит не во времени, а вне времени. Единое представляет собой последнюю точку нашего категориального анализа существующего. Плотин выстраивает структуру, которая увеличивается Единым. Время у Плотина появится очень поздно, только на уровне души. У Единого и вечности нет, оно даже до вечности. Вечность появится на уровне ума, а время появится на уровне души. Единое не только вне времени, но и вне вечности.

Единое создаёт всё не потому, что оно хочет создать. Это не акт воли. Единое создает, без какого бы то ни было желания что-то создать. Единое создаёт потому, что любое существо, достигшее совершенства, рождает. Поскольку Единое, Благо ни от чего не зависит, оно совершенно, потому рождает. Этот процесс рождения бессознателен. Когда Единое рождает, оно никак не изменяется в своём существе. Оно рождает ум, никак не изменившись. Ум - это отображение Единого. Единое – это первообраз ума, который не затронут этим актом рождения. С Единым ничего не произошло. Оно создаёт всё, но никак от этого не страдает.

Поскольку Плотин следует платоновскому «Пармениду», он говорит о том, что в области Единого не работает закон исключенного третьего. Иначе мы должны были бы сказать, что если оно не движется, то покоится, если не покоится, то движется. В случае с Единым не работают правила логических законов. Это алогический объект.

Для античной философии Благо - это цель, то, к чему нечто стремится. В этом смысле Единое, будучи началом всего, является предметом стремления всего. К Единому, поскольку из него всё началось, всё стремится и для всего оно является Благом, но само в себе оно не Благо, поскольку оно само уже ни к чему не стремится.

Единое полностью равно себе, полностью покоится в себе и никуда не стремится. Все стремятся к тому, чтобы преодолеть в себе множество и стать Единым, потому что мы все страдаем из-за того, что мы множественны. Болезни, безобразия и

всё зло происходит от этого. Все стремятся к Единому, к соединению. Единое – момент, в котором всё достигло соединения. И этот момент сам ни к чему не стремится. Поэтому под Единым Благом имеется в виду Благо для всего, но само для себя оно не Благо. Оно само для себя и не единое.

Единое живёт.

Лекция 14. Неоплатонизм

Философия Плотина (продолжение). Антропология Плотина. Этика Плотина. Поздний неоплатонизм.

Философия Плотина (продолжение).

Ум.

Вторая ипостась, вторая сущность из тех, на которые Плотин делит божественный мир, — это ум. Ум — это первая двоица и второй бог. Второй бог — второй момент в божественном мире Плотина после Единого. Он первая двоица, потому что платиновский ум — это соединение двух моментов. Ум одновременно умопостигаемое и мыслящее. Они всегда даны вместе.

Для того чтобы понять, что такое ум Плотина, надо вспомнить платоновское учение об идеях и аристотелевское учение об уме, который мыслит сам себя. Платиновское понимание ума — это объединение двух этих моментов. Ум — это целое, которое охватывает все идеи. Это его предметное содержание. Все идеи представляют собой истинно сущее или просто сущее. Ум, когда мы его берём в аспекте содержания, в аспекте его предметности, есть совокупность идей как целое, которое Плотин обозначает словами «сущее» или «сущность». Плотин следует Платону, но у Платона не было никакого ума, который бы мыслил эти идеи. Платон об этом не рассуждает. У Плотина ситуация меняется, потому что его понимание ума прошло через аристотелевскую концепцию ума. Плотин уже не мыслит идей без того начала, которое будет заниматься их мышлением. Платиновский ум — это сочетание субъективного момента и объективного момента. Идеи — это объективный момент, содержание ума, а ум — это субъективный момент, момент познания.

Итак, платиновский ум двоится, потому что он — сочетание мыслящего и мыслимого. Эту двоицу нельзя разделить. То есть платиновская идея в отличие от платоновской — это не просто объективное, предметное, действительно существующее нечто, но к этому добавляется момент субъективный. К платоновской предметности добавляется момент самосознания. Ум не резервуар и не контейнер, в котором лежат идеи. Он является живым субъектом, который их мыслит.

Философия приобретает совершенно другие формы, которые апеллируют к определённом опыту, который выходит за рамки здравого смысла, потому что задача — спастись, бежать из этого мира, оставить его. Плотин основное внимание уделяет описанию божественной реальности, куда надо бежать, делая это на языке греческой философии.

У Платона и Аристотеля идеи или эйдосы представляли собой, как правило, логические единицы. У Плотина отдельные логические единицы перестают быть отдельными единицами. Плотин говорит, что в уме всё представляет собой живое целое. Когда у Платона появляются идея, ум, в котором знание этой идеи было врождённым, на основании предметов, которые встречаются в чувственном опыте, он постигает идею. О том, как идеи связаны, Платон немножко говорит, но не это в центре его внимания. Для Плотина то, что ум представляет собой живое целое, в котором всё объединено в органическом единстве, — это очень важный момент. Плотин становится родоначальником философии всеединства. Ум, образ бытия, не фрагментарен или раздроблен, а живое, единое органическое целое. Ум Плотина обладает потенцией метафорической трансляции к персонализации через то, что ум — это цельное живое существо.

В ум Плотина входят не только идеи родов и видов, как у Платона и Аристотеля. У него ум содержит идеи единичных вещей, что в философскую логику Платона и Аристотеля не укладывается, потому что единичное непознаваемо. Мысль Плотина выходит за рамки традиционного греческого рационализма.

Плотин - довольно жесткий критик аристотелевского учения о категориях. Он этому посвятил три огромных трактата. Он говорит, что учение о категориях создано для описания чувственного мира. Это совершенно справедливо. Всё вращается вокруг понятия первой сущности, а первая сущность — это этот человек, эта лошадь, эта собака. Аристотелевские категории - это категории чувственного мира, и Плотин, поскольку категориальное учение Аристотеля было одним из самых модных и самых распространенных и популярных учений в поздней античности, пытается заменить это учение так, чтобы это было не категориальным описанием чувственного мира, а категориальным описанием мира умопостигаемого. Для этого Плотин кладет в основу то, что Платон говорил в «Софисте» о высших родах сущего. По Плотину в уме есть главная идея, самое общее категориальное содержание ума. Заключается это в следующих идеях: идея бытия или сущего, идея тождества, различия, покоя и движения. Это новое категориальное учение об умопостигаемом.

Душа.

За умом следует область души. Душа – это сочетание определенных аспектов, которые он берёт из философии Платона и Аристотеля. Прежде всего, душа - это источник движения, поскольку у Платона душа понимается как самодвижущее начало. Оно движет само себя и всё остальное. Платон с помощью понятия души пытается интерпретировать открытие греческой астрономии своего времени.

Для Плотина само собой разумеется, что душа есть главный источник движения в нашем мире. Аристотелевские категории, которые он берёт из психологических сочинений Аристотеля, дают возможность использовать то, что Аристотель говорил о

способностях души, когда он различает растительную душу, душу очищающую и душу рассуждающую. В душе как божественной ипостаси присутствует, прежде всего, рассуждение. Ум мыслит, у души главное движение - это интеллектуальное движение. Это значит, что в отличие от ума, который мыслит интуитивно, непосредственно и схватывает непосредственно, душа мыслит дискурсивно. Буквально дискурсия – это «пробегать через что-то». Основное мышление души – это дискретное мышление посредством силлогизма, то есть душа мыслит совершенно по-другому, чем мыслит ум. Ум мыслит, схватывая непосредственно, а душа мыслит, раздробляя непосредственное схватывание ума на силлогизмы.

Логический механизм Аристотель описывает в книгах «Второй аналитики» как мышление посредством силлогизма, которое является связыванием большего и меньшего термина посредством среднего термина. Здесь несколько действий: мы должны сформулировать большую посылку, сформулировать меньшую посылку, выбросив средний термин, который сыграл свою роль, перейти к заключению. Для этого нужно время, и мышление души дискурсивно, то есть пробегает от большой посылки к меньшей посылке, а потом к заключению. Оно не происходит сразу и непосредственно. Мышление души происходит во времени, а мышление ума – в вечности, и сам ум – вечность.

В любом случае мысль души всегда требует и предполагает множественность. Самое важное, что есть в душе, - это интеллектуальное движение, самодвижение, которое присутствует в душе. Когда душа приводит в движение весь мир, она это делает не путём толчка, как в эпикурейской физике, и не путем тесного соприкосновения и непрерывного континуума, как у физики стоиков, а душа это делает, будучи непространственной, нематериальной субстанцией. И Единое, и ум, и душа вне телесности. Поэтому они начальные сущности, божественные сущности. Уровень, который заканчивается на душе, - это то, что Плотин называет божественным. Итак, душа - это самодвижущее начало, которое характеризуется дискурсивной, интеллектуальной деятельностью и в силу этой деятельности, являющаяся источником движения для всего физического космоса. Мы имеем отношение ко всем этим сущностям. В каком-то смысле мы ими и являемся.

Чувственно воспринимаемый космос.

Следующий момент после души - это космос, который душа оживляет. Космос представляет собой действие души на материю, а поскольку душа - это образ ума, а ум - это образ Единого, то действие души - это всё более и более разворачивающееся действие всех трех начал. Здесь мы подходим к сложному моменту метафизики неоплатонизма. Проблема связана с источником зла.

Чувственный космос представляет собой двойственное нечто. Это мир страдания, это мир смерти, это мир болезни, то есть мир, в котором присутствует зло.

Вся эпоха ощущает мир как нечто враждебное и злое. Но для греческой традиции после Платона этот космос в другом смысле прекрасен и благ. В нём присутствует форма, смысл, порядок и красота. Эта двусмысленность есть уже у самого Платона, когда, с одной стороны, в «Федоне» философия определяется как умирание и говорится в «Теетете» о том, что нужно бежать из этого мира, а с другой стороны, в «Тимее» говорится о том, что наш мир - это порядок.

Здесь есть проблема, которую неоплатоники по-разному решали. Для Плотина двойственность присутствует, потому что, с одной стороны, мир является порождением души и более высоких сущностей, и они приносят в космос форму и порядок, логосы как нетелесные формы. Если мы уберем из мира оформленность и движение, мы получим нечто странное, неопределённое, аморфное, беспредельное, которое Плотин вслед за Аристотелем называет материей. Источником зла по Плотину является материя, и космос - это соединение формы и материи.

Материя.

Плотин разработал способ, с помощью которого проблема зла была решена не дуалистическим образом. Материя, которая является источником зла, и главная характеристика которой является неопределенность, не представляет собой отдельной субстанции. Она представляет собой только убывание творческой силы Единого. Пока эта сила остается в рамках божественного мира, эта сила убывает несильно, но затем она в своем распространении доходит до определённого предела, когда она не несет более формы. Это убывание и есть материя. Она не существует отдельно. Это не есть начало, которое борется с Единым, противостоит Единому. Это естественный упадок сил, потому что для греческого сознания вполне понятно представление о том, что даже у творческой потенции Единого, хотя она и мощная, есть естественный предел. Естественный предел эманации единого есть материя.

Плотиновский космос замкнут между двумя вещами: между Единым, который является сверхсущностным, существующим за пределами бытия, за пределами ума, и материей, о которой уже нельзя сказать, что она существует, поскольку в ней нет никакой формы. Форма есть то, что несёт бытие. Форма - это логическая определенность. Когда мы не можем более ничего логически определить, мы вступаем в зону чистой материи, полной лишённости формы, в зону, которая мир ограничивает. Если бы не было материи, то у нас не было бы чувственного космоса.

Материя у Плотина - это не вещество, а полная неопределенность.

Если отвлечься от того, что на космос действует душа, то это труп, несуществующее. Душа приносит в мир движение и формы. Наш космос - это сочетание божественных ипостасей и материи. Точку встречи действия души как третьей ипостаси и материи Плотин называет природой. Когда мы берём в человеке его

растительную, животную потенции, то это и есть природа. Это проекция души на материю тела.

Антропология Плотина.

Плотин в трактате «О том, что такое живое существо и что такое человек» рассуждает, что в человеке животное, а что человеческое. Он даёт оригинальное решение на основе соединения платоновских и аристотелевских мотивов. У Аристотеля душа - это энтелехия тела. Это значит, что душа есть форма тела, которая неотделима от этого тела, формой и смыслом которого она является. У Платона душа бессмертна, а у Аристотеля она находится в теле, и только ум приходит в душу извне.

Плотин задаётся вопросом: что такое мы, если нас брать как психофизиологическое целое, что такое душа. Для него душа - это не смысл тела, а последняя ипостась божественного мира. Каким образом она соединяется с телом? Плотин даёт такой ответ: то, что Аристотель назвал энтелехией тела - это не есть душа, это то, что есть проекция истинной души, которой истинная, божественная душа освещает тело. Этот призрак мы в обычной жизни отождествляем с собой, обманывая себя и принимая это за душу.

Животное в нас не существует на самом деле. В этом разница между Плотиним и Аристотелем. Где тогда подлинное я? Оно есть собственно человек. Животное существо призрачно, а наше подлинное я – в мышлении. Наша высшая часть, которая мыслит, у Плотина вообще не сходит в мир возникновения и уничтожения. Плотин формулирует то, с чем будут полемизировать позднейшие неоплатоники: высшая часть души никогда не нисходит, и эта высшая часть души есть наше подлинное я, мы сами.

Плотин вступает на путь открытия бессознательного или сверхсознательного. Главная задача платоновской антропологии - это побудить в нас найти нас самих, найти себя, но найти себя - это осознать то мыслящее, которым мы на самом деле являемся и которое мы всегда забываем. Мы забываем, потому что наша душа не зашла в мир возникновения и уничтожения. Она породила этот призрак. Подлинное я никак не затрагивается нашей жизнью здесь.

Задача человека заключается в том, чтобы перестать отбрасывать свет на тело, то есть перестать на него обращать внимание, перестать подвергаться его страстям и его действиям, вернуться к тому, что мы на самом деле всегда есть. Когда мы вернемся к тому, что мы есть, мы будем счастливы, хотя на самом деле мы всегда счастливы, потому что с высшей частью ничего сделать нельзя.

Почему вообще наша душа этот призрак породила? На этот вопрос ответов было несколько. В раннем трактате V.1 душа отпала от Единого, потому что она решила принадлежать самой себе в силу действия акта своеволия. Душа захотела принадлежать себе, а не уму и Единому. В поздних трактатах Плотин описывает эту ситуацию как естественный результат эманации Единого, и он описывает это не как дерзость души и

решение её поступать по собственному усмотрению. Он усматривает в этом скорее действие материи.

Истинный человек относится к телу как человек, который сидит на берегу речки, опустив ноги в воду. Вода, которая омывает ноги, - это тело и живое существо, а вы сами над, выше. Поэтому задача понять то, что вы и так есть. Эта задача решается в рамках этики Плотина.

Этика Плотина.

Этика Плотина - это этика восхождения к Единому. Цель – соединение с Единым. Это мистическое единство со-пребывания с Единым. Только так мы можем достичь счастливой жизни. Плотин говорит, что соединиться с Богом возможно только через добродетели. В этом отличие Плотина от большого количества мистических учений.

Всё начинается с политических добродетелей. Это четыре основных добродетели, о которых шла речь в платоновском государстве: мудрость, умеренность, справедливость, мужество. Ими надо овладеть. «Без добродетели и бог остаётся лишь именем». То есть, нет смысла говорить о боге, если путь к богу пролегает вне добродетели. Тогда бог только слово. Политические добродетели вносят в душу меру. Без политических добродетелей мы никогда не смогли бы начать путь к соединению с Единым, потому что это всё больше и больше определяющее себя, придача себе формы, меры и предела. Единое – это начало всякой определённости, хотя оно само сверхмеры, сверхпредела, сверхформы.

Следующий момент - это катартические добродетели, очистительные добродетели. Это те же добродетели: мудрость, справедливость, умеренность, мужество. Но на этой ступени их надо практиковать иначе. Они должны не быть мерой для живого существа, для психофизиологического единства. Они теперь должны помочь нам отделить в живом существе душу от тела. Это их деятельность очищающая. Когда мы это сделаем, то выйдем за пределы нашей животной природы, перейдём на уровень души. Но этот уровень тоже нагружен множественностью, а множество заставляет нас страдать. Мы хотим собраться в единый луч, поэтому на этой ступени мы не должны и не хотим оставаться и идём к следующим добродетелям. Мы прошли через добродетели политические, катартические.

На уровне души у нас добродетели не очищающие, а уже очищенные, от которых мы должны перейти на уровень ума к тем добродетелям, которые уже являются добродетелями умопостигаемыми. Позднейшие неоплатоники говорили о парадигматических добродетелях образца, потому что уровень ума связывался ими с платоновской парадигмой в «Тимее». Итак, четвёртый уровень – это парадигматические добродетели, добродетели в уме.

Последний прыжок – прыжок из мира множественности, потому что ум - это ещё множество, первая двоица и второй бог, но мы ещё не нашли себя, той точки, в которой мы прикреплены к Единому. Здесь мы вступаем в область мистического опыта, который Плотин описывает словами: «это словно иступление из себя», «со-пребывание». Здесь достигается такое состояние, когда я кажусь себе совершенно единым и простым.

Это высшее состояние, когда мы полностью себя отождествляем с Единым. Это область мистического, религиозного опыта, который был у Плотина.

Поздний неоплатонизм.

Порфирий.

Иногда считают, что Плотин не был неоплатоником, и никакой неоплатонизм он не основывал, потому что был слишком своеобразной и оригинальной личностью. Его трактаты - это рассуждения, но они в школе использованы быть не могут, а культура поздней Римской Империи – это школьная культура. Поэтому странные рассуждения Плотина, выраженные в сложных формах, погибли, если бы к Плотину не приехал в 60-х годах 3 в. человек, который был одним из самых замечательных эрудитов того времени, который уже ко времени приезда был вполне состоявшимся филологом, историком, критиком литературным, философом – Порфирий. Он издал «Эннеады».

Порфирию мы обязаны тем, что философия стала неоплатонической, что Плотин не был забыт. У Порфирия, как у человека вышколенного и менее эксцентрического, был дар ясного изложения, дар писать учебники, комментарии. Он был необычайно эрудированным человеком и замечательным писателем, если под писателем иметь в виду человека, который умеет ясно излагать свои мысли. Порфирий был великолепен как педагог, вокруг которого образуется то ядро, которое станет основой позднейших неоплатонических школ.

Порфирий написал ряд сочинений, которые просто и понятно излагают философию Плотина. Самые важные из этих сочинений - это «Суждения, ведущие нас к умопостигаемому» или «Отправные пункты для движения к умопостигаемому». Это прекрасный учебник. На основании Плотина Порфирием были написаны комментарии к платоновским диалогам. На основании философии Плотина им комментировался Аристотель, что стало крайне важным для западной традиции потому, что на Порфирия ориентировался Боэций, а без Боэция не было бы ранней средневековой философии на латинском языке.

Порфирия трудно назвать оригинальным мыслителем. С ним начинается процесс, который дальше доходит в неоплатонизме до своего предела. У Плотина было только три ипостаси: Единое, ум, душа. Единое является причиной ума, тем самым оно вступает с умом в причинно-следственную связь, то есть оно начинает затягиваться

низшей ипостасью, а это нехорошо, потому что если есть причины и следствия, то от причины что-то переходит к следствию. Возникает у позднейших неоплатоников психологическая потребность отделить Единое от причины ума. Эти ипостаси начинают подразделять на разные уровни. Весь поздний неоплатонизм - это разбиение Единого, ума и души на триады, то есть в Едином будет триада, в уме будет триада, в душе будет триада.

Сам Плотин не комментировал, не писал последовательных комментариев на Платона и Аристотеля, а Порфирий эти комментарии пишет. Он фактически основатель для неоплатонизма традиции философского комментария, то есть такого комментария, когда каждое платоновское или аристотелевское предложение подробнейшим образом комментируется и связывается со всей философией неоплатонизма. С ним начинается процесс раздробления ипостасей и начинает процесс превращения философии в комментирование текста.

Хотя Порфирий сыграл очень важную роль для того, чтобы неоплатонизм приобрёл школьные формы, но другой неоплатоник сыграл важнейшую роль для того, чтобы неоплатонизм приобрёл ещё и другие черты, - это Ямвлих из Халкиды. Это ключевая фигура для позднего неоплатонизма, потому что для Плотина и Порфирия высшим философским актом было созерцание Единого, соединение с Единым.

Ямвлих.

Ямвлих – человек другого интеллектуального склада. Высшей целью философии неоплатонизма он сделал не просто соединение с Единым, а такое соединение с Единым, которое наделяет философа чудодейственной силой. Ямвлих становится основателем теургии в неоплатонизме. Теургия - это высшая философская магия. Созерцание Единого, теоретическая жизнь становятся низшим уровнем по сравнению с теургией. Ямвлих попытался сделать из неоплатонизма религию, которую можно было бы осуществить политическими средствами.

Основная творческая деятельность Ямвлиха до 330 г., то есть именно тогда, когда Римская Империя становится христианской, но борьба ещё продолжалась. Ямвлих разработал такое мировоззрение, которое позволяло сделать из неоплатонизма религию. Эта попытка была предпринята одним из учеников Ямвлиха в 60-е г. 4 в. императором Юлианом, который был в мировоззрении своём неоплатоник ямвлиховой школы. Неоплатонизм сделал последнюю попытку отката от христианства, и эта попытка провалилась, потому что церковь к этому времени была уже мощнейшим институтом, и никакими рассуждениями про теургию, белого и черного Эроты ничего нельзя было сделать.

История философии обязана Ямвлиху поворотом неоплатонизма к магии, чудотворству, теургии. Порфирий начал случайный комментарий к платоновским диалогам, Ямвлих сделал из платоновских диалогов единый канон. В школах читались

12 диалогов. «Парменид» со времён Ямвлиха становится центральным богословским диалогом Платона. Ямвлих сделала то, что центральными текстами для изучения стали «Халдейские оракулы» и гимны орфиков. В произведении «О египетских мистериях» можно получить информацию о Ямвлихе, о полемике с Порфирием.

Афинская и александрийская школы.

Влияние Ямвлиха было огромным. Оно особенно проявилось в афинской неоплатонической школе 5 в. н. э. – 6 в. н. э. Основные представители афинской школы: Плутарх Афинский, Сириан, Прокл Диадох, самый систематический и самый продуктивный писатель среди неоплатоников. Прокл был человек необычайного трудолюбия и очень сильного систематического ума. Ему принадлежат завершающие работы неоплатонической школы систематического характера. Прокл написал огромные комментарии на все диалоги ямвлихова канона. Из них до нас дошли комментарии к «Алквиаду Первому», «Пармениду», «Тимею», «Кратилу».

У Прокла есть прекрасный учебник по неоплатонизму. Это краткий учебник богословия. Философия - это богословие по Проклу, поэтому первооснова богословия - это изложение основных учений неоплатонизма.

Афинская школа - это соединение платиновского и ямвлихианского направления, поэтому Прокл был не только философом и писателем, но и чудотворцем.

Были Афины как центр позднего неоплатонизма в 4 в. – 6 в., и был центр неоплатонизма в Александрии. Александрийский неоплатонизм очень важен. Афинские неоплатоники пытались быть верными заветам ямвлихова неоплатонизма, сохранить эллинскую теологию, придав ей систематический характер, снабдив её магико-теургическими учениями и практиками. В Александрии этим заниматься было сложно, потому что была очень сильная христианская община, были очень сильные личности на посту епископов. Александрийским платоникам приходилось плохо.

Чтобы выжить в Александрии, неоплатоники стали делать больше упор не на истолкование Платона, а на истолкование Аристотеля, потому что Аристотель гораздо лучше сочетался с христианским мировоззрением. Во-первых, его философия гораздо более монотеистична. Метафизика - это учение об уме как перводвигателе. У неоплатоников сложнейшие иерархии богов, потому что уровни отождествляли с богами традиционной мифологии. Получалась политеистическая система, которая в Александрии не приживалась. Аристотель приживался. Кроме того, он проще, и у него нет неоплатонической иллюзорности чувственных вещей.

Александрийский неоплатонизм взял курс на упрощение платонизма. В Александрии неоплатоники существовали очень долго. Неоплатонизм именно в александрийской редакции, то есть упрощенный неоплатонизм, дожил до арабов.

Из александрийских неоплатоников стоит знать помимо Гипатии таких деятелей как Аммония, сына Гермия, который учился у Прокла и написал много комментариев

на Аристотеля, Олимпиодора, от которого дошли несколько комментариев на платоновские диалоги и несколько комментариев на аристотелевские сочинения, Иоанн Филопон, Давид Анахт и Элий, последние александрийские комментаторы Аристотеля, но самая последняя фигура - это Стефан, комментатор Аристотеля, который в 700 г. переехал из Александрии в Константинополь.

Афинский неоплатонизм кончается в 6 в. деятельностью двух последних представителей афинского неоплатонизма: Симпликия и Дамаския. Симпликий - это величайший комментатор Аристотеля. От него сохранились огромные комментарии, где Аристотель проходит через неоплатоническую интерпретацию. Дамаский – это апофатик и апоретик неоплатонизма. Это один из самых сложных неоплатонических мыслителей, который характерен тем, что неоплатонизм, особенно в версии Прокла был систематическим, целостным учением, а Дамаский стал в неоплатонизме вскрывать различные апории.

Политически неоплатонизм заканчивается в 529 г., когда эдиктом императора Юстиниана афинская неоплатоническая школа закрывается с религиозной мотивировкой. Скорее всего, это была попытка изъятия имущества земельного. Последние неоплатоники, Симпликий и Дамаский уезжают в Персию по приглашению царя, но пробыли они там недолго. В Персии им не понравилось.

Постепенно неоплатонизм исчезает как существующее, реальное философское направление, но продолжает жить в Византии как подводное течение. Тексты неоплатоников не были утеряны, и когда кто-нибудь из образованных греческих патриархов или епископов, или монахов хотел постичь подлинную мудрость эллинскую, то эти сочинения снова открывались, перечитывались. Кроме того, масса слов, образов, понятий неоплатоников входят в христианскую церковную литургическую литературу, особенно через сочинения того человека, которого ученые называют Псевдо-Дионисий Ареопагит.

ФИЛОСОФСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ
МГУ ИМЕНИ
М.В. ЛОМОНОСОВА

teach-in
ЛЕКЦИИ УЧЕНЫХ МГУ